

Д.А.ДРБОГЛАВ

УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ
ПО
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛАТЫНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Д.А.ДРБОГЛАВ

УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ
ПО
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛАТЫНИ



Издательство
Московского университета
1993

Рецензенты:

профессор *А.Ч. Козаржевский*,
кандидат исторических наук *О.И. Варьян*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Федеральная целевая программа книгоиздания России

Дрбоглав Д.А.

Учебное пособие по средневековой латыни. – М.: Изд-во МГУ. 1993. – 142 с.

ISBN 5 211-02774-4

Первое в нашей стране пособие по средневековой латыни состоит из теоретической части, построенной по принципу последовательного изложения разделов грамматики, и практической части - хрестоматии. Язык, включенный в общую панораму эпохи, предстает как живое, развивающееся явление.

Для историков-медиевистов и для специализирующихся по классической филологии.

02020100(4309000000)-045 46-93
077(02)-93

ББК 81.2

Предисловие

Средневековую латинскую филологию нельзя считать новой дисциплиной, но долгое время не была решена задача составления общего руководства по данному предмету. До середины 20-х годов XX в. прочтение источников эпохи феодализма порой пытались основывать на классическом наследии. Однако передовые ученые и значительно позднее выражали уверенность в необходимости самостоятельного изучения средневековой латыни. Такие мысли высказаны англичанином Гектором во Введении к его палеографической работе¹. Они косвенно отражают факт легкомыслия отдельных историков в решении сложных лингвистических проблем, которые выдвигаются в их исследованиях.

К. Штреккер, составивший первое руководство по средневековой латыни как часть общего введения в средневековую литературу², подчеркнул трудности предмета (в частности, необычные конструкции и значения слов) и выдвинул задачу их решения на основе законов, которые формировались исторически. Итак, без учета средневековой грамматики познание источников будет не всегда полным и достоверным.

На первых порах разработки общих вопросов средневековой латыни немецкие исследователи в практической работе опровергли выставленное ими же положение о невозможности составления общей грамматики и словаря. Тот же Штреккер не мог не признать существования общих особенностей средневекового языка и важности их для науки.

Книга Штреккера долгое время оставалась одним из немногих руководств по рассматриваемой теме³. Многократное ее переиздание и переводы на французский и английский языки говорят не только о популярности труда, но и о сложности разработки самой темы. О том же свидетельствует характер руководства К. Ланго-

¹ Hector L. The handwriting of English documents. London, 1963.

² См. последнее издание на немецком языке: Strecker K. Einführung in das Mittellatein. Berlin, 1939.

³ Несколько позднее вышел труд в первом издании: Beeson Ch. A Primer of medieval Latin. Folkestone, 1973 (перепечатка первого издания).

ша⁴, построенного по прежнему принципу, то есть как часть более широкого предмета. Среди других работ привлекают внимание учебники Кремаски⁵ и Норберга⁶. Последний дает подробный перечень словарей по средневековой латыни.

На русском языке имеется ряд исследований по церковному латинскому языку. Попутно в них дается общая характеристика средневековой латыни⁷.

Первые составители средневековой грамматики столкнулись с главной проблемой: как отделить то, что хотя и получило широкое применение в грамматике и лексике эпохи феодализма, возникло гораздо раньше и было известно порой даже в золотой латыни. Проблема поставлена, но не имела должного решения. За неспособность выделить собственно средневековые элементы Штреккера подвергли критике его коллеги, а проблему он так и не смог решить.

Кроме того, в некоторых трудах по народной латыни есть тенденция привлекать для исследования без оговорок литературные произведения раннего средневековья⁸. Тем самым как бы ставится знак равенства между народной латынью и варварской.

В предлагаемой работе сделана попытка последовательно изложить традиционные разделы грамматики, рассматривая их более четко в разрезе того, что в каждом случае привнесли средние века. Элементы предшествующего времени оговариваются и прослеживаются, когда их использование в отличие от периода античности слишком усиливается или, наоборот, ослабляется.

Автор благодарит всех, кто помогал ему советами и замечаниями, и особенно Б.А. Макеева за редакционную правку учебного пособия.

⁴ Langosch K. Lateinisches Mittelalter. Darmstadt, 1963 (имеются переиздания работы).

⁵ Cremaschi G. Guida allo studio del Latino medievale. Padova, 1959.

⁶ Norberg D. Manuale di latino medievale. Firenze, 1974.

⁷ Малеин А.И. Латинский церковный язык. Сергиев Посад, 1907; Садов А.И. Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени (до VIII века). Петроград, 1917. Ч. 1.

⁸ Гурьчева М.С. Народная латынь. М., 1959.

ВВЕДЕНИЕ: ПУТИ РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Понимание основных путей развития латинского языка в средние века имеет не только теоретическое значение, но и большую практическую ценность, обусловленную необходимостью адекватного перевода средневековых источников. Сложность темы вытекает уже из того, что средневековая латынь представляет собой необычное языковое явление. Отметим в связи с этим две его стороны. Во-первых, если до конца V в. субстрат будущего языкового явления выступал как господствующий литературный и народный язык на территории единого государства, то после падения Римской империи он постепенно становится в известном отношении также господствующим во всех странах Западной и Центральной Европы. Довольно быстро потеряв свое значение народного языка, поскольку старая вульгарная латынь дала ростки новых романских языков, и исчезла как таковая, латинский язык в средние века все более укреплял свое связующее значение в качестве литературного языка, а вместе с тем языка управления, католической церкви, школы и науки. Во-вторых, вопреки отмеченному положению латыни как объединяющему началу, она по своему характеру в любой период средневековья не являет собой нечто целое. Различия проистекали как из местных особенностей, то есть определялись влиянием языков народов, основавших новые государства, так и из многообразия целей непосредственного применения языка, а вместе с тем и из степени образованности писавших на нем людей.

Для общего понимания характера средневековой латыни надо учитывать вызванный падением Римской империи культурный регресс, нарушивший традиции образованности. Правда, они оживали в недрах феодального общества. В епископских, монастырских и других школах продолжали культивировать латинский язык. С XII в. ту же функцию стали выполнять университеты. И все же успехи образования до эпохи гуманизма так и не могли привести к выработке строгого литературного латинского языка, который бы приближался к уровню языка римских писателей конца республики и империи.

Большое практическое значение имеет также уяснение непосредственных источников языка средневековья. Прежде всего

кет возникнуть вопрос в связи с тем понятным представлением. в целом средневековая латынь была регрессом по сравнению литературным античным языком. Здесь необходимо уточнение: на протяжении нескольких сотен лет после “золотой” поры римской литературы шло, хотя и постепенно, ослабление строгих норм грамматики. Таким образом, на рубеже V и VI вв. произошел органический переход от позднеантичной латыни к новой стадии развития языка, и средневековая латынь обнаруживает и этом обилие тех элементов, которые возникли в последние века Римской империи.

Наряду с общей позднеантичной основой сказалось влияние латинской церковной литературы с ее характерным языком, бывшим той же поздней латынью, испытавшей воздействие Тертуллиана, Иеронима, Августина. Церковная литература несла с собой громадный слой новой лексики и прежде всего множество греческих терминов, а также упрощение синтаксиса (например, путем замены инфинитивного оборота дополнительным предложением). Церковные языковые элементы, в средние века все умножаясь, насыщают даже светскую прозу и поэзию.

Наконец, одновременно с позднеантичными элементами и церковным языком, третьим слоем, сыгравшим также одну из главных ролей в переходе к языку средневековья, была народная латынь. Ее элементы насыщали уже позднюю античную литературу и ранний церковный язык. Но на заре средневековья, когда латынь была еще отчасти разговорным языком широких слоев населения, при резком падении образованности эта стихия вульгарной латыни должна была резко влиять на характер литературного языка, не говоря о господстве в тех случаях, когда надо было использовать письменность при плохом знакомстве с простейшими правилами грамматики. И на первых порах чувствуется чаще преобладание этого последнего слоя.

Из всего сказанного понятно, что непосредственные корни средневекового латинского языка надо искать не в “золотой” или “серебряной” эпохе, а в поздней античности. И все же на протяжении всего долгого развития языка начиная с VI в. мрак в области культуры не мешал обращаться многократно к произведениям лучшей поры римской литературы. Это наблюдалось не только в отдельные более заметные периоды распространения образования, как это было в каролингское Возрождение. Исходя из оставшихся центров прежней традиции, которые в основном сохранились на островах, а затем оживали благодаря ирландским и англосаксонским монахам, влияние римской литературы и языка обнаруживалось порой на континенте. Все же это влияние не имело долгое время большого успеха. Варварское одичание не только в первые века после падения римского государства, но и в дальнейшем соседствовало в той или иной мере с более

чистой римской традицией. Лишь деятели Возрождения, особенно позднего, с их научным подходом оказались способными если не полностью преодолеть в языке все остатки варваризмов, все же заложить основу для выполнения в дальнейшем этого дела. Успехи науки и образования в начале нового времени, несмотря на отдельные случаи регресса, привели к осуществлению заветов гуманистов.

При наличии противоположных влияний и традиций в каждый период средневековья можно, исходя из преобладающих тенденций в культурной истории, установить довольно четкие периоды развития средневековой латыни.

Первый следует отсчитывать от грани между античностью и средними веками: он охватывает в целом VI–VIII вв. Это время по преимуществу варварской (или меровингской) латыни, когда одичание в культурной области имеет ярко выраженный вид. В наибольшей степени происходит отход от фонетики, морфологии, синтаксиса предыдущего времени. Даже произведения заметных писателей этого времени (Григория Турского, Иордана, Псевдо-Фредегара) обнаруживают в своей языковой основе слой народной латыни. Одновременно язык широко воспринимает германские и кельтские слова. На островах сохраняются очаги старой традиции, которые не захлестнула варварская стихия (пример – сохранение Бедой Достопочтенным основного облика античной латыни).

На грани VIII и IX вв. произошел временный культурный перелом, сказавшийся, в частности, в культивировании традиций римской литературы и латинского языка “золотой” поры. У писателей этого времени (Алкуина, Эйнхарда, Павла Диакона) есть стремление закрепить нормы классики и устранить неправильности в грамматике. Однако, несмотря на заметные успехи в этом направлении, даже лучшие стилисты той поры не имели возможности в столь короткое время культурного расцвета добиться полного очищения языка. И все же главное было достигнуто, так как перед варварской стихией оказался своеобразный заслон в виде воскрешения прежнего идеала римской образованности.

Между деятелями каролингского Ренессанса и ранними гуманистами лежит длительная эпоха, когда разные образцы латыни обычно носят на себе своеобразный отпечаток, что и закрепило за языком этого времени понятие по преимуществу средневековой латыни. Но и тогда она была в развитии. Испытав опять некоторую порчу после каролингского Возрождения, она все же в лучших своих литературных вариантах сохранила в грамматике и лексике античную основу. Чистота и сейчас зависит от степени выучки. Непосредственные образцы для нее менялись. В каролингскую и оттоновскую эпохи следовали Вергилию, Овидию и

ерковным поэтам. Затем церковные поэты совсем почти отсутствовали. В XII–XIII вв. образцами стали Овидий, Гораций, Персий, Овенал, Саллюстий, Светоний и другие авторы. Средневековый итературный язык имеет интернациональный характер. Родину оставителя произведения не определишь, если в тексте не чувствуется местного влияния со стороны нового языка. Но нет в это время и единой латыни, так как не установились еще ее единые рамматические и лексические нормы.

Обычно гуманистический латинский язык выносят за рамки средневекового, рассматривая как рабское подражание античности. Вряд ли следует придерживаться такой позиции и не только по формальным признакам (позднее Возрождение совпадает по времени лишь с началом позднего средневековья), но и по существу, причем одно с другим органически связано.

Прежде всего не следует утрировать представление о гуманизме как о рабском подражании. Для деятелей той эпохи античность была примером, к которому стремились. Но этот образец как бы ускользал и не был полностью достигаем. Так было с гуманистическим письмом, так было с языком. Хотя с началом Возрождения открывается эпоха главного расцвета латыни в средние века, последняя оказывается не во всех отношениях правильной и при жизни Валлы (1405 или 1407–1457). Вот какую характеристику дают тому времени поздние гуманисты в предисловии к изданию произведений Валлы: “Во времена Валлы латинская речь текла без закона, без какого-либо соблюдения древней чистоты, и по всей Италии свирепствовало варварство”⁹.

Итак, оторваться от прежнего невежества сразу не было сил. Несмотря на большую чистоту языка XV в., в нем еще часто встречаются элементы обычной латыни предшествующих веков. Но именно благодаря тому, что Валла и другие деятели той эпохи установили более твердые нормы языка, на рубеже следующего века произошел новый невиданный подъем. Но даже лучшие его носители (Гуттен, Эразм Роттердамский, Мор) не могли писать в полной мере на языке римских писателей. С одной стороны, стиль языка непомерно усложняется: гуманисты хотят как бы показать друг перед другом свою образованность, а с другой – слишком долгой была средневековая эпоха, чтобы можно было сразу отказаться от ее укрепившихся традиций, и некоторые средневековые языковые элементы еще длительно обнаруживаются. Сменившие гуманистов эрудиты иногда допускали известный регресс, и только новое время с его точным научным подходом восстановило

⁹ Fluebat Vallae temporibus sermo Latinus sine lege, sine ulla priscae puritatis observantia, grassabaturque tota Italia barbaries (De linguae Latinae elegantia libri sex. Coloniae, 1545). Цит. по: Ц а д о в А.И. Латинский язык в его истории. С.-Пб., 1910. С. 13.

строгие правила золотой латыни, по которым строили чрезвычайно сложные по стилю тексты официальных документов, научных произведений и докладов вплоть до XX в.

Два слова о практических трудностях предмета. Античник может как будто свысока смотреть на работу медиевиста с образцами “кухонной” латыни. Они действительно часто имеют простой и даже примитивный вид. Однако многочисленные исключения в море средневековой документации, дающие своеобразные головоломки, неведомые специалистам древнего мира, не позволяют ни в коей мере согласиться с принижением трудностей средневековой латыни.

І. Буквы

Звуки передаются в основном теми же буквами, что и в античности. Получает значительное распространение буква *w* (= *u-v*). Она импонирует писцам, так как ей легко было придать в инициалах каллиграфические формы. Она порой встречается в литургических кодексах:

Wersus = Versus

Не случайно эта буква дважды фигурирует на процарапанной латинской берестяной грамоте из Новгорода, имеющей литургическое значение:

weni = veni

ewangelium = evangelium

На закате средних веков были добавлены две буквы: 1) из единой до этого буквы *u-v* выделяются две, то есть скругленная форма стала употребляться для обозначения, как правило, гласного звука, а острая - для согласного (после *q* и в некоторых других случаях, очень немногих, и теперь все же дается скругленная форма); 2) знак *j*, который прежде был лишь одной из форм буквы *i*, ныне стал употребляться для обозначения согласного звука йота.

В немногих случаях звуки могут передаваться иным способом, чем это было в античной латыни.

1) часто наблюдается взаимозамена букв *i* и *y* (*tybi = tibi*; *sinodus = synodus*);

2) происходит взаимозамена перед гласной *ti* и *ci* (*nacio = natio*; *fatio = facio*);

3) сочетание *ph* порой передается буквой *f* (*filosofus = philosophus*), хотя бывает и обратное явление (*nephandus*):

4) буква k встречается чаще, чем прежде (katholicus = catholicus).

II. Новые фонетические явления

1. Диграфы

а) Исчезновение диграфов

Это явление было уже показательным для народной латыни. С VI в. и до раннего Ренессанса отсутствие диграфов – общее явление. Правда, отказ от диграфов преимущественно заметен с XI в. В связи с этим в XIV в. более древние рукописи получают наименование “кодексы с дифтонгами”. Степень устранения диграфов оказывается не совсем одинаковой. Наряду с полным отказом от диграфов можно заметить разную манеру их использования: 1) полная замена “ae” через “e” при употреблении “oe”, причем такая практика была, по-видимому, по той причине, что последний диграф передает звук, который другим способом не может быть обозначен, 2) использование “ae” только в основах слов, 3) устранение “ae” только из основ.

Отказ от диграфов приводит к многочисленным случаям путаницы в понимании слов:

ille = ille, illae

cepit = cepit, coepit

б) Неправильное употребление диграфов

Устранение диграфов не исключает в ряде случаев, так сказать, более интенсивное их использование, то есть тогда, когда они не должны быть употреблены. Например, часто встречается написание aecclesia = ecclesia (церковь). Другие примеры элементарных ошибок: aeques, праемо.

Более сложным оказывается искажение в написании incoeri = coeri (я начал). Ошибку можно объяснить смешением двух глаголов одного значения: coeri, inseri. Итак, смешение глаголов привело к своеобразной амальгаме. Подобный пример: quaerog = querog (querog + quaero, где смешение слов с разным значением).

2. Дифтонги

Хотя вопрос о средневековом произношении остается не всегда ясным, можно отметить превращение порой дифтонгов в звучание двух отдельных гласных: laüs, neüter.

Дифтонг au иногда заменяется одной гласной:

agustus = augustus

3. Перегласовка

Низкий литературный уровень языка вызывал возможность астного употребления в одних и тех же терминах разных гласных. Это приводило к появлению столь большого числа написаний многих терминов (при наличии довольно вольной передачи также огласных звуков), что даже словарь Дюканжа полностью не учитывает все варианты.

Происходит чередование гласных e - i (veretoni = viritones - стрелы от арбалета; lancia = lancea); o - u (diabulus = diabolus, incolomis = incolumis, mundus = mundus).

4. Звук h

Если уже в античности наблюдается ослабление придыхания, прежде всего в народном говоре, отчего многие слова, начинающиеся с этой буквы, могут иметь вариант и без нее, то для средних веков такое явление еще более показательнее. Звук и буква пропадают порой даже в середине слова:

veit = vehit

spera = sphaera

scisma = schisma

Вместе с тем получила распространение гиперкоррекция (появление новой ошибки), то есть когда буква употребляется в тех случаях, где ее прежде не было: nothus = notus, hac = ac. Уже последний пример может вызвать ошибочное понимание текста. Столь же показательны другие примеры:

hostium = ostium, ortus = hortus, ora = hora, hora = ora.

Наблюдается также преимущественно в XI в. переход придыхания в ch (michi = mihi, nichil = nihil), а в испанской латыни, для которой особенно показателен пропуск придыхания, в "с" (mici, nicil).

5. Удвоенные согласные

Уже в античности удвоенные согласные стали произноситься как простые, отсюда упрощение в их написании. То же явление имеет место в средние века. Надо учитывать, однако, что число согласных букв, в состав которых входят вертикальные линии, нельзя порой установить из-за характерного написания готических форм: употребление в готике параллельных штрихов нередко вызывает сомнение относительно того, является тот или иной штрих своеобразным украшением или же дает еще одну букву.

Итак, как в этом случае, так и во многих других напрашивается палеографическое объяснение элементов средневековой латыни

6. Взаимозамена согласных звуков и изменение сочетаний согласных

а) d - t

Это явление происходит довольно часто:

adque = atque

aliquot = aliquod

capud = caput

б) ct - tt

micto = mitto

amittus = amictus

в) g - j

aiebat = agebat

magestas = maiestas

г) Упрощение или усложнение соединений согласных:

c, s = sc (ceptrum, septrum)

s = ps (salmus)

ngn = gn (angnus, pungnare)

д) Вставка "p".

Наблюдается закономерное добавление "p" между двумя носовыми звуками: dampnum, dampnare, columpna, contempnere, solempnis, humpnus. Но есть и другие случаи вставки той же согласной: ydemptitas, hyemps.

7. Ударение

Эта сторона фонетики в практическом плане важна для чтения стихов.

Классическая поэзия в средние века оставалась образцом для правильного стихосложения, и тем самым она давала основу для постановки ударения в прозе. Но даже у хороших поэтов до XII в. встречается в долготе гласных много ошибок (например, géntilis). Для всего средневековья показательно ударение на втором слоге от конца в слове muliérís.

Греческие слова сохраняют свое родное ударение (éremus, ídolum, sophía), но могут быть исключения. Встречается, например, двойное ударение: parádisus, Égyptus. В стихах же в этом отношении отмечается чрезвычайный произвол (philosophía, anathéma).

Б. МОРФОЛОГИЯ

Морфологические изменения в целом не столь заметны, как трансформация синтаксиса и словарного состава языка. Если общее число новых форм и достигает внушительных размеров, то все это многообразие будет иметь отношение или к варварской латыни, или к тем образцам языка более позднего времени, где "инъекция" классической образованности сказывается в незначительной мере. Ниже прослеживаются важнейшие явления.

І. Глагол

Для глагола показательны сравнительно небольшие изменения. Для их понимания надо отчасти учитывать процессы, заметные еще в народной латыни, поскольку они наложили отпечаток на самые ранние средневековые источники.

1. Спряжение

Прежде всего заслуживает внимания изменение спряжения глаголов, имеющее многообразный вид. Иногда меняется

1-е спряжение	на 4-е (<i>commendare</i>);
2-е	на 4-е (<i>miscere, prohibere</i>);
2-е	на 3-е (<i>hêrere, mîscere, resplêndere</i>);
3-е	на 1-е (<i>adiciare, amplexari</i>);
3-е	на 2-е (<i>canêre</i>);
3-е	на 4-е (<i>efficire, fugire, cupiret, moritur, patitur, sinite</i>).

2. Образование времени

Встречаются иногда следующие новые формы:

faciebo = *faciam*

erabamus = *eramus*

exiebant = *exibant*

Если в первых двух случаях происходит взаимопроникновение форм, то в последнем видно стремление к устранению в отдельных формах специфических особенностей.

3. Основа

Гораздо заметнее случаи изменения глагольных основ:

- а) *iuvavi* = *iuvi*, *ligui* = *ligavi*, *confugiere* = *confugère*;
- б) *part. perf.* на *sus* вместо *tus* в сложных от *tendo*;
- в) форма *porunt* явилась исходной для образования основы настоящего времени (*poro*, *poris*, ... *poram* - *coni.*);
- г) образование основы настоящего времени через удвоения коренного слога - *poroscens*;
- д) обычным является безразличное использование основ (*cernisti* = *crevistis*, *volerent* = *vellent*, *linquerat* = *liquerat*).

4. Залог

Формы залога бывают с многообразными изменениями:

- а) отложительные глаголы получают обычную форму действительного (*exhorto mirares*, *patiebat*);
- б) появляются новые отложительные глаголы (*lacrimari*, *malignari*, *pernostari*);
- в) отложительные получают страдательное значение (*admirari*, *hortari*);
- г) иногда страдательного значения только некоторые формы отложительных глаголов (*castris ingressis* - вступив в лагерь; *pactus* - достигнутый).

5. Значение *participium perfecti*

Форма может получить активное значение:

ventus = *veniens*

6. Значение *participium praesentis*

- а) В обороте *abl. abs.* заметно употребление этого причастия в значении предшествующего действия: *...redeuntibus nunciis nullus castris est egressus* (после возвращения вестников никто не выступил из лагеря)¹.
- б) Причастие заменяет личную форму сослагательного наклонения: *ne illum amittentes* (чтобы его не потеряли). Уже здесь, как и в других разделах, видно вытеснение синтетических

¹ Lamperti annales. P. 224.

образований аналитическими, что проявляется в расширенном употреблении инфинитивов, причастий, вспомогательных глаголов, предложных конструкций.

7. Герундий

В винительном падеже герундий может быть без предлога:
dare manducandum - дать поесть

8. Герундив

Встречается активное значение герундива, что сказывается на значении описательного спряжения:

iurat se occidendum - он клянется убить

9. Infinitivus futuri passivi

Для этого инфинитива появляется новая форма: gerundivum + fore (у первого элемента нет особого оттенка).

10. Описательное спряжение

Наблюдается употребление новых видов описательного спряжения:

- а) participium praesentis + esse
(decens est = decet; utens sum = utor);
- б) participium perfecti + fieri (= esse)
(sepultus fit = sepultus est).

Таким же образом используются глаголы constat, dinoscitur, evenerit, probatur (interfectus evenerit).

- в) Форма or habere + participium perfecti = perfectum:
verba habemus scripta - написали слова.

11. Вспомогательное значение глаголов

- а) Вспомогательное значение имеет большая группа глаголов (coepisse, debere, posse, velle и др.), которые выступают как плеоназмы:

coepit ebullire - вскипел;
Forte vos poteritis a me petere...²
- возможно, вы спросите у меня...
in omnibus, quae manducari debent - во всем, что едят;
ut debeat baptizare - чтобы крестил;

- б) habere = debere:
cantare habes - ты должен петь;

² Procès... Requisite praestare iuramentum.

в) *facio* с дополнением употребляется вместо одного глагола:

facere confessionem = *confiteri*;

facere moram = *morari*.

12. Отглагольные прилагательные

Встречаются отглагольные прилагательные, образованные по типу герундива:

nocendus – вредный, *placendus* – приятный.

13. Безличные глаголы

Безличные глаголы иногда превращаются в личные, например такие, как *paenitere* (*paenitemus* = *paenitet nos*), *puere*, *taedere*.

14. Значение неопределенной формы

Инфинитив часто получает значение существительного: *velle* = *voluntas*, *posse* = *potentia* (*pro posse*), *nosse* = *scientia*, *dici* = *narratio* (*ut dici praesumitur* – забегая вперед).

II. Существительное

Если оставить в стороне процессы народной латыни, хорошо отраженные в образцах варварской латыни, то в целом средние века не дают обилия изменений, которые бы затрагивали морфологическую сторону существительных. Эти изменения имеют спорадический характер.

1. Род

Изменение рода происходит реже, чем в народной латыни. Отметим некоторые примеры:

fons – *f*: *frons*, *pratum* – *m*; *mons*, *scopulus* – *n*.

На французской территории слова на *og* – *f*.

Множественное число среднего рода превращается в единственное женского рода:

folia, *ae*; *chronica*, *lilia*, *reticula*.

2. Падежные формы

Отклонения от написания классических падежных форм встречаются редко: *orbs* = *orbis*, *iteri* = *itere* = *itinere*, *nectare* = *nectar*.

3. Число

а) Формы ед. ч. иногда вместо мн. ч. (*cuna*, *sunabulum*), причем эта тенденция проявляется также в том, что используются редкие античные формы ед. ч. (*angustia*, *insidia*).

б) Мн. ч. дает порой новое значение слова: *populi* = *gentes* – люди, войско (ср. франц. *les gens*).

4. Склонение

а) Наблюдается переход слов из 1 – 2 склонений в 3-е и наоборот (это касается и прилагательных):

soceris = *soceri*
ignis = *ignibus*
pulchris = *pulchra*
ingenti = *ingentis*

б) Существительные 3-го склонения меняют обычные конечные сочетания им. п. ед. ч.:

es = *is* (*cives*)
is = *es* (*sedis*)

в) Существительные 4-го склонения изредка также меняют окончания в дат. п. ед. ч. (*u* = *ui*) и в род. п. мн. ч. (*um* = *uum* – *sensum*).

г) Окончание аблатива ед. ч. в 3-м склонении может меняться:

e = *i* (*altare*)
i = *e* (*regi*)

III. Прилагательное

1. Форма аблатива ед. ч. в сравнительной степени

Специфические особенности средневековых прилагательных лежат в области степеней сравнения. Наиболее же существенный элемент этих прилагательных – форма аблатива ед. ч. сравнительной степени на “*i*”. Указанная особенность носит на редкость универсальный характер: она прослеживается с раннего средневековья и до Возрождения включительно.

2. Значение степеней сравнения

Другая общая черта (она касается и наречий) – смешение значений степеней сравнения. Если классика дает многочисленные

примеры употребления сравнительной и превосходной степеней как для замены, так и для усиления положительной, то здесь следует прежде всего отметить использование сравнительной степени вместо превосходной:

de omnibus meliores; omnium minor; senior (tres filias habebat dixitque filiae seniori)

В первом приведенном примере видно употребление нового аналитического образования превосходной степени. Показательно применение и других, часто описательных, приемов для образования той же степени:

а) соединение сравнительной степени с той же степенью наречия (*magis incensior, plus incensior*), соответственно сравнительная степень наречия усиливается также сравнительной степенью наречия (*melius plus isto, quod audivimus*);

б) образование превосходной степени на основе устранения супплетивных форм (*bonissimus = optimus*; в последнем примере заметно стремление “выправить” неправильные формы);

в) путем усиления сравнительной степени союзом *quam*: *quam plures = quam plurimi*, что не следует путать с *quamplures = complures*.

Надо отметить также усиление значения прилагательных:

а) через наречия *satis, nimium* в значении “очень” (*satis firmus, nimium magnus*);

б) через приставки (*perplures, permaximus*).

Наконец, в сравнительных конструкциях положительная степень выполняет роль сравнительной:

Quanto melius facit, tanto mihi carus (= carior) est. Bonum est, quam... (лучше, чем) – здесь прилагательное получает значение наречия.

3. Форма прилагательного положительной степени в аблативе ед. ч.

Эта форма имеет порой отступление от классической:

dulce = dulci

veteri = vetere

4. Семантика некоторых прилагательных

modicus (minutus) = parvus

parvi = pauci

pauci = parvi

5. Местоименные прилагательные

alius = alter; alter = alius

uter? = quis?; quis? = uter?
toti = omnes

IV. Местоимение

В средние века не могла удержаться строгая система местоимений, отражающая высокую степень литературного языка. Различие теперь часто между ними размыто.

1. Морфология местоимений

Морфологические изменения основаны на тенденции исправления “неправильностей” в классике:

hii = hi, illo = illi (dat.), ipsud = ipsum,
eumdem = eundem, eamdem = eandem, eorumdem =
eorundem, earumdem = earundem

В последних четырех примерах видно одновременно устранение ассимиляции.

Некоторые формы относительных местоимений мужского рода употребляются в качестве форм женского рода (Италия и Франция):

qui = quae, quem = quam

2. Личные местоимения

Именительный падеж личных местоимений употребляется, не заключая в себе порой подчеркивание подлежащего.

Иногда nostri = nostrum (genit. partitivus).

3. Указательные местоимения

Изменение значения местоимений прежде всего показательно для указательных. Это явление можно представить следующим образом:

idem, ipse (hic, iste, ille) = is;
idem = hic, ille; is = hic

Но бывают и другие случаи употребления указательных местоимений:

Semper enim bellum conferendum per occasionem in dies protrahebat,
ut Graecos mutua caede fractos ille (= hic) integer adoriretur...³

Он всегда оттягивал под предлогом день ото дня битву, чтобы напасть на истощенных взаимной резней греков со свежими силами.

³Chronica Hungarorum. P. IV. C. VIII.

Местоимения *idem, ipse* вообще были излюбленными словами в средние века, мелькавшими чуть ли не в каждой фразе и тем самым звучащими плеонастически.

Iste потеряло значение местоимения, относящегося ко 2-му лицу.

Нарушение классической системы местоимений сопровождается упорным употреблением в роли указательного местоимения прилагательного *praesens* и еще чаще причастий

dictus, praedictus, supradictus, praefatus, memoratus, praemissus, praetactus, supranominatus

4. Возвратное местоимение

Возвратное местоимение не всегда указывает на подлежащее. Вместе с тем его могут заменять указательные местоимения. См показательный пример использования возвратного местоимения:

Quomodo loqueris tu regi? Supplica sibi (=ei)⁴. –

Как разговариваешь ты с королем? Смирненно проси его.

5. Притяжательные местоимения

Соответственно использованию возвратного местоимения местоимение *suus* может указывать на принадлежность не подлежащему:

pater suus = pater eius

Следует также отметить, что *meus = mi (vocativus)*.

6. Появление артиклей

Ряд местоимений превращается в артикли. В качестве определенного артикля выступают порой местоимения *ipse, ille, iste*, а как неопределенный – *quidam (unus)*.

Из латинских местоимений возникли артикли также в романских языках.

V. Числительное

Старая система числительных претерпела некоторые изменения. Прежде всего происходят всевозможные нарушения отдельных форм. Для практики это явление не создает больших трудностей, так как корни всегда улавливаются

Отметим также некоторые частные особенности

1. Преимущественной формой для "тысячи" во множественном числе была в течение средних веков классическая

⁴ Пегрушевский Д.М. Восстание Уота Гайлера. С.-Пб., 1897. С. 215.

форма *millia*, что, надо думать, определялось уже отмеченной тенденцией к исправлению "неправильностей" в языке.

2 Форма *milia* мыслилась как прилагательное:

duo milia muli (= *mulorum*)

3 Сложная система обозначения больших цифр путем умножения, то есть с использованием распределительных числительных и наречий, вышла из употребления.

4. Система обозначения дней месяца в новой манере, то есть путем точного указания на месяц, перед которым ставится порядковое числительное (*XXVII. Februarii; X. Martii*), долгое время не вытесняла старую систему отсчета дней, при которой еще в античности все дни определяли, исходя из календ. нон и ид. Но сама форма отсчета упростилась. Теперь не звучит выражение, например, "в шестой день" (до ид и т.д.), а *sextas Idus Martii* (в шестые иды марта и т.д.).

VI. Наречие

Образование наречий от прилагательных происходит в отдельных случаях вопреки классическим правилам: *pleniter* = *plene* (здесь видно уже отмеченное взаимопроникновение форм).

Особой спецификой средневековых наречий следует считать соединение их с предлогами:

ab inde = *inde*; *de foris* = *foris*; *ex tunc* = *tunc*

VII. Предлог

1. Предлоги иногда меняют свое значение:

infra = *intra* (*intra* = *infra*)

pro = *per* = *propter*

super = *de*

absque = *sine*

2. Предлог *de* указывает порой на отношение, как во французском и итальянском языках:

digitus de manu - палец руки

consilia de meis amicis - замыслы моих друзей.

При переводе таких выражений предлог опускается.

3 Необычная фразеология при употреблении предлогов насыщает средневековые тексты, отражая плохую литературную выучку их составителей. Приведем несколько примеров, где прежде всего видно, как добавление предлогов приводит к усложнению выражения функций падежей:

duclius ab hac voce = *d. hac voce*

in aestate = *aestate*

sub omni celeritate = *omni celeritate*

dare ad monasterium = dare monasterio

4. Сочетание предлогов с падежами, отличное от классики, наблюдается прежде всего в период варварской латыни. См., например, наименование многих глав Салической правды:

De damnum (гл. 9)

De eum qui... (гл. 18)

De rem prestita (гл. 52)⁵

VIII. Союз

1. Сочинительные союзы

а) Союз со значением “и”

К классическим союзам *et*, *ac* (*atque*), *que* добавляется много других. В качестве таковых используются союзы *vel*, *seu*, *quin*, *nihilominus*, *pariter(que)*, *simul*, *pecne et*, *aut*. Первые два союза были удобны для средневекового стихосложения, где не допускали hiatusа и элизии, а отсюда широкое употребление этих союзов. Примеры:

aut... aut = et... et

pectore carne simul = p. et c.

б) Теряют свое характерное значение и выполняют лишь соединительную роль следующие союзы: *nam*, *enim*, *etenim*, *autem*, *sed*, *at*, *vero*, *siquidem*, *tamen*.

в) *nam*, *enim* могут иметь противительное значение, то есть:

nam (enim) = autem

но и *autem = nam*

г) Союз *et* часто бывает лишним. С другой стороны, *pec* выступает как простое отрицание.

д) Союз *que* меняет свое положение:

garuique comedi = r. et c.

natusque spirat = n. et s.

2. Подчинительные союзы

О них более подробно будет идти речь в разделе о придаточных предложениях. Сейчас даем лишь несколько самых общих сведений:

а) *dum = cum* (во временных и причинных предложениях). До времени гуманизма практически не встречается в значении “пока”.

б) *quod* употребляется гораздо шире, чем в классике. Постоянно встречается *quod = ut* (*consecutivum. obiectivum. finale*). Этот союз также постоянно вводит косвенную речь.

⁵ Салическая правда. М., 1950.

в) *quatenus* (*quatinus*) = *ut*. В классическом значении встречается очень редко.

г) *proh ut*, *proh ubi*, *statim ubi* = *ubi primum*.

д) *quo* = *ut finale* (без сравнительной степени).

е) *ut non* = *ne finale*.

ж) *ne* = *ut non consecutivum*.

В. СИНТАКСИС

Отступления от норм золотой латыни в средневековом синтаксисе обычно заметны в большей мере, чем в морфологии. При этом именно здесь стихия народной латыни сказывается в полной мере.

Там, где проявляется знание античных писателей, значительно усложняется строй фразы. Поэтому, хотя средневековые источники чаще не дают слишком больших затруднений для их общего восприятия, все же в целом образцы языка этих источников требуют предельного внимания для их точного перевода. Они одновременно насыщены как разными элементами античной латыни (золотой, народной, серебряной, поздней, архаичной), так и новообразованиями, привнесенными в них после падения Римской империи. Отнесение конкретных элементов, как и многих специальных терминов, к той или иной эпохе бывает затруднительным, а потому для правильной трактовки многих мест источника требуется опираться на его контекст в большей степени, чем это обычно диктует литературный язык с его строгими правилами грамматики.

І. Простое предложение

1. Расстановка членов предложения

Общий строй предложения в средние века более прост, чем литературный античный язык. Здесь надо иметь в виду не только порядок слов, но и характер самого изложения, причем и то и другое приближается к народной речи той среды, где создавались конкретные образцы латинского письма.

2. Функции падежей и примеры на управление падежами

(см. также об этом раздел предлогов)

а) Родительный падеж

Получает распространение *genitivus obiectivus* в большей мере, чем в классике, причем прежде всего в зависимости от прила-

дательных Свободная постановка зависимых слов приводит к множественности конструкций:

dignus gratiae (= abl.)

gloriarī iniuriarum (=abl., in + abl. de)

б) Дательный падеж ставится порой там, где в классике винительный падеж:

deus adiuva mihi (-me)

iubere, sequi, vetare alicui (=aliquem)

Дательный употребляется также вместо *ablativus comparationis*:
sibi prudentior.

в) Винительный падеж употребляется:

вместо родительного падежа с *inexpertus, memor* (*memor illud apostolorum*); вместо дательного падежа или предложной конструкции с *arrogari, incurrere*,

вместо дательного с *poscere*;

при глаголах движения (*profectus Italiam*); с предлогом *contra* вместо аблатива; при *confido* с предлогом *in* вместо дательного падежа и аблатива.

С тем же падежом сочетаются глаголы:

carere (с. aliquem = с. aliquo) *excedere, frui,*

fungi, indigere (i. *suffragium* = i. *suffragii,*

suffragio), *studere, uti.*

г) Аблатив употребляется:

при *paenitet* вместо родительного

(*paenitet nos aliqua re*);

при сравнительной степени с предлогом "a"

(*dulcius ab hac voce*);

при указании на время с предлогом (*in die*);

при *confido* с предлогом *in*

(*marinis non confidebant in aquis* – не были защищены морской водой).

3. Предложные выражения

Предложные выражения более свободны, чем в классике. Проследим употребление некоторых предлогов:

- a – dulcius ab hac voce (dulcius hac voce) слаще этого голоса;
- ad – ad uxorem accipere – взять в жены;
ad aliquem dare, dicere – кому-либо давать, говорить;
gaudere ad vocem – радоваться голосу;
- de – consilia de amicis = с. amicorum (gen. subi.);
digitus de manu = d. manus;
dedit de fructu = d. fructum;
- ex – ex aqua bibere = aquam bibere;
- prae – p. gaudio = gaudio (abl. causae);
p. manibus habere (= in manibus, ad manum, sub manum habere);
sapientior p. omnibus – самый мудрый;
p. multis diebus = ante multos dies;
- pro – p. metu gehennae = metug.;
p. redemptione hominum – для искупления людей.
- retro – vade retro me – иди за мной;
- sub – s. omni celeritate – со всей быстротой;
s. gladio caedere – рубить мечом;

В некоторых выражениях падежи обнаруживают независимость от вопросов “куда?” и “где?”:

in manibus venit – попал в руки;

in flumine proiecti¹. – были брошены в реку.

4. Указание на города при вопросах “где?”. “куда?”. “откуда?”

Эта тема тесно связана со средневековыми транскрипциями городов. Часто резкое отличие названия города на латинском языке от того, что звучит в новых языках (соответствующие транскрипции бывают от разных корней), требует обращения к словарю Грессе².

Латинские названия городов иногда не склоняются (см. например, названия французских городов: Parisius, Pictavis, Bituris – Париж, Пуатье, Бурж). В таком случае при классической конструкции без предлогов вопрос обстоятельства места устанавливается из контекста. Однако столь же часто при вопросе “где?” встречается выражение с предлогом apud, значение которого резко меняется (“в”). Бывает, правда реже, употребление других предлогов: apud Romam (in Roma, ad Romam, circa R., intra R., per R.) = Romae (locativus).

¹ Chartularium universitatis Parisiensis. V. I. Paris. 1889. P. 224.

² Graesse J.G. Th. Orbis Latinus. Berlin, 1922.

По аналогии с классическими правилами наименования городов беспредложная конструкция прослеживается при названии стран:

profectus Italiam = p. in Italiam

5. Употребление времен

Времена употребляются более свободно. Это касается и придаточных предложений. Указанное явление можно представить в следующем виде:

- а) *imperfectum* используется вместо *perfectum* и наоборот;
- б) *plusquamperfectum* используется вместо *perfectum*, тем самым вместо *perfectum* могут употребляться остальные два прошедших времени рядом без различия в значении;
- в) также без различия по смыслу рядом стоят *imperfectum* и *perfectum*.

6. Неопределенная форма

Использование неопределенной формы сильно расширилось. Она ставится порой после глаголов, которые не предполагают в классике постановки этой формы, например после *facio* (*fecit domum extruere* – велел построить дом), *requirere* (*requisita praestare iuramentum* – у нее потребовали дать клятву³).

7. Оборот *accusativus cum infinitivo*

В целом этот оборот употребляется значительно реже. Ему теперь иногда соответствует дополнительное предложение. Естественно главные предложения косвенной речи заменяются придаточными. Встречаются примеры смешанной конструкции типа *dico, quod te habere*.

С другой стороны, оборот ставится порой от глаголов, в зависимости от которых в классике предполагаются придаточные предложения, например в зависимости от основной массы *verba voluntatis*: *nullos cum ea permittendo colloqui*⁴ – никому не позволяя с ней разговаривать.

Он также обычен после глагола *facio*, в частности, в значении “приказывать”: *nunquam scripsit nec fecit scribi*⁵ – она никогда не писала и не велела писать.

Поскольку оборот *accus. c. inf.* продолжает занимать в синтаксисе простого предложения ведущее положение как вследствие

³ Procès... *Requisita praestare iuramentum*.

⁴ Ibid. *Prohibitio, ne recedat a carceribus*.

⁵ Ibid. *Quinta sessio*.

распространенности, так и из-за сложности многих его сторон, мы выносим в особый экскурс решение одной из особенностей оборота, которая не нашла должного освещения в учебниках латинского языка.

8. Participium

Следует учесть использование причастия настоящего времени вместо личной глагольной формы, тем самым как сказуемого:

*Dicens ulterius, quod ipsa fuit prima...*⁶ – Она сказала далее, что была первой...

Еще об одной особенности той же формы причастия напоминаем в следующем разделе.

9. Ablativus absolutus

При переводе этого оборота надо учитывать, что причастие настоящего времени может передавать законченное действие по отношению к сказуемому предложения (об этом уже говорилось в разделе о глаголе).

В качестве любопытной частности оборота в его средневековом употреблении следует отметить особенность, которая противоречит еще одному из основных правил классического оборота: он должен всегда содержать в себе два главных члена (один из них может подразумеваться). В приводимом ниже случае, замеченном в источнике XIII в., оборот лишен логического подлежащего:

*Deliberato itaque super hiis accesserunt ad Guillelmum...*⁷. – Обсудив, это они пришли к Гийому...

10. Accusativus absolutus, nominativus absolutus

В раннесредневековых источниках до X в. включительно обороту *abl. abs.* нередко точно соответствует оборот *acc. abs.* Тем самым последний оборот резко отличается по построению от древнегреческого оборота *acc. abs.*:

*Mulieres... dissolutas crinas plangentes sequebantur*⁸. – Женщины..., распустив волосы, последовали с плачем.

Логическим сказуемым оборота в ряде случаев бывает прилагательное: *Erat autem Landibertus pontifex statura procerus... inclitis oculis, manus honestas, digita longa, carnem candidam*⁹. – Был епископ Ландиберт рослый..., с ясными глазами, красивыми руками, длинными пальцами, белым телом.

⁶ *Ibid.* Quarta sessio.

⁷ *La crònica latina de Jaime I.* Almería, 1984. P. 116.

⁸ *Norberg D.* Syntaktische Forschungen. Uppsala, 1943. S. 89.

⁹ *Ibidem.*

Последний пример отчетливо обнаруживает путь образования этого оборота из функции аблатива (качества, образа действия). Здесь проявилась общая тенденция в раннесредневековой латыни устранять аблатив, заменяя его винительным падежом.

То же содержание имеет современный отмеченному оборот *nominativus absolutus* (в древнегреческом языке он обнаруживается уже у Гомера и Геродота):

*Naec illi audientes... oritur inter eos contentio*¹⁰ –

Когда они это услышали..., среди них возник спор.

11. Использование герундива

Герундив используется значительно чаще, чем в классике, в своем природном значении, то есть как определение с оттенком необходимости или возможности.

II. Сложное предложение

1. Общее замечание об употреблении наклонений в придаточных предложениях

Между изъявительным и сослагательным наклонениями постоянно нет различия в употреблении: изъявительное присутствует в тех случаях, где его прежде не использовали. Подробнее эту сторону синтаксиса удобнее излагать в связи с типами придаточных предложений.

2. Типы придаточных предложений

- а) Дополнительные в зависимости от глаголов желания и боязни, а также целевые.

Союзы *ut* (*ne*), *quod*, *quatenus* (*quatinus*). Примеры: *requisivimus, quatenus iuramentum... praestaret*¹¹ – мы потребовали, чтобы она дала клятву...

*Ne autem insufficiens videnda fuerat ista unius confessio, confessi sunt eadem... plures alii*¹². – Чтобы исповедь одного не показалась недостаточной, приведены были к такой же исповеди многие другие...

- б) Предложения следствия и подлежащее.

Союз *quod* (*quatenus*) = *ut*.

¹⁰ Biese Y.M. Der spätlateinische Akkusativus Absolutus und Verwandtes. Helsingfors, 1928. S. 74.

¹¹ Procès... Requisites praestare iuramentum.

¹² Thomae Walsingham Historia Anglicana. London, 1864. V. II. P. 10

Чаще изъявительное наклонение. То же наклонение употребляется в предложениях с союзом *ut*. Пример использования разных наклонений в предложениях следствия в одном и том же источнике:

tam mali exempli homo, quod tacere eum oportet – персона, подающая столь дурной пример, что о ней следует умалчивать;

... *ita quod quasi exul et profugus Swevia in Bawaria moraretur*¹³ – ...так что словно изгнанник и беглец из Швабии он пребывал в Баварии.

в) Временные.

Союз *dum* = *cum* с изъявительным и сослагательным наклонениями. Значение этого союза “пока” не прослеживается до эпохи гуманизма.

При союзе *postquam* бывает сослагательное наклонение. Пример: *In quo loco dum constitissent, venerunt ad eos ex parte regis milites...*¹⁴ – Когда они остановились на этом месте, пришли к ним от короля рыцари.

г) Причинные.

Союз *dum* = *cum*.

Союзы *quatenus*, *quia*, *eo quod*, *ex quo* с изъявительным и сослагательным наклонениями.

Союз *cum* бывает с изъявительным наклонением.

Пример: *Et dum clerus eorum erroribus resisteret, irruerunt in eos...*¹⁵ – Так как клир противился их заблуждению, они бросились на него...

д) Условные.

Не существует четкого разграничения употребления времен сослагательного наклонения. Так, *imperfectum* может передавать нереальность в прошлом, а *plusquamperfectum* – возможность:

*si quemquam reperissent in furto, capite privaverunt*¹⁶ – ... если кого-либо заставали в воровстве, то отрубали голову.

е) Косвенный вопрос.

Иногда употребляется изъявительное наклонение:

Dic mihi, qualis est (= sit) ista puella.

Личная форма может быть заменена инфинитивом:

*nesciebat inde, quid mandare*¹⁷ – ...она не знала, что передать.

¹³ *Annales Stadenses*. P. 372.

¹⁴ *Thomae Walsingham Historia Anglicana*. London, 1863. V. I. P. 457.

¹⁵ *Annales Hamburgenses*. P. 383.

¹⁶ *Thomae Walsingham...* V. I.P. 456.

¹⁷ *Procès...* Quinta sessio.

ж) Косвенная речь.

В ряде случаев имеет вид придаточных предложений.

Союзы *quod, quia, quoniam, ut*.

Употребительны как сослагательное, так и изъявительное наклонение.

Примеры:

*respondit, quod, prout sibi videtur, est quasi XIX annorum (praesens = imperfectum)*¹⁸. – она ответила, что, кажется, ей почти 19 лет

*Dixit praeterea, quod a matre didicit Pater noster... (perfectum = plusquamperf.)*¹⁹. – Кроме того, она сказала, что от матери узнала “Отче наш...”.

*Dicit etiam, quod erat bene segura, quod levaret obsidionem Aureliensem (imperfectum = plusquamperfectum)*²⁰. – Она также сказала, что была уверена в снятии осады с Орлеана.

Последние три примера показательны не только устранением сослагательного наклонения, но и хаотичным использованием времен.

¹⁸ Ibid. Prima interrogatio post iuramentum.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. Quarta sessio.

Основная часть словарного состава средневековой латыни происходит из классики. Однако надо учитывать, что наряду с античным значением слова постоянно встречаются новые. А это требует порой большого внимания при переводе источников. Кроме того, средневековая латынь отмечена наличием в ней большого числа самых разных новообразований.

Лексика любого языка может быть отражена в большем или меньшем объеме лишь в соответствующих словарях. Поэтому в данном разделе отмечены только принципиальные положения и приведены необходимые примеры.

1. Новообразования

Усиленное словотворчество происходило на протяжении всего средневековья. Оно основывалось как на использовании корней старых латинских слов, так и на заимствовании не только корней, но и целых слов из языков народов, выступивших в эту эпоху на историческую арену. Итак, в латинских источниках изучаемого времени можно легко почувствовать языковые элементы самого разного происхождения (германского, кельтского, греческого, славянского).

Рассмотрим новообразования, применяя деление их по языковому признаку входящих в них корней. При этом, однако, надо учитывать, что среди моря новообразований встречаются слова, происхождение которых не получило достаточных объяснений. К таким, например, относится термин *missa* (месса).

1. Старые латинские корни

Приведем несколько новообразований от старых латинских слов:

dispareo (*dis* + *pareo*) – исчезать

hastiludium (*hasta* + *ludere*) – турнир

indentura (*in modum dentium*) – индентура (вид документа, части которого после разрезания вручали разным сторонам, заключавшим сделку).

modernus (ср. modo – теперь) – новый
totaliter (ср. totus) – совсем

Сложное слово в ряде случаев сохраняет значение простого, на основе которого образовано:

concrivis = civis
incarcerero = carcerero

Таким же образом уменьшительные новообразования не приводят к выработке слов с отличным от прежних значением:

avicula = avis
vasculum = vas

Показательно обилие образований на arius, anus, osus, tor, trix:

templarius – храмовник

Укореняются изысканные формы:

aetaticum = aetas

2. Германские и кельтские корни

Слова германского, кельтского и другого происхождения обычно получают латинизированную форму:

bastilia – крепость, укрепление
burgus – замок
butum – конец, предел
marca – марка
paramentum – украшение

3. Термины греческого происхождения

Основная часть греческих терминов или слов с использованием греческих корней вошла в средневековую латынь через церковный язык еще до падения Римской империи. Словотворчество на греческой основе продолжалось и в дальнейшем. Таким образом, здесь видны два слоя слов, и, поскольку только второй можно рассматривать как порождение средних веков, приведем из него ряд примеров, причем надо иметь в виду наличие большого числа вариантов от уже прежде известных слов:

baptismalis ecclesia – крещальная (то есть церковь, где производится крещение)
baptismus (= baptismum) – крещение
elemosina (= eleemosina) – милостыня
laicalis – светский
monachalis – монашеский
monasticus – монастырский
presbyterium – должность пресвитера, коллегия пресвитеров, определенная часть церкви (и другие значения).

4. Славянские термины

Термины славянского происхождения преимущественно заметны естественно в источниках по славянам. Однако они вошли в употребление и у других народов:

- strava - тризна (Иордан)
- wayvoda - воевода (Туроци)
- wayvodatus - воеводство (Туроци)
- kmeto. onis - крестьянин
- wladicatus - епископство

5. Другие пути обогащения словаря

Кроме отмеченного словообразования и заимствований из других языков следует отметить и иные пути обогащения средневекового словаря:

а) использование как обычных слов, бывших в классике редкими и взятых частично из народного языка:

- bucca (= os) - рот
- caballus (= equus) - конь
- testa (=caput) - голова
- manducare (= edere) - есть, кушать:

б) наличие широкого слоя слов, взятого из поздней лагны и именно из церковного языка:

- anterior - прежний
- fructifico. 1 - приносить плоды
- iuramentum - клятва
- iussio - приказание
- passio - страдание
- repatrio. 1 - возвращаться на родину
- sufficientia - достаточность
- trinitas - троица:

в) некоторые слова заимствованы из церковных произведений:

- annihilo. 1 - уничтожать
- compator. 3 - сострадать
- glorifico. 1 - прославлять
- peccator - грешник
- refrigerium - утешение
- resurrectio - воскресение
- retributio - воздаяние.

II. Семантика

Переворот с наступлением эпохи феодализма во всех сторонах жизни на территории бывшей Римской империи, а затем развитие социально-экономических отношений и культурных явлений

в период феодализма вносили большие коррективы в содержание прежде всего основных современных терминов. Вместе с тем происходило изменение и значения обиходных слов, а размеры этого изменения в каждом конкретном случае определялись, как всегда, степенью сохранения античных традиций.

Трансформация семантики охватила все части речи. Приведем некоторые показательные примеры.

а) Глаголы

acquiesco, 3: успокаиваться – слушаться
destino, 1: назначать – посылать
dispono, 3: расставлять – намереваться
innotesco, 3: становиться известным – извещать
peto, 3: просить – спрашивать
satago, 3: удовлетворять должников – стараться

б) Существительные

beneficium: благодеяние – бенефиций, лен
comes: спутник – граф
dux: вождь – герцог
ingenium: талант – пушка
miles: воин – рыцарь
placitum: приятное – судоговорение
scholares, ium: императорская стража – ученики
villa: загородный дом – село, город

в) Прилагательные и местоименные прилагательные (многие прилагательные становятся существительными с особыми значениями)

brevis, e: короткий – форма среднего рода получила значение “бреве”
fidelis, e: верный – верующий, вассал
infirmus: непрочный – больной
nobilis, e: знатный – дворянин, – особенно с XV в.
neuter: ни тот ни другой – никакой
nullus: никакой – ни тот ни другой
senex, senis: старый – в сравнительной степени получило значение “сеньор”
totus: целый – каждый

г) Местоимения

nemo: никто – ни тот ни другой
quiscumque: кто бы ни – каждый

д) Наречия

demum: там-то, только тогда – наконец
subito, repente: внезапно – быстро
satis: достаточно – очень

О значении предлогов и союзов речь шла в соответствующих разделах.

Семантика менялась на протяжении веков. Содержание терминов зависело также от той территории, где составлялся текст. Приведем некоторые примеры с разным значением одних и тех же слов:

- viccomes – в раннее средневековье означает “вицеграф” (то есть помощник графа как главы суда), по мере феодализации во Франции термин стал означать титул “виконт”, в Англии – должность “шериф”.
- constabularius – во Франции означает “коннетабль” (глава конницы, то есть первое лицо после короля), в Англии – “констебль” (содержание термина меняется от начальника замка до низшего должностного лица).
- nobiles – до конца XIV в. означает “знать” (высший слой феодалов), после этого – “дворяне”, “благородные” (наиболее общее обозначение всех феодалов и прежде всего рядовых, хотя в Италии, где рыцарство исчезает, термин сохраняет свое прежнее значение).

Большая группа классических слов изменила значение в церковной латыни. Эта трансформация, начавшись в ранний период церковной латыни, продолжалась и после падения Римской империи. В связи с этим приведем примеры из двух исторических эпох, причем, конечно, только вторая рубрика может рассматриваться как всецело относящаяся к средним векам.

- а) basilica: галерея с колоннами – церковь, соборная церковь
- benedico: хвалить – святить
- communio: общность – причастие
- daemon: дух – злой дух
- dominicus: господский – господний
- dominus: господин – господь
- gentes: варвары – язычники
- gentilis: родич – язычник
- oratio: речь – молитва
- paganus: сельский житель – язычник
- secularis: столетний – светский
- seducere: удалять – развращать
- б) apostolicus: апостольский – папа
- capitulum: головка – капитул
- cardinalis: главный – кардинал
- cella: кладовая – келья
- conversatio: частое употребление – монашеская жизнь
- converto: вокруг вертеть – вступать в монастырь
- laudes: хвала – “лаудес”, то есть часть общественного богослужения, которая следовала за заутреней
- lignum: дерево – крест господя

matutinus, matutini: утренний - заутреня
ordino: устраивать - посвящать
pontifex: жрец - епископ, папа
praedico: провозглашать - проповедовать
religiosus: совестливый - монах

Д. МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Местные особенности в средневековой латыни прослеживаются уже в VI–IX вв. В связи с этим можно выделить испанскую, островную (ирландскую и англосаксонскую), франко-галльскую, итальянскую латынь. В качестве общей закономерности следует отметить влияние на латинский язык местных языков в большей или меньшей степени.

I. Испанская латынь

Специфика испанской латыни порождена не только местными условиями, но и, возможно, африканским влиянием. Это:

- а) смешение *v*, *f* (*vatur* = *fatur*, *pontivicatus* = *pontificatus*),
- б) смешение *f*, *b* (*adprofemus* = *adprobemus*),
- в) последовательный пропуск *h* перед гласной, хотя возможно и обратное явление, то есть постановка этой буквы перед гласной в тех случаях, где она не ожидается (*aurire* = *haurire*, *hac* = *ac*, то есть слово является союзом, а не формой местоимения),
- г) пропуск *h* в сочетании *ch* (*pulcerrima* = *pulcherrima*),
- д) замена *h* на *c* (*mici* = *mihi*, *nicil* = *nihil*),
- е) *quum* (*qum*) = *cum*, *quur* (*qur*) = *cur*,
- ж) *Srael* = *Israel*.

II. Островная латынь

Под островной латынью следует подразумевать ирландскую и англосаксонскую. Более специфична ирландская латынь, в которой кроме всего прочего много грецизмов. Среди островных особенностей, определяющихся отчасти кельтским выговором, выделяются следующие:

- а) не обращается внимание на удвоение согласных (*pressul* = *presul*, *cassus* = *casus*, *pasio* = *passio*, *misi* = *missi*, *missi* = *misi*),
- б) взаимозамена *e* – *i* (*consuitudo* = *consuetudo*, *midius* = *medius*, *cremina* = *crimina*, *degitus* = *digitus*, *mecare* = *micare*),
- в) замена *o* на *a* (*cenabium* = *cenobium*, *manasterium* = *monasterium*, *naminantur* = *nominantur*, *Ramanus* = *Romanus*).

г) замена е на а (muliare = muliere),

д) постановка лишнего ч перед гласными (longuus = longus, manus = manus, anguelus = angelus, fingere = fingere).

Все эти особенности сказываются еще в XI в. То же показательно для англосаксонской латыни, хотя она в более ранний период (VII-IX вв.) к античной грамматике ближе всего. Затем происходит влияние англосаксонской лексики, а с XI в. проникают французские слова.

Влияние островных особенностей на континенте наложило отпечаток отчасти на немецкую латынь.

III. Франко-галльская латынь

Уже в раннее средневековье на территории будущей Франции в местную латынь проникают элементы французского языка, причем прежде всего отмечается влияние назализации:

petandum = petendum

Florantia = Florentia

nonquam = nunquam

prumptus = promptus

Другие примеры галлицизмов:

combuxerunt = combusserunt

concilium = consilium

luminariah = luminaria

IV. Итальянская латынь

Она отличается пережитками старых вульгаризмов до XV в. На территории Италии народная латынь развивается в итальянский язык медленнее, чем во французский в Галлии.

Е. ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

И. Метрическое стихосложение

Метрическое стихосложение никогда полностью не исчезало, и его основные правила имели силу. Однако гекзаметр и пентаметр становятся почти исключительными размерами.

Средневековая палеография в сочетании с особенностями современного ей написания слов объясняет порой ошибки в долготе гласных. Это может прояснить простейший пример с раскрытием аббревиатуры $\bar{p} = p\bar{r}ae = p\bar{r}e$:

$\bar{p}i\bar{r}e = p\bar{r}aei\bar{r}e = p\bar{r}e\bar{i}r\bar{e}$

Отметим некоторые закономерности, касающиеся долготы гласных:

- а) придыхание рассматривается как согласная,
- б) "о" конечный становится коротким обычно в аблативе герундия (*expergiscendo sororem*),
- в) "а" в аблативе в каролингскую эпоху может быть коротким (отметим также краткость этого звука в словах *ergā, postea*),
- г) \bar{i} в это же время для краткости заменяется в дательном падеже на "е", причем есть и другие случаи замены гласных.

В каролингское время получает распространение тмесис (*Burgun - adiere - diones*).

Гекзаметр и пентаметр претерпели определенный путь развития в сторону аллитерации как украшения и в направлении рифмы. Особенно в раннее время присутствует *abcdarien*, то есть прием такого построения стихов в строфе, чтобы каждая строфа начиналась последовательно с новой буквы алфавита. "X" - строфу начинали с $Xps = Xpistus$ (обычная палеографическая манера того времени). Излюбленным был также акростих, где такое расположение стихов, что начальные буквы строф или даже гекзаметров образовывали слова.

Отметим закономерности средневековой рифмы:

- а) ее умеренность (*hominem - maiorem, mater - operatur*); глухой о рифмуют с и; е - \bar{i} звонкий; а - о;
- б) примерно с начала XII в. рифмуют два последних слога;
- в) с классической долготой не считались (*vultis - multīs, grōnus - bōnus*);

г) для поздней ритмической поэзии показательно употребление одинаково звучащих слов с разным значением (mundus, мир – mundus, чистый) или сложных слов (decipis – accipis).

II. Ритмическое стихосложение

Постепенно выдвинулась на первый план ритмическая поэзия, хотя и потесненная в каролингское Возрождение. На XII в. приходится ее наибольший расцвет в тесной связи с развитием литургической музыки.

Закономерности ритмического стихосложения:

а) метрическое значение слов непосредственно для стихосложения теряет силу, а слова произносятся с прозаическим ударением (отсюда для этой поэзии используют термин “проза”);

б) измерение слогов заменено их счетом;

в) соответствующие стихи имеют одно и то же число слогов;

г) ударения в стихе нарастают или падают (∨ ∨; ∨ ∨);

д) в позднее время концы стихов связаны двухслоговой рифмой (до этого строгого закона рифмы не было);

е) два ударения подряд не бывает;

ж) концы стихов имеют одинаковые ударения;

з) обычное изменение такта можно понять из следующего примера:

quód solébam dícerè
expértus sum óperè

III. Проза

Рифма и ритмика проникают в собственно прозу. В связи с этим можно выделить следующие ее виды:

1. Рифмованная проза – обычная проза, части которой рифмованы.

2. Cursus (cursus Leoninus) – проза, где между ударными слогами двух последних слов главного или придаточного предложения имеются два, четыре или три неударных слога. Отсюда три вида этой прозы:

а) c. planus (vidébis armátum),

б) c. tardus, ecclesiasticus (laudábis iústítium),

в) c. velox (ómnia pèrdidisset).

Ж. ЭКСКУРС: СЛОЖНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ОБОРОТЫ

И. Постановка вопроса. Критика формулировки С.И. Соболевского

Практика занятий со студентами и аспирантами убеждает в необходимости объяснения оставшихся без должного внимания со стороны авторов руководств по латинскому языку некоторых моментов инфинитивных оборотов, которые входят в придаточные и вопросительные предложения. Эти моменты, как увидим, имеют большое филологическое значение, прослеживаясь не только в латинском (соответственно в средневековом) и древнегреческом языках, но и получив отголоски в новых языках (итальянском, русском).

С вопросом в общих чертах можно познакомиться, взяв известные каждому филологу-классику примеры. Но прежде чем к ним обратимся, учтем, что инфинитивные обороты, как это формулируется в грамматиках латинского языка, переводятся придаточными предложениями с союзами “что”, “чтобы”. Поскольку дословный перевод не всегда удовлетворяет, ту же мысль лучше формулировать несколько иначе: оборот соответствует дополнительному предложению с союзами “что”, “чтобы”.

Обратимся к книге С.И. Соболевского, где он подошел к решению частной проблемы оборотов, то есть когда они входят в относительные или вопросительные предложения¹. Он формулирует здесь правило их перевода таким образом: “Если асс. с. inf. или пом. с. inf. входит в состав относительного и вопросительного предложения, то перевод его предложением с союзом “что” невозможен; тогда необходим такой способ перевода, при котором асс. с. inf. или пом. с. inf. стал бы управляющим предложением, а бывшее управляющее предложение стало бы придаточным или вводным предложением, или частью предложения”. Примеры:

а) *quam Gallos obtinere dictum est*² (которую, как сказано, забирают галлы); б) *quem nostrum ignorare arbitraris?*³ (кто из нас, думаешь, не знает?).

¹ Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. М., 1948. С. 320–321. § 1057.

² C. Julius Caesar. Commentarii de bello Gallico. Liber primus. М., 1946. С. 1.

³ M. Tullius Cicero // L. Catilinam oratio prima. М., 1947. С. 1.

При несомненной заслуге Соболевского в постановке самой проблемы им не совсем точно формулируется ни само условие последней, ни вывод из нее. Во-первых, легко привести образцы на употребление оборотов в относительных и вопросительных предложениях, которые соответствуют дополнительным предложениям: а) ...quo ex senatus consulto confestim te interfectum esse, Catilina, convenit⁴ из которого (то есть постановления) следовало, чтобы ты был казнен; б) Patere tua consilia non sentis?⁵ (Разве ты не чувствуешь, что твои замыслы раскрыты?).

Во-вторых, не обращая внимания на характер формулировки Соболевского о правиле перевода, не совсем понятной, необходимо подчеркнуть ее недостаточность, в чем можно убедиться на характерном примере:

quos ferro trucidari oportebat...⁶ (кого следовало казнить мечом).

Последний случай говорит о совсем особом техническом приеме перевода, то есть развернутое дополнение (оборот) передано цепочкой простых прямых дополнений с изменением инфинитива страдательного залога на инфинитив действительного залога.

Для более глубокого понимания частного случая инфинитивных оборотов (назовем такие обороты сложными) необходимо идти не от различных способов их передачи на родной язык (этот прием прекрасно применен Соболевским и в данном случае, и в других разделах синтаксиса), а от уяснения особенностей латинской конструкции, которые сами подведут к решению перевода.

II. Суть конструкции сложного оборота

Что общего во всех приведенных Соболевским и нами примерах (в грамматике латинского языка Соболевский приводит четыре случая относительных и два – вопросительных предложений, хотя надо было бы добавить еще придаточные обстоятельства места, образа действия и косвенный вопрос) и что их отличает от оборотов, передаваемых дополнительными предложениями? Оказывается, лишь одно: союзное или вопросительное слово является логическим подлежащим или второстепенным членом оборота.

III. Прием перевода

Обычные случаи инфинитивных оборотов не вызывают больших затруднений для перевода, так как им соответствуют всегда

⁴ Ibid. С. 2.

⁵ Ibid. С. 1.

⁶ Ibid. С. 4.

придаточные предложения. Приведенные же примеры сложных оборотов говорят об отсутствии одинакового соответствия в русском языке, и перевод в данном случае требует разной, иногда довольно сложной, перефразировки. Однако для облегчения практической стороны дела студент на первых порах может доходить довольно просто до смысла, заключающегося в таком обороте, превращая каждый раз придаточное предложение с оборотом в самостоятельное предложение (соответственно в вопросительном предложении заменяя вопросительное слово на указательное или неопределенное). Тогда сразу возвращается возможность приравнять оборот придаточному предложению (“было сказано, что ее занимают галлы”). После того как мысль понята, ее легко подчинить главному предложению. Такая сложная на первый взгляд процедура перевода оказывается прежде всего важной в тех случаях, где мысль схватывается интуитивно с трудом. Последнее бывает при союзах-наречиях.

IV. Сложные инфинитивные обороты в других языках

Такая сложная конструкция свойственна и древнегреческому языку, причем это явление затрагивает также однотипные частные обороты (примеры “в” и “г”):

- а) *Σοφοκλῆς ἔφη, αὐτὸς μὲν, οἴους δεῖ, ποιεῖν, Εὐριπίδην δέ, οἷοί εἰσιν⁷;*
- б) *Πόσα ἂν ἤδη οἶμι μοι χρήματα εἶναι, εἰ συνέλεγον χρυσίου⁸;*
- в) *Φίλους γε μὴν ὅσους ποιήσαιτο καὶ εὔρους γνοίη ὄντας...⁹;*
- г) *...ὅτου μάλιστα δρῶν ἕκαστον δεόμενον¹⁰.*

Пример из итальянского текста эпохи гуманизма:

quel grado, quale credeva convenirsegli...¹¹ (то положение, которое, по его мнению, ему соответствовало...).

⁷ Соболевский С.И. Древне-греческий язык. М., 1948. С. 337. § 1360. № 5 (“Софокл говорил, что он изображает людей, какими они должны быть, а Еврипид – какие они есть”).

⁸ Там же. С. 338. § 1366. № 3 (“Сколько, думаешь, было бы уже у меня денег, если бы я собирал золото?”).

⁹ Ксенофонт. Анабасис. Кн. 1. Царское Село, 1891. С. 35 (“...кого делал друзьями и кто, как он думал, был к нему расположен...”).

¹⁰ Там же. С. 36 (“...в чем более всего, как он видел, каждый нуждается”).

¹¹ Machiavelli N. Le istorie Fiorentine. Firenze, 1843. P. 78. Примеры из итальянского и русского языков даны Н.Х. Мингалеевой.

V. Попытки упрощения конструкции, наблюдаемые в разных языках

Другой пример из того же итальянского автора, показывает, как в новом языке пытались упростить сложную конструкцию, оторвав союз формально от распространенного дополнения и выразив последнее дополнительным предложением:

Giano... non fece posare le armi, come molti giudicavano che dovesse fare¹² (Джано... приказал не складывать оружие, что, по суждению многих, он должен был сделать).

То же явление, однако, замечено уже в народной латыни. В связи с этим мы читаем такую формулировку: "...когда оборот *accus. cum inf.* находился в составе придаточного определительного предложения (вернее: должен был находиться – авт.), он также заменялся дополнительным предложением с *quod* или *quia*; в результате получался сложный период с переплетением предложений и синтаксическим строением анаколуфа: "Pater meus, quem vos dicitis, quia Deus vester est" (Vulgata) – "отец мой, о котором вы говорите, что он бог ваш"¹³ (= который, как вы говорите, бог ваш).

Если последний случай спорно рассматривать как анаколуф, то в итальянском тексте он несомненно присутствует, так как *come* формально союз первого придаточного предложения, а по смыслу зависит от *fare*.

Наконец, третий пример уже из средневековой латыни также дает анаколуф:

cui deus volebat, quod ipse comes obediret (= cui deus volebat ipsum comitem obedire)¹⁴ – кому по божьей воле граф должен был повиноваться.

Этот случай интересен тем, что сложный инфинитивный оборот оказывается трудным лицам, чей родной язык был новый, и, таким образом, прибегали к анаколуфу. Последний был им легче, хотя и страдал в отношении логики.

Рассмотренный вид анаколуфа, будучи связан со стремлением устранить применение сложного оборота, нашел отражение в новое время. Любопытно, что примеры такой конструкции обнаруживаются в русском языке, которому чужды инфинитивные обороты и где она может быть объяснена заимствованием из других языков.

¹² Ibid. P. 70.

¹³ Дынинков А.Н., Лопатина М.Г. Народная латынь. М., 1975. С. 150.

¹⁴ Procès... I. Martii. Quinta sessio.

Приведем лишь два примера:

- а) "...и у них была ложа, которую он настоял, чтоб они взяли"¹⁵.
- б) "А слово поэзия произошло не оттуда, откуда многие неосторожно думают, что оно произошло"¹⁶.

Последний пример замечателен тем, что анаколүф вводится наречием, и, таким образом, он соответствует сложному инфинитивному обороту, где та же часть речи, будучи союзным словом, одновременно выступает как член оборота.

VI. Широта распространения сложных инфинитивных оборотов

Если учесть только все четыре примера на вхождение оборота в придаточное предложение, приведенные Соболевским, то можно получить неправильное представление, что сложный оборот бывает лишь в связи с определительным предложением. Однако то же явление встречаем в других придаточных предложениях. Даем пример на сравнительное предложение из средневековой латыни:

Et nisi ipse rex navis ministerio sibi adinvenisset salutem, non caelo, velut elatus princeps dixisse fertur, sed hostis armis ibidem obrutus fuisset¹⁷ (Если бы король не спасся на лодке, то его там же сразило бы оружие врага, а не раздавили бы небеса, как, по слухам, заявил гордый государь).

Более редким случаем следует считать, когда в сложный оборот входит союз сложносочиненного предложения:

nedum Turcorum timeret caesarem, verum quidam ipsum dixisse ferunt...¹⁸ (он не только не боялся султана, но и, по сообщению некоторых, заявил...).

VII. Сложные абсолютные обороты

До сих пор речь шла исключительно о языковом явлении, связанном с инфинитивными оборотами. Однотипность абсолютного оборота по отношению к инфинитивному (и тот и другой – сложный член) привела к тому, что и первый порой невозможно передавать соответственно обстоятельственными предложениями

¹⁵ Толстой Л.Н. Собрание художественных произведений. М., 1948. Т. 9. С. 103.

¹⁶ Шестаков В.П. Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 2. С. 26.

¹⁷ Chronica Hungarorum. L. IV. С. 8.

¹⁸ Ibidem.

ями, так как и тут член оборота бывает союзным словом. Это по-видимому, свойственно древнегреческому языку:

*καὶ ὁ Ἀστυάγης ἐθαύμασε μὲν τίνος κελύσαντος ἤκοι...*¹⁹

Здесь союзное слово придаточного предложения – логическое подлежащее оборота gen. abs. В грамматике древнегреческого языка Соболевский не приводит подобных примеров²⁰, но в латинской – среди 26 примеров на оборот abl. abs. один у него встречается. Однако анализ явления отсутствует. Приводим этот пример: *Brutus collegam sibi creavit Valerium, quo adiutore reges eiecerat* (Брут избрал себе в товарищи Валерия, при помощи которого он изгнал царей)²¹.

Фраза замечательна в определенном отношении, так как использование традиционной формулировки правила перевода, не совсем точной, затемняет в данном случае тот факт, что логическое подлежащее оборота – относительное местоимение и в переводе таковой частью речи должно и остаться. Тем самым формула Соболевского “творительный самостоятельный переводится существительным с предлогом” должна быть заменена на другую: “оборот переводится при помощи существительного с предлогом” (два слова тут нельзя передать одним).

Средневековая латынь дает пример того, как логическое подлежащее абсолютного оборота зависит от вводного слова:

*Ac cooperante nescio quo... tanta fatuitas sic invaluit...*²²

(При содействии, не знаю кого... такое безумие столь усилилось...).

Наконец, приведем еще более усложненное сочетание, где относительное местоимение – логическое подлежащее абсолютного оборота, входящего в инфинитивный. Такая изысканность языка обнаруживается в гуманистической латыни XV в.:

*Is tibi trium tantum dierum spatium ad scribendum tribuit, quibus praeteritis te, nisi scripseris, reum futurum pollicetur*²³ (Он тебе дал для письма только три дня, по прошествии которых, согласно его обещанию, ты будешь, если не напишешь, виновным).

Здесь обороты также не могут быть переданы придаточными предложениями. Итак, налицо существование сложных абсолютных оборотов, близких по характеру сложным инфинитивным оборотам, а также древнегреческим оборотам nom.-acc. c. part.

¹⁹ Xenophontis institutio Cyri. Lipsiae, 1905. L. I. C. IV. § 18. (“Астиаг недоумевал, по чьему приказу тот явился...”).

²⁰ Соболевский С.И. Древне-греческий язык.

²¹ Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. М., 1948. С. 333.

²² Chartularium... P. 224.

²³ Medici L. Lettere. Firenze., 1977. V. I. P. 499–501. № 155.

Все приведенные примеры и пояснения к ним свидетельствуют о трудном для передачи на новые языки синтаксическом элементе древних языков и убеждают в необходимости внимания в практической работе. Эта тема заслуживает одновременно глубокой историко-филологической разработки. Мы имели лишь возможность показать, к чему эта конструкция привела в новых языках, а ее истоки требуют еще выяснения.

3. ХРЕСТОМАТИЯ

Практическая часть работы включает наиболее интересные в филологическом и историческом отношении отрывки из источников, изданных в "Хрестоматии латинских средневековых текстов" под ред. В.С. Соколова и Д.А. Дрбоглава (Т. I. М., 1956; Т. II. М., 1964). Существенно переработанные во многих разделах примечания к источникам содержат некоторые данные исторического характера, а также объяснения важных элементов средневековой латыни. Тем самым тексты с примечаниями являются дополнением к теоретическому изучению предмета.

Приводимые тексты проверены по следующим изданиям:

1. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
2. Einhardi vita Karoli Magni / Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. I Teil. Berlin.
3. Lamperti monachi Hersfeldensis annales // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd XIII. Berlin.
4. Epistola I, quae est historia calamitatum Abaelardi, ad amicum scripta // Petri Abaelardi opera. Parisiis, 1849. Т. I.
5. Источники по движению пастушков:
Annales Stadenses // MGH. Scriptorum v. XVI. Hannoverae, 1859.
В о r m а н С. Chronique de l'abbaye de S.-Trond. Т. II. Liège, 1877.
Annales Hamburgenses // MGH. Scriptorum v. XVI. Hannoverae, 1859.
Chartularium universitatis Parisiensis. Paris, 1889. Т. I.
Matthaei Parisiensis chronica maiora. London, 1880. V. V.
6. Источники по восстанию Уота Тайлера:
Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера: С.-Пб., 1897. Ч. I.
Thomae Walsingham Historia Anglicana. London., 1863-1864. V. 1-2.
7. Quicherat J. Procès de condamnation et réhabilitation de Jeanne d'Arc. Paris, 1841. Т. I.
8. Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum // Schwandtner J.G. Scriptores rerum Hungaricarum. Vindobonae, 1766. Т. I.

9. Ad principes Germanos, ut bellum in Turcas concorditer suscipiant, Exhortatoria // Ulrichi de Hutten opera omnia. Berolini, 1822. T. II.

I. De origine actibusque Getarum

1. Государство Германариха (с. 150)

Nam Gothorum rege Geberich rebus humanis excedente post temporis aliquod Hermanaricus nobilissimus Amalorum in regno successit, qui multas et bellicosissimas arctoi gentes perdomuit suisque parere legibus fecit. Quem merito nonnulli Alexandro Magno comparavere maiores. Habebat siquidem quos domuerat Golthescytha, Thiudos, Inaunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordens, Imniscares, Rogas, Tadzans, Athaul, Navego, Bubegenas, Coldas. Sed cum tantorum servitio clarus haberetur, non passus est nisi et gentem Herulorum, quibus praeerat Halaricus, magna ex parte trucidatam reliquam suae subegeret dicioni. Nam praedicta gens Ablavio istorico referente iuxta Meotida palude inhabitans in locis stagnantibus, quas Greci ele vocant, Eluri nominati sunt, gens quantum velox, eo amplius superbissima. Nulla siquidem erat tunc gens, quae non levem armaturam in acie sua ex ipsis elegeret. Sed quamvis velocitas eorum ab aliis crebro bellantibus evagaret, Gothorum tamen stabilitate subiacuit et tarditati, fecitque causa fortunae, ut et ipsi inter reliquas gentes Getarum regi Hermanarico servirent. Post Herulorum cede item Hermanaricus in Venethos arma commovit, qui, quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes, primum resistere conabantur. Sed nihil valet multitudo inbellium, praesertim ubi et deus permittit et multitudo armata advenerit. Nam hi, ut in initio expositionis vel catalogo gentium dicere coepimus, ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni. Qui, quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique deseviunt, tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt. Aestorum nationem, quoque, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident, idem ipse prudentia et virtute subegit omnibusque Scythiae et Germaniae nationibus ac si propriis laboribus imperavit.

2. Нашествие гуннов (с. 150-152)

Post autem non longi temporis intervallo, ut refert Orosius, Hunnorum gens omni ferocitate atrocior exarsit in gothos. Nam hos, ut refert antiquitas, ita extitisse comperimus. Filimer rex Gothorum et Gadarici magni filius qui post egressu Scandzae insulae iam quinto loco tenens principatum Getarum, qui et terras Scythicas cum sua gente introisse superius a nobis dictum est, repperit in populo suo quasdam magas mulieres, quas patrio sermone Haliurunnas is ipse cognominat, easque habens suspectas de medio sui proturbat longaque ab exercitu suo fugatas in solitudinem coegit errare. Quas spiritus inmundi per herimum vagantes dum vidissent et eorum complexibus in coitu miscuissent, genus

hoc ferocissimum ediderunt, quae fuit primum inter paludes, minutum tetrum atque exile quasi hominum genus nec alia voce notum nisi quod humani sermonis imaginem adsignabat. Tali igitur Hunni stirpe creati Gothorum finibus advenerunt. Quorum natio saeva, ut Priscus istoricus refert, Meotida palude ulteriore ripa insidens, venationi tantum nec alio labore experta, nisi quod, postquam crevisset in populis, fraudibus et rapinis vicinarum gentium quiete conturbans. Huius ergo gentis, ut adsolet, venatores, dum in interioris Meotidae ripam venationes inquirent, animadvertunt, quomodo ex improviso cerva se illis optulit ingressaque paludem nunc progrediens nunc subsistens index viae se tribuit. Quam secuti venatores paludem Meotidam, quem inpervium ut pelagus aestimant, pedibus transierunt. Mox quoque Scythica terra ignotis apparuit, cerva disparuit. Quod, credo, spiritus illi, unde progeniem trahunt, ad Scytharum invidia id egerunt. Illi vero qui praeter Meotidam alium mundum esse paenitus ignorabant, admiratione ducti terrae Scythicae et, ut sunt sollertes, iter illud nullae ante aetati notissimum divinitus sibi ostensum rati, ad suos redeunt, rei gestum edocent, Scythiam laudant persuasaque gente sua via, qua cerva indice dedicerant, ad Scythiam properant, et quantoscumque prius in ingressu Scytharum habuerunt, litavere victoriae, reliquos perdomitos subegerunt. Nam mox ingentem illam paludem transierunt, ilico Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos et Boiscos, qui ripae istius Scythiae insedebant, quasi quaedam turbo gentium rapuerunt. Halanos quoque pugna sibi pares, sed humanitate, victu formaque dissimiles, frequenti certamine fatigantes, subiugaverunt. Nam et quos bello forsitan minime superabant, vultus sui terrore nimum pavorem ingerentes, terribilitate fugabant, eo quod erat eis species pavenda nigridinis et velud quaedam, si dici fas est, informis offa, non facies, habensque magis puncta quam lumina. Quorum animi fiducia turvus prodet aspectus, qui etiam in pignora sua primo die nata desaeviunt. Nam maribus ferro genas secant, ut ante quam lactis nutrimenta percipiant, vulneris cogantur subire tolerantiam. Hinc inberbes senescunt et sine venustate efoebi sunt, quia facies ferro sulcata tempestivam pilorum gratiam cicatricis absumit. Exigui quidem forma, sed argutis motibus expediti et ad equitandum promptissimi, scapulis latis, et ad arcus sagittasque parati firmis cervicibus et superbia semper erecti. Hi vero sub hominum figura vivunt beluina saevitia.

Quod genus expeditissimum multarumque nationum grassatorem Getae ut viderunt, paviscunt suoque cum rege deliberant, qualiter tali se hoste subducant. Nam Hermanaricus rex Gothorum, licet, ut superius retulimus, multarum gentium extiterat triumphator, de Hunnorum tamen adventu dum cogitat, Rosomonorum gens infida, quae tunc inter alias illi famulatum exhibebat, tali eum nanciscitur occasione decipere. Dum enim quandam mulierem Sunilda nomine ex gente memorata pro marito fraudulentamente discessu rex furore commotus equis ferocibus inligatam incitatisque cursibus per diversa divelli praecipisset, fratres eius Sarus et Ammius germanae obitum vindicantes Hermanarici latus ferro petierunt.

Quo vulnere saucius egram vitam corporis inbecillitate contraxit. Quam adversam eius validitatem captans Balamber rex Hunnorum in Ostrogotharum parte movit procinctum, a quorum societate iam Vesegothae quadam inter se intentione seiuncti habebantur. Inter haec Hermanaricus tam vulneris dolore quam etiam Hunnorum incursionibus non ferens grandevus et plenus dierum centesimo decimo anno vitae suae defunctus est. Cuius mortis occasio dedit Hunnis praevalere in Gothis illis, quos dixeramus orientali plaga sedere et Ostrogothas nuncupari.

3. *Дальнейшая судьба остготов (с. 170–171)*

Et quia, dum utrique gentes, tam Ostrogothae, quam etiam Vesegothae in uno essent, ut valui, maiorum sequens dicta revolvi divisosque Vesegothas ab Ostrogothis ad liquidum sum prosecutus, necesse nobis est iterum ad antiquas eorum Scythicas sedes redire et Ostrogotharum genealogia actusque pari tenore exponere. Quos constat morte Hermanarici regis sui, decessione a Vesegothis divisos, Hunnorum subditos ditioni, in eadem patria remorasse, Vinithario tamen Amalo principatus sui insignia retinente. Qui avi Vultulfi virtute imitatus, quamvis Hermanarici felicitate inferior, tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiaccere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum fillis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, ut dediticiis metum cadavera penditium geminarent. Sed dum tali libertate vix anni spatio imperasset, non est passus Balamber rex Hunnorum, sed ascito ad se Gesimundo, Hunnimundi magni filio, qui iuramenti sui et fidei memor cum ampla parte Gothorum Hunnorum imperio subiacebat, renovatoque cum eo foedere super Vinitharium duxit exercitum. Diuque certati primo et secundo certamine Vinitharius vincit. Nec valet aliquis commemorare, quanta strage de Hunnorum Venetharius fecit exercitu. Tertio vero proelio subreptionis auxilio ad fluvium nomine Erac, dum utrique ad se venissent, Balamber sagitta missa caput Venetharii saucians interemit neptemque eius Vadamercam sibi in coniugio copulans iam omnem in pace Gothorum populum subactum possedit, ita tamen, ut genti Gothorum semper proprius regulus, quamvis Hunnorum consilio, imperaret.

4. *Смерть Атиллы (с. 172)*

Nam in tantum magnis imperiis Attila terribilis habitus est, ut eius mortem in locum muneris superna regnantibus indicarent. Cuius manes quibus a sua gente honoratae sunt, pauca de multis dicere non omitamus. In mediis siquidem campis et intra tenturia sirica cadavere conlocato spectaculum admirandum et sollemniter exhibetur. Nam de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, in modum circensium cursibus ambientes, facta eius cantu funereo tali ordine referebant:

“Praecipuus Hunnorum rex Attila, patre genitus Mundzucō, fortissimarum gentium dominus, qui inaudita ante se potentia solus Scythica et Germanica regna possedit nec non utraque Romani urbis imperia captis civitatibus terruit et, ne praedae reliqua subderentur, placatus praecipibus annum vectigal accepit. Cumque haec omnia proventu felicitatis egerit, non vulnere hostium, non fraude suorum, sed gente incolume inter gaudia laetus sine sensu doloris occubuit. Quis ergo hunc exitum putet, quem nullus aestimat vindicandum?” Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes luctu funereo mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver terra reconditum copercula primum auro, secundum argento, tertium ferri rigore communiunt, significantes tali argumento potentissimo regi omnia convenisse: ferrum, quod gentes edomuit, aurum et argentum, quod ornatum rei publicae utriusque acceperit. Addunt arma hostium caedibus acquisita, faleras vario gemmarum fulgore praetiosas et diversi generis insignia, quibus colitur aulicum decus. Et, ut tantis divitiis humana curiositas arceretur, operi deputatos detestabili mercede trucidarunt, emersitque momentanea mors sepelientibus cum sepulto.

5. Младшие готы (с. 174)

Erant siquidem et alii Gothi, qui dicuntur minores, populus immensus, cum suo pontifice ipsoque primato Vulfila, qui eis dicitur et litteras instituisse. Hodieque sunt in Moesia regionem incolentes Nicipolitanam ad pedes Emimonti, gens multa, sed paupera et inbellis nihilque habundans nisi armenta diversi generis pecorum et pascua silvaeque lignarum; parum tritici citerarumque specierum terras fecundas. Vineas vero nec, si sunt alibi, certi eorum cognoscent ex vicina loca sibi vinum negotiantes; nam lacte aluntur plerique.

ПРИМЕЧАНИЯ

“О происхождении и деяниях готов” – главное произведение готского историка Иордана (VI в.). Давая подробную историю готов и описывая также судьбы всего Причерноморья, он представляет собой ценный источник по истории древних славян. Язык Иордана обнаруживает большое влияние народной латыни.

1

rebus humanis excedere = mori

Hermanaricus – король остготов из знатного рода Амалов (ум. в 375 или 376 г.), который возглавил обширное, но недолговечное государство

maiores – прежние писатели

Golthescytha... Coldas – среди племен, будто покоренных Германарихом, угадываются по звучанию терминов чудь, весь, меря, мордва

Halaricus – предводитель герулов, живших возле Меотиды (Азовского моря)

Ablavius – писатель, произведения которого не дошли до нас
ele – греческий термин, означающий болото

ex ipsis = ex eis

evagare – “ускользать”

Venethi, Antes, Sclaveni – это место свидетельствует о довольно отчетливых сведениях, касающихся славян

longissimam ripam – “отдаленное побережье”

Oceanus Germanicus – Балтийское море

subegit – явное преувеличение размеров державы Германариха

lavores = labores = praedia

2

Orosius – христианский историк (ок. 380 – ок. 420)

Hunnorum gens – на Северном Кавказе гунны появились ок. 360 – 370 гг.

hos – гунны

Scandza insula – Скандинавский полуостров, который в древности представляли как остров

Priscus – фракиец родом, участник посольства 448 г. от императора Феодосия II в ставку Атилы. О посольстве Приск оставил записи

venationi = venatione

ad Scythiam properant – переход гунны могли совершить по льду через Боспор Киммерийский

Alpidzuros – названия племен взяты у Приска

Halanos – аланы, населявшие степи Северного Кавказа и Приазовья (восточнее Дона), были первым препятствием

species = facies

fiducia – abl.

turvus = torvus

pignora – зд.: “дети”

cicatricis = cicatricibus

Rosomanorum gens – хотя такая транскрипция только у Иордана, она наводит на мысль о народе “рос”

Balamber – назван только у Иордана

Ostrogothae – остготы

Vezegothae – вестготы, которые до основного удара гуннов ушли к Днестру

3

divisos – в значении существительного

remorasse – только их часть

Vinitharius – кем он приходился Германариху, не совсем ясно

subiacere – в значении существительного

regemque eorum Voz – то есть вождя антов

subreptionis auxilio – зависит от missa

Eras – скорее всего Днестр

ad se venissent – “приблизилась друг к другу”

4

quibus – зависит от pausa

facta = res gestae

incolume = incolumi

strava – славянский термин, означающий тризну

luctu – вместо винительного падежа

coopercula = coopercula (винительный падеж вместо аблатива)

II. Einhardi vita Karoli Magni

1. Gens Meroingorum, de qua Franci reges sibi creare soliti erant, usque in Hildricum regem, qui iussu Stephani Romani pontificis depositus ac detonsus atque in monasterium trusus est, durasse putatur. Quae licet in illo finita possit videri, tamen iam dudum nullius vigoris erat nec quicquam in se clarum praeter inane regis vocabulum praeferebat. Nam et opes et potentia regni penes palatii praefectos, qui maiores domus dicebantur, et ad quos summa imperii pertinebat, tenebantur. Neque regi aliud relinquebatur, quam ut regio tantum nomine contentus crine profuso, barba summissa solio resideret ac speciem dominantis effingeret, legatos undecumque venientes audiret eisque abeuntibus responsa, quae erat edoctus vel etiam iussus, ex sua velut potestate redderet, cum praeter inutile regis nomen et precarium vitae stipendium, quod ei praefectus aulae, prout videbatur, exhibebat, nihil aliud proprii possideret quam unam et eam praeparvi redditus villam, in qua domum et ex qua famulos sibi necessaria ministrantes atque obsequium exhibentes paucae numerositatis habebat. Quocumque eundum erat, carpento ibat, quod bubus iunctis et bubulco rustico more agente trahebatur. Sic ad palatium, sic ad publicum populi sui conventum, qui annuatim ob regni utilitatem celebrabatur, ire, sic domum redire solebat. At regni administrationem et omnia quae vel domi vel foris agenda ac disponenda erant praefectus aulae procurabat.

2. Quo officio tum, cum Hildricus deponeretur, Pippinus pater Karoli regis iam velut hereditario fungebatur. Nam pater eius Karolus, qui tyrannos per totam Franciam dominatum sibi vindicantes oppressit et Sarracenos Galliam occupare temptantes duobus magnis proeliis, uno in Aquitania apud Pictavium civitatem, altero iuxta Narbonam apud Birram fluvium, ita devicit, ut in Hispaniam eos redire compelleret, eundem magistratum a patre Pippino sibi dimissum egregie administravit. Qui honor non aliis a populo dari consueverat quam his qui et claritate generis et opum amplitudine ceteris eminebant.

Hunc cum Pippinus pater Karoli regis ab avo et patre sibi et fratri Karlomanno relictum, summa cum eo concordia divisum, aliquot annis velut sub rege memorato tenuisset, frater eius Karlomannus – incertum, quibus de causis, tamen videtur, quod amore conversationis contemplativae succensus – operosa temporalis regni administratione relicta Romam se in otium contulit ibique habitu permutato monachus factus in monte Soracte apud ecclesiam beati Silvestri constructo monasterio cum fratribus secum ad hoc venientibus per aliquot annos optata quiete perfruitur. Sed cum ex Francia multi nobilium ob vota solvenda Romam sollemniter commearent et eum velut dominum quondam suum praeterire nollent, otium, quo maxime delectabatur, crebra salutatione interruptentes locum mutare compellunt. Nam huiusmodi frequentiam cum suo proposito officere vidisset, relicto monte in Samnium provinciam ad monasterium sancti Benedicti situm in castro Casino secessit et ibi quod reliquum erat temporalis vitae religiose conversando complevit.

3. Pippinus autem per auctoritatem Romani pontificis ex praefecto palatii rex constitutus, cum per annos XV aut eo amplius Franciam solus imperaret, finito Aquitanico bello, quod contra Waifarium ducem Aquitaniae ab eo susceptum per continuos novem annos gerebatur, apud Parisios morbo aquae intercutis diem obiit, superstibus liberis Karlo et Karlomanno, ad quos successio regni divino nutu pervenerat. Franci siquidem facto sollemniter generali conventu ambos sibi reges constituunt, ea conditione praemissa, ut totum regni corpus ex aequo partirentur, et Karolus eam partem, quam pater eorum Pippinus tenuerat, Karlomannus vero eam, cui patruus eorum Karlomannus praeerat, regendi gratia susciperet. Susceptae sunt utrimque conditiones, et pars regni divisi iuxta modum sibi propositum ab utroque recepta est. Mansitque ista, quamvis cum summa difficultate, concordia, multis ex parte Karlomanni societatem separare molientibus, adeo ut quidam eos etiam bello committere sint meditati. Sed in hoc plus suspecti quam periculi fuisse ipse rerum exitus adprobavit, cum defuncto Karlomanno uxor eius et filii cum quibusdam, qui ex optimatum eius numero primores erant, Italiam fuga petiit et nullis existentibus causis spreto mariti fratre sub Desiderii regis Langobardorum patrocinium se cum liberis suis contulit.

Et Karlomannus quidem post administratum communiter biennio regnum morbo decessit. Karolus autem fratre defuncto consensu omnium Francorum rex constituitur.

4. De cuius nativitate atque infantia vel etiam pueritia quia neque criptis usquam aliquid declaratum est, neque quisquam modo superesse invenitur, qui horum se dicat habere notitiam, scribere ineptum udicans, ad actus et mores ceterasque vitae illius partes explicandas ac lemonstrandas omissis incognitis transire disposui ita tamen, ut primo es gestas et domi et foris, deinde mores et studia eius, tum de regni administratione et fine narrando, nihil de his quae cognitu vel digna vel necessaria sunt praetermittam.

5. Omnium bellorum quae gessit primo aquitanicum, a patre inchoatum, sed nondum finitum, quia cito peragi posse videbatur, fratre adhuc vivo, etiam et auxilio ferre rogato, suscepit. Et licet eum frater promisso frustrasset auxilio, susceptam expeditionem strenuissime exsecutus non prius incepto desistere aut semel suscepto labori cedere voluit, quam hoc, quod efficere moliebatur, perseverantia quadam ac iugitate perfectone concluderet. Nam et Hunoldum, qui post Waifarii mortem Aquitaniam occupare bellumque iam poene peractum reparare temptaverat, Aquitaniam relinquere et Wasconiam petere coegit. Quem tamen ibi consistere non sustinens, transmissa amne Garonna Lupo Wasconum duci per legatos mandat, ut perfugam reddat; quod ni festinato faciat bello se eum expostulaturum. Sed Lupus saniori usus consilio non solum Hunoldum reddidit, sed etiam se ipsum cum provincia cui praeerat eius potestati permisit.

6. Compositis in Aquitania rebus eoque bello finito regni quoque socio iam rebus humanis exempto rogatu et precibus Hadriani Romanae urbis episcopi exoratus bellum contra Langobardos suscepit. Quod prius quidem et a patre eius Stephano papa supplicante cum magna difficultate susceptum est, quia quidam e primoribus Francorum, cum quibus consultare solebat, adeo voluntati eius renisi sunt, ut se regem deserturos domumque redituros libera voce proclamarent. Susceptum tamen est tunc contra Haistulfum regem et celerrime completum. Sed licet sibi et patri belli suscipiendi similis ac potius eadem causa subesse videretur, haud simili tamen et labore certatum et fine constat esse completum. Pippinus siquidem Haistulfum regem paucorum dierum obsidione apud Ticenum compulit et obsides dare et erepta Romanis oppida atque castella restituere atque, ut reddita non repeterentur, sacramento fidem facere. Karolus vero post inchoatum a se bellum non prius destitit, quam et Desiderium regem, quem longa obsidione fatigaverat, in deditionem susciperet, filium eius Adalgisum, in quem spes omnium inclinatae videbantur, non solum regno, sed etiam Italia excedere compelleret, omnia Romanis erepta restitueret, Hruodgausum Foroiuliani ducatus praefectum res novas molientem opprimeret totamque Italiam suae ditioni subiugaret subactaeque filium suum Pippinum regem inponeret. Italiam intranti quam difficilis Alpium transitus fuerit quantoque Francorum labore iniviamontium iuga et eminentes in caelum scopuli atque asperae cautes superatae sint, hoc loco describerem, nisi vitae illius modum potius quam bellorum, quae gessit eventus memoriae mandare praesenti opere animo

esset propositum. Finis tamen huius belli fuit subacta Italia et rex Desiderius perpetuo exilio deportatus et filius eius Adalgisus Italia pulsus et res a Langobardorum regibus ereptae Hadriano Romanae ecclesiae rectori restitutae.

7. Post cuius finem Saxonicum, quod quasi intermissum vedebatur, repetitum est. Quo nullum neque prolixius neque atrocius Francorumque populo laboriosius susceptum est, quia Saxones, sicut omnes fere Germaniam incolentes nationes, et natura feroces et cultui daemonum dediti nostraeque religioni contrarii neque divina neque humana iura vel polluere vel transgredi inhonestum arbitrabantur. Suberant et causae, quae cotidie pacem conturbare poterant, termini videlicet nostri et illorum poene ubique in plano contigui, praeter pauca loca, in quibus vel silvae maiores vel montium iuga interiecta utrorumque agros certo limite disterminant, in quibus caedes et rapinae et incendia vicissim fieri non cessabant. Quibus adeo Franci sunt irritati, ut non iam vicissitudinem reddere, sed apertum contra eos bellum suscipere dignum iudicarent. Susceptum est igitur adversus eos bellum, quod magna utrimque animositate, tamen maiore Saxonum quam Francorum damno, per continuos triginta tres annos gerebatur. Poterat siquidem citius finiri, si Saxonum hoc perfidia pateretur. Difficile dictu est, quoties superati ac supplices regi se dederunt, imperata facturos polliciti sunt, obsides qui imperabantur absque dilatione dederunt, legatos qui mittebantur susceperunt, aliquoties ita domiti et emolliti, ut etiam cultum daemonum dimittere et Christianae religioni se subdere velle promitterent. Sed sicut ad haec facienda aliquoties proni, sic ad eadem pervertenda semper fuere praecipites, non sit ut satis aestimare, ad utrum horum faciliores verius dici possint, quippe cum post inchoatum cum eis bellum vix ullus annus exactus sit quo non ab eis huiuscemodi facta sit permutatio. Sed magnanimitas regis ac perpetua tam in adversis quam in prosperis mentis constantia nulla eorum mutabilitate vel vinci poterat vel ab his quae agere coeperat defatigari. Nam numquam eos huiuscemodi aliquid perpetrantes inpune ferre passus est, quin aut ipse per se ducto aut per comites suos misso exercitu perfidiam ulcisceretur et dignam ab eis poenam exigeret, usque dum, omnibus qui resistere solebant profligatis et in suam potestatem redactis, decem milia hominum ex his qui utrasque ripas Albis fluminis incolebant cum uxoribus et parvulis sublatis transtulit et huc atque illuc per Galliam et Germaniam multimoda divisione distribuit. Eaque conditione a rege proposita et ab illis suscepta tractum per tot annos bellum constat esse finitum, ut abiecto daemonum cultu et relictis patriis caerimoniis Christianae fidei atque religionis sacramenta susciperent et Francis adunati unus cum eis populus efficerentur.

8. Hoc bello, licet per multum temporis spatium traheretur, ipse non amplius cum hoste quam bis acie conflixit, semel iuxta montem qui Osneggi dicitur in loco Theotmelli nominato et iterum apud Hasa fluvium, et hoc uno mense paucis quoque interpositis diebus. His duobus proeliis hostes adeo profligati ac devicti sunt, ut ulterius regem neque provocare

neque venienti resistere, nisi aliqua loci munitione defensi, auderent. Plures tamen eo bello tam ex nobilitate Francorum quam Saxonum et functi summis honoribus viri consumpti sunt. Tandemque anno tricesimo tertio finitum est, cum interim tot ac tanta in diversis terrarum partibus bella contra Francos et exorta sint et sollertia regis administrata, ut merito intuentibus in dubium venire possit, utrum in eo aut laborum patientiam aut felicitatem potius mirari conveniat. Nam biennio ante Italicum hoc bellum sumpsit exordium, et cum sine intermissione gereretur, nihil tamen ex his quae alicubi erant gerenda dimissum aut ulla in parte ab aequo operoso certamine cessatum est. Nam rex omnium qui sua aetate gentibus dominabantur et prudentia maximus et animi magnitudine praestantissimus, nihil in his quae vel suscipienda erant vel exsequenda aut propter laborem detraxit aut propter periculum exhorruit, verum unumquodque secundum suam qualitatem et subire et ferre doctus nec in adversis cedere nec in prosperis falso blandienti fortunae adsentiri solebat.

9. Cum enim assiduo ac poene continuo cum Saxonibus bello certaretur, dispositis per congrua confiniorum loca praesidiis, Hispaniam quam maximo poterat belli apparatu adgreditur, saltuque Pyrinei superato, omnibus quae adierat oppidis atque castellis in deditionem acceptis, salvo et incolomi exercitu revertitur, praeter quod in ipso Pyrinei iugo Vasconicam perfidiam parumper in redeundo contigit experiri. Nam cum agmine longo, ut loci et angustiarum situs permittebat, porrectus iret exercitus, Wascones in summi montis vertice positos insidiis – est enim locus ex opacitate silvarum, quarum ibi maxima est copia, insidiis ponendis opportunus – extremam impedimentorum partem et eos qui novissimi agminis incedentes subsidio praecedentes tuebantur desuper incursantes in subiectam vallem deiciunt concertoque cum eis proelio usque ad unum omnes interficiunt ac direptis impedimentis noctis beneficio quae iam instabat protecti summa cum celeritate in diversa disperguntur. Adiuvabat in hoc facto Wascones et levitas armorum et loci, in quo res gerebatur, situs, econtra Francos et armorum gravitas et loci iniquitas per omnia Wasconibus reddidit impares. In quo proelio Eggihardus regiae mensae praepositus, Anshelmus comes palatii et Hruodlandus Brittanici limitis praefectus cum aliis conpluribus interficiuntur. Neque hoc factum ad praesens vidicari poterat, quia hostis re perpetrata ita dispersus est, ut ne fama quidem remaneret, ubinam gentium quaeri potuisset.

10. Domuit et Brittones qui ad occidentem in extrema quadam parte Galliae super litus oceani residentes dicto audientes non erant, missa in eos expeditione, qua et obsides dare et quae imperarentur se facturos polliceri coacti sunt. Ipse postea cum exercitu Italiam ingressus ac per Romam iter agens Capuam Campaniae urbem accessit atque ibi positus castris bellum Beneventanis ni dederentur comminatus est. Praevenit hoc dux gentis Aragisus: filios suos Rumoldum et Grimoldum cum magna pecunia obviam regi mittens rogat, ut filios obsides suscipiat, seque cum gente imperata facturum pollicetur, praeter hoc solum, si ipse ad conspectum venire cogeretur. Rex utilitate gentis magis, quam

animi eius obstinatione considerata et oblatos sibi obsides suscepit eique, ut ad conspectum venire non cogere, pro magno munere concessit, unoque ex filiis qui minor erat obsidatus gratia retento maiorem patri remisit, legatisque ob sacramenta fidelitatis a Beneventanis exigenda atque suscipienda cum Aragiso dimissis Romam redit consumptisque ibi in sanctorum veneratione locorum aliquot diebus in Galliam revertitur.

11. Baioaricum deinde bellum et repente ortum et celeri fine completum est. Quod superbia simul ac socordia Tassilonis ducis excitavit, qui hortatu uxoris quae filia Desiderii regis erat ac patris exilium per maritum ulcisci posse putabat, iuncto foedere cum Hunis, qui Baioariis sunt ab oriente contermini, non solum imperata non facere, sed bello regem provocare temptabat. Cuius contumaciam, quia nimia videbatur, animositas regis ferre nequiverat, ac proinde copiis undique contractis Baioariam petiturus ipse ad Lechum amnem cum maximo venit exercitu. Is fluvius Baioarios ab Alamannis dividit. Cuius in ripa castris conlocatis, priusquam provinciam intraret, animum ducis per legatos statuit experiri. Sed nec ille pertinaciter agere vel sibi vel genti utile ratus supplices se regi permisit, obsides qui imperabantur dedit, inter quos et filium suum Theodonem data insuper fide cum iuramento, quod ab illius potestate ad defectionem nemini suadenti adsentiri deberet. Sicque bello, quod quasi maximum futurum videbatur, celerrimus est finis inpositus. Tassilo tamen postmodum ad regem evocatus neque redire permissus, neque provincia, quam tenebat, ulterius duci, sed comitibus ad regendum comissa est.

12. His motibus ita compositis Sclavis, qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione Welatabi dicuntur, bellum inlatum est. In quo Saxones velut auxiliares inter ceteras nationes, quae regis signa iussae sequebantur, quamquam ficta et minus devota oboedientia, militabant. Causa belli erat, quod Abodritos, qui cum Francis olim foederati erant, adsidua incursione lacescebant nec iussionibus coerceri poterant. Sinus quidam ab occidentali oceano orientem versus porrigitur, longitudinis quidem inconspertae, latitudinis vero quae nusquam centum milia passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multae circumsedent nationes, Dani siquidem ac Sueones, quos Nordmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus Australe Sclavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes, inter quos vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Welatabi. Quos ille una tantum et quam per se gesserat expeditione ita contudit ac domuit, ut ulterius imperata facere minime rennuendum iudicaret.

13. Maximum omnium quae ab illo gesta sunt bellorum praeter Saxonicum huic bello successit, illud videlicet, quod contra Avaros sive Hunos susceptum est. Quod ille et animosius quam cetera et longe maiore apparatu administravit. Unam tamen per se in Pannoniam – nam hanc provinciam ea gens tum incolebat – expeditionem fecit, cetera filio suo Pippino ac praefectis provinciarum, comitibus etiam atque legatis perficienda commisit. Quod cum ab his strenuissime fuisset administratum, octavo tandem anno completum est. Quot proelia in eo

gesta, quantum sanguinis effusum sit, testatur vacua omni habitatore Pannonia et locus in quo regia kagani erat ita desertus, ut ne vestigium quidem in eo humanae habitationis appareat. Tota in hoc bello Hunorum nobilitas periit, tota gloria decidit. Omnis pecunia et congesti ex longo tempore thesauri direpti sunt. Neque ullum bellum contra Francos exortum humana potest memoria recordari, quo illi magis ditati et opibus aucti sint. Quippe cum usque in id temporis poene pauperes viderentur, tantum auri et argenti in regia repertum, tot spolia pretiosa in proeliis sublata, ut merito credi possit hoc Francos Hunis iuste eripuisse, quod Huni prius aliis gentibus iniuste eripuerunt. Duo tantum ex proceribus Francorum eo bello perierunt: Ericus dux Foroiulanus in Liburnia iuxta Tharsaticam maritimam civitatem insidiis oppidanorum interceptus et Geroldus Baioariae praefectus in Pannonia, cum contra Hunos proeliaturus aciem strueret, incertum a quo cum duobus tantum, qui eum obequitantem ac singulos hortantem comitabantur, interfectus est. Ceterum incruentum poene Francis hoc bellum fuit et prosperrimum exitum habuit, tametsi diutius sui magnitudine traheretur. Post quod et Saxonicum suae prolixitati convenientem finem accepit, Boemanicum quoque et Linonicum, quae postea exorta sunt, diu durare non potuerunt. Quorum utrumque ductu Karoli iunioris celeri fine completum est.

14. Ultimum contra Nordmannos, qui Dani vocantur primo pyriticam exercentes, deinde maiori classe litora Galliae atque Germaniae vastantes, bellum susceptum est. Quorum rex Godofridus adeo vana spe inflatus erat, ut sibi totius Germaniae promitteret potestatem. Frisiam quoque atque Saxoniam haud aliter atque suas provincias aestimabat. Iam Abodritos vicinos suos in suam ditionem redegerat, iam eos sibi vectigales fecerat. Iactabat etiam se brevi Aquasgrani, ubi regis comitatus erat, cum maximis copiis adventurum. Nec dictis eius, quamvis vanissimis, omnino fides abnuebatur, quin potius putaretur tale aliquid inchoaturus, nisi festinata fuisset morte praeventus. Nam a proprio satellite interfectus et suae vitae et belli a se inchoati finem acceleravit.

15. Haec sunt bella quae rex potentissimus per annos XLVII – tot enim annis regnaverat – in diversis terrarum partibus summa prudentia atque felicitate gessit. Quibus regnum Francorum, quod post patrem Pippinum magnum quidem et forte susceperat, ita nobiliter ampliavit, ut poene duplum illi adiecerit. Nam cum prius non amplius quam ea pars Galliae, quae inter Rhenum et Ligerem oceanumque ac mare Balearicum iacet, et pars Germaniae, quae inter Saxoniam et Danubium Rhenumque ac Salam fluvium, qui Thuringos et Sorabos dividit posita a Francis qui Orientales dicuntur incolitur, et praeter haec Alamanni atque Baioarii ad regni Francorum potestatem pertinerent, ipse per bella memorata primo Aquitaniam et Wasconiam totumque Pyrinei montis iugum et usque ad Hiberum amnem, qui apud Navaros ortus et fertilissimos Hispaniae agros secans sub Dertosae civitatis moenia Balearico mari miscetur; deinde Italiam totam, quae ab Augusta Praetoria usque in Calabriam inferiorem, in qua Graecorum ac Beneventanorum constat

esse confinia, decies centum et eo amplius passuum milibus longitudine porrigitur; tum Saxoniam quae quidem Germaniae pars non modica est et eius quae a Francis incolitur duplum in lato habere putatur, cum ei longitudine possit esse consimilis; post quam utramque Pannoniam et adpositam in altera Danubii ripa Daciam, Histriam quoque et Liburniam atque Dalmaciam exceptis maritimis civitatibus quas ob amicitiam et iunctum cum eo foedus Constantinopolitanum imperatorem habere permisit; deinde omnes barbaras ac feras nationes, quae inter Rhenum ac Visulam fluvios oceanumque ac Danubium positae, lingua quidem poene similes, moribus vero atque habitu valde dissimiles. Germaniam incolunt, ita perdomuit, ut eas tributarias efficeret, inter quas fere praecipuae sunt Velatabi, Sorabi, Abodriti, Boemani – cum his namque bello conflixit –; ceteras, quarum multo maior est numerus, in deditionem suscepit.

16. Auxit etiam gloriam regni sui quibusdam regibus ac gentibus per amicitiam sibi conciliatis. Adeo namque Hadesonsum Galleciae atque Asturicae regem sibi societate devinxit, ut is, cum ad eum vel litteras vel legatos mitteret, non aliter se apud illum quam proprium suum appellari iuberet. Scottorum quoque reges sic habuit ad suam voluntatem per munificentiam inclinatos, ut eum numquam aliter nisi dominum seque subditos et servos eius pronuntiarent. Extant epistolae ab eis ad illum missae, quibus huiusmodi affectus eorum erga illum indicatur. Cum Aaron rege Persarum, qui excepta India totum poene tenebat orientem, talem habuit in amicitia concordiam, ut is gratiam eius omnium, qui in toto orbe terrarum erant, regum ac principum amicitiae praeponeret solumque illum honore ac munificentia sibi colendum iudicaret. Ac proinde, cum legati eius, quos cum donariis ad sacratissimum Domini ac salvatoris nostri sepulchrum locumque resurrectionis miserat, ad eum venissent, et ei domini sui voluntatem indicassent, non solum, quae petebantur, fieri permisit, sed etiam sacrum illum et salutarem locum, ut illius potestati adscriberetur, concessit, et revertentibus legatis suos adiungens inter vestes et aromata et ceteras orientalium terrarum opes ingentia illi dona direxit, cum ei ante paucos annos eum, quem tunc solum habebat, roganti mitteret elephantum. Imperatores etiam Constantinopolitani Niciforus, Michahel et Leo ultro amicitiam et societatem eius expetentes, complures ad eum misere legatos. Cum quibus tamen propter susceptum a se imperatoris nomen et ob hoc eis, quasi qui imperium eis eripere vellet, valde suspectum foedus firmissimum statuit, ut nulla inter partes cuiuslibet scandali remaneret occasio. Erat enim semper Romanis et Grecis Francorum suspecta potentia. Unde et illud Grecum extat proverbium: ΤΟΝ ΦΡΑΝΚΟΝ ΦΙΛΟΝ ΕΧΙΣ, ΠΙΤΟΝΑ ΟΥΚ ΕΧΙΣ.

ПРИМЕЧАНИЯ

“Жизнь Карла Великого” написана Эйххардом (ок. 768 – 840), одним из главных деятелей каролингского Возрождения, по образцу “Жизни Цезарей” Светония. Фактический материал,

взятый автором для своего произведения из других источников, искажен ради прославления Карла Великого. Большой интерес представляют сведения о личности императора. Эйнхард привлекает также внимание литературными достоинствами труда и изысканным языком, приближающимся к классическому.

1

Hildricus - Хильдерих

Stephanus - Стефан II

iussu Stephani - точнее, при содействии его предшественника, папы

Захария

detondere - "постричь", то есть в монахи

praefectus palatii = praefectus palatii

numerositas = numerus

annuatim - "ежегодно"

celebrare - "собирать"

2

Pippinus - Пипин Короткий

pater eius Karolus - Карл Мартелл

Francia - территория Франкского государства

Pictavium - Пуатье

a patre Pippino - Пипином Геристальским

conversatio contemplativa - "умозрительная жизнь", то есть монашеская

in castro Casino - Монтекассино

religiose conversari - "вести монашескую жизнь"

3

dux - "герцог"

apud Parisios = Parisiis (в Париже)

sollemniter - зд.: "по обычаю"

reges constituunt - вернее, это проделал сам Пипин с последующим одобрением знати

sibi = eis

optimates - высшая знать

Italiam = in Italiam

rex constituitur - то есть поставлен королем всей страны

5

perseverantia ac iugitate - хендиадис

Wasconia - страна басков

quod... expostulaturum - косвенная речь от подразумеваемого глагола в значении "говорить"

saniori = saniore

6

rebus humanis exemptus = mortuus

Nadrianus – папа Адриан I

Quod... susceptum est – походы Пипина в Италию относятся к 754 и 756 гг.

apud Ticenum – в Павии

Foroiulianus ducatus – герцогство Фриуль

ducatus praefectus = dux

7

Saxonicum - Saxonicum bellum (война началась в 772 г.)

ut satis aestimare = ut satis aestimetur

velle – плеоназм

ad utrum... verius – оборот ном. с. inf., зависящий от сочетания dici possint

comes – “граф”

transtulit – умалчивается об истреблении заложников

8

ipse – rex

Osneggi – Оснинг

in loco Theotmelli – у Летмольда

Nasa – Хааза

9

incolomis = incolumis

conserto cum eis proelio – имеется в виду битва в Ронсевальском ущелье

regiae mensae praepositus – “стольник”

comes palatii – “пфальцграф”, то есть начальник дворца

Hruodlandus – “Песнь о Роланде” связывает его гибель с войнами против мавров

10

Brittones – бретонцы

dictum – “приказание”

expeditio = exercitus

praeter hoc solum, si cogeret = nisi cogeret

a Beneventanis .cum Aragiso = a B. et ab Aragiso

11

Baioaricum - "баварская"

Huni - имеются в виду авары

ad Lechum amnem - на реке Лех

Alamanni - "швабы"

12

Sclavi - славяне

Welatabi - лютичи

Abodriti -бодричи

sinus - Балтийское море

Dani - датчане

Sueones - шведы

Aisti - эсты

rennuere = genuere

13

Liburnia - то есть Хорватия и Далмация

Tharsatica civitas - Терсатто

Boemanicum - "чешская"

14

Aquasgrani = Aquasgranum (в Аахен)

comitatus - зд: "двор"

15

Liger - Луара

Sorabi - сорбы

usque ad Hiberum amnem - "до реки Эбро"

Dertosa - Тортоса

Augusta Praetoria - Аоста

Visula - Висла

in deditionem suscepit - успехи короля преувеличены

16

Hadefonsus -Альфонс

Gallecia - Галисия

Scotti - шотландцы

Aaron - Харун ар-Рашид, багдадский халиф

elefantus = elephantus

TON... – “имей франка другом, но не соседом”

III. Lamperti monachi Hersfeldensis annales

1. Политика Генриха IV в отношении Саксонии (р. 166)

Montes omnes colliculosque Saxoniae et Turingiae castellis munitissimis extruxit praesidiumque imposuit. Quibus cum victui necessaria minus sufficerent, permisit, ut ex proximis villis et agris hostili more predas agerent, et ad ipsa castella munienda circumquaque manentes cogere et impensas affatim convectare et per se ipsos servili manu desudare. Verum ne Manifestae tyrannidis notaretur, si contra innocentes atque in regnum proprium tam barbara crudelitate grassaretur, ut impietatem suam quadam religionis specie palliaret, archiepiscopum Mogontinum modis omnibus instigavit, ut decimationes Turingiae, sicut ante plures annos instituerat, exigeret, pollicens se ei in exigendo summa ope affuturum et dicto obtemperare nolentes regia maiestate coacturum, ea tamen pactione, ut ipsarum decimationum partem sibi, quae et regiae magnificentiae et tanto labori suo digna foret, tribueret. Ita episcopus, vanissima spe animatus, sinodum indixit in Erphesfurt VI. Idus Marci.

2. Заговор саксонских князей (р. 176–178)

His atque huiusmodi indicibus principes Saxoniae malum quod cervicibus suis impendebat animadverterunt, statimque graviter ancipiti periculo permoti clandestina conventicula crebro faciebant et se vicissim, quid facto opus esset, in medium consulere hortabantur. Una omnium voluntas, eadem erat sententia, eamque dato et accepto vicissim sacramento confirmabant malle se mori atque extrema omnia prius experiri quam acceptam a parentibus libertatem per dedecus amittere. Huius coniurationis auctores ac signiferi quidam erant Bucco Halberstatensis episcopus, Otto dux quondam Baioariae atque Herimannus frater Ottonis Saxonici ducis, qui superiore anno decesserat. Sed Bucco, licet frequentibus iniuriis a rege lacessitus fuisset, tamen, quia vir eximiae sanctitatis erat et optima in ecclesia Dei existimationis, credi nullo modo potest aliter in hanc audaciam prorupisse nisi zelo Dei et sola communis commodi ratione. Caeteri duo preter publicam gentis suae causam etiam privato odio iam pridem a rege desciverant propter Magnum Ottonis ducis Saxonici filium, quem rex in deditionem acceptum iam per biennium in custodia tenebat.

3. Военные действия под Гарцбургом (р. 210–212)

Ea tempestate hi qui in Hartesburg erant multa et preclara militaris audaciae facinora fecerunt. Nam sepe numero erumpentes predas in vicinis regionibus et strages hominum non modicas agebant, et priusquam

Saxones ad vim arcendam frequentes confluere possent, se in castellum receperant. Maxime autem Goslariensibus propter viciniam exiciales erant. Plurimos enim eorum peremerunt, et bona eorum quae extra villam reperta fuissent, crebra incursione populabantur, et mercatores exterarum gentium, ne consuetas merces eo conferrent, metu vitae amitendae inhibebant. Cumque tempore quodam ad modicum inter eos pax venisset, quidam ex castello Goslariam privatae rei aliquid ibi acturi venerunt. Ubi cibo potuque distenti, dum nimia potione incaluissent, sicut ebrietas mater esse solet iurgiorum, ceperunt adversum eos, cum quibus accumbebant, ineptos inconditosque sermones iactitare et Saxonibus ignaviam exprobrare, quod non militari sed ovina mente adversus regem arma sumpsissent. Indignati qui aderant Saxones sedicione concitata eos trucidaverunt forasque proiecerunt. Quod ubi his qui in Hartesburg erant compertum est dedita opera se in ultionem sociorum suorum accinxerunt, et quia viris villam fortibus, vallis et seris undique munitam incursare haut satis tutum putabatur, dolo eos circumvenire parabant.

Erat quidam Goslariae prefectus Bodo nomine, regi tempore pacis acceptissimus, nunc quoque turbata re publica fidem inviolatam ei servans, occulte tamen metu Saxonum, ne deprehensus factione vulgi omnia sua amitteret. Is ad ductus ab his qui in castello erant pastores qui Goslariensium pecora servabant precio corruptit, ut gregem paulo longius a villa in pastum eicerent. Missi de castello equites ea protinus abegerunt. Caeteri in montibus et silvis armati se abdiderunt. Perlata Goslariam rumore abactorum pecorum unanimiter ad arma conclamant, summis omnes viribus in certamen ruunt, nec quisquam alterum operiebatur, sed citato quisque quantum poterat equo prior hostem insequi predamque excutere contendebat. Illi paululum fuga simulata cedebant insequentibus, donec eos ultra locum insidiarum incautos protraherent. Tunc sublato undique clamore tam hi qui in castello remanserant quam hi qui in vicinis montibus se occultaverant impetum in eos fecerunt et tamdiu palantes fugientesque prosternebant, donec non ratio, sed fusi sanguinis horror ac societas occisioni finem facerent. Propter haec et alia huiusmodi placuit Saxonibus proximum castello collem occupare militesque imponere, qui contra excursions hostium sine intermissione intenti sollicitique excubarent. Nec sic tamen audaciae eorum modum imposuerunt, sed ubicumque oportunitas se prebuit, multa et in eos, a quibus asservabantur, et in alios provinciales hostilia fecerunt.

4. Требования восставших (p. 222-224)

Ad haec illi responderunt nihil aliud se postulare, quam quod multis iam sepe legationibus postulassent ut castella quae ad oppressionem eorum per Saxoniam et Turingiam extruxerat sine dilatione dirui iubeat; ut sua singulis patrimonia per vim seu per calumniam erepta restituat; ut duci Ottoni, ad quem extinguendum falsa criminatione et pessimo nefarii hominis artificio impudenter abusus sit, ducatum Baioariae reddat; ut episcopo Mogentino, episcopo Coloniensi, duci Rudolfo, postremc

omnibus qui in hac dissensione ab eo defecissent aut aliquid quod eum lederet, aliarum partium studio admisissent, impunitatem tribuat nullasque inperpetuum offensae huius paenas exigat; ut libertatem genti suae et legitima a primis temporibus statutà rata atque inviolata manere sinat; ut totam in sola Saxonia aetatem inertis ocio deditis non transigat, sed interdum Goslaria decedens, regnum suum, quod maiorum eius industria latissimum sit, circueat; aecclesiis et monasteriis, viduis et orphanis et caeteris qui calumniam patiantur iusta faciat et regiam dignitatem, quam nomine preferat, regalium morum et operum claritate exornet. Si haec se facturum fidelissime polliceatur et ad firmamentum indubitatae fidei fideiussores sibi det eosdem, quos nunc habeat recuperandae pacis intercessores, principes regni, paratos se arma deponere, pacem suscipere et deinceps dicto obtemperantes vivere; sin autem, sacramento se obstrictos esse, ut, quamdiu sibi vitalis caloris ultima scintilla supervivat, pro libertate, pro legibus, pro patria sua indefessi dimicent.

Dura nimis regi visa est exactio, cepitque huc et illuc anxius tergiversari fidemque principum suorum appellare, ne se sub iugum tam fedae conditionis ad sui omnium ignominiam mitti paterentur; illud pro caeteris intolerabile iudicans, quod castella sua destruere et hostibus suis premia pro suppliciis reddere cogeatur. Cumque spreta pace quae offerebatur sequenti die exercitum recenseri aciemque ad pugnam instrui placuisset, misit circumquaque ad habitacula principum iubens, ut suos singuli ad aciem instruendam producerent. Omnes promptissime se dicto parere sponponderunt, sed redeuntibus nunciis nullus castris est egressus detrectantibus cunctis opus nefarium, ut eis, quorum causam iustissimam estimarent, certamen inferrent.

5. *Разрушение Гарцбургга (p. 232-234)*

Porro vulgus Saxoniae, id potissimum, quod contiguas castello Hartesburg villulas incolebant, vehementer offenderat, quod in Hartesburg ullae servatae essent reliquiae; nec quicquam tantis laboribus actum putabant stante atque incolumi castello, quod omnium cladum, quas acceperant, caput principiumque extitisset, et quod circumiacentis regionis opulentissimas quondam villas nunc in horrorem vastamque solitudinem redegisset. Non detulisse regem cultui divino, sed sub pretextu religionis crudelitatis suae patrocinium quesisse, ut scilicet instaurato post modicum bellum cum haec ira Saxonibus deferbuisset, locum habeat, ubi milites suos rursus ad eversionem Saxoniae tuto emittat, tuto recipiat, et tunc tanto victis incumbat infestior, quanto nunc discedat Saxonum laetis successibus efferacior. Haec vicissim intemperatis clamoribus serendo in magnam se ferocitatem inflammaverunt.

Igitur tercio die postquam rex abscesserat, insciis inconsultisque principibus, facto grege in Hartesburg irruunt, quod residuum erat murorum a fundamento deiciunt, lapides longe lateque dispergunt. Caeteris aedificiis, quae indulgentia principum integra servaverat, idem faciunt, aecclesiam,

quae accelerandi operis studio interim lignis elegantissime constructa fuerat, incendunt, thesauros diruunt, altaria confringunt. Postremo, ne qua regi instaurandi castelli occasio reliqua esset, filium eius et fratrem, quos ille ad gratificandum popularibus locum ibi tumulaverat, effodiunt aguntque omnia, quantum possunt, ne administrando bello deinceps mons complanatus ullam prestare possit oportunitatem. Reliquias sanctorum, quae effractis altaribus erutae fuerant, et defossa defunctorum corpora abbas ex vicino cenobio oportune superveniens furenti vulgo eripuit atque in suum monasterium cum honore transvexit.

Perlatus ad principes Saxoniae rumor admissi facinoris grandi eos formidine perculit, ne rex tanta iniuria exacerbatus causaretur ab ipsis fedus esse violatum et iustam exinde occasionem instaurandi belli nactus cunctas adversus eos regni vires concitaret. Id consulto prevenire cupientes graviter in eos qui tale flagitium admiserant animadvertunt.

6. Восстание горожан в Кельне (р. 236-248)

Ipsa tempore Coloniae res accidit digna omnium bonorum miseratione et lacrimis, incertum levitate vulgi an factione eorum qui vicem regis in archiepiscopum ulcisci cupiebant. Id magis venit in suspicionem, quod, cum celebre apud omnes esset nomen Wormaciensium, pro eo quod regi fidem in adversis servassent et episcopum rebellare temptantem civitate expulissent, Colonienses pessimum exemplum emulati, suam quoque devotionem insigni aliquo facinore regi gratificare vellent. Ad patrandum quod nefarie machinabantur casus idoneam attulit occasionem. Archiepiscopus pascha Coloniae celebravit, eratque cum eo episcopus Mimigardevurdensis, ad communicanda tantae solemnitatis gaudia familiaris amicitiae obtentu evocatus.ⁱ Cumque exactis ex parte feriis paschalibus abscedere pararet, hi qui archiepiscopi domestica negotia curabant iubentur ad evectionem eius navem idoneam providere. Lustratis perspectisque omnibus unam mercatoris cuiusdam predivitis navim, quia in eos usus competens videbatur, occupant eamque in ministerium archiepiscopi eiectis mercibus, quas habebat, ocius expediri iubent. Negantibus famulis, qui navim servandam susceperant, vim, nisi mature iussa capessant, minitantur. Illi quantum poterant citato cursu ad dominum navis rem deferunt et, quid facto opus sit, consulunt.

Habebat ille filium adulta aetate, non minus audacia quam viribus excellentem et tum propter generis affinitatem, tum ob merita sua primoribus civitatis maxime carum et acceptum. Is assumptis famulis suis et iuvenibus ex civitate, quantos in ea trepidatione in auxilium suum consciscere potuit, concitus ad navem evolat et ministros archiepiscopi acriter, ut navis exoccuparetur, insistentes cum iniuria proturbat.^l Dehinc advocatum urbis in idem opus succedentem tumultusque instaurantem simili constantia repellit, fundit et fugat. Iamque et his et illis sui singulis amici armati subsidio accurrunt et ad magnum discrimen pugnamque ancipitem res spectare videbatur. Perlato nuncio ad archiepiscopum,

quod atrocissima sedicione confunderetur civitas, misit festinanter ad sedandos motus populi, irarumque plenus minabatur, se proxima sessione sediciosos iuvenes merita paena coerciturum. Erat quippe vir omni genere virtutum florentissimus et in causis tam rei publicae, quam aecclesiae Dei spectae sepius probitatis. Sed unum in tantis virtutibus vicium tamquam tenuis in pulcherrimo corpore nevus apparebat, quod, dum ira incanduisset, linguae non satis moderari poterat, sed in omnes sine personarum acceptione rixas et convicia amarissima rotabat. Hoc in se, cum iram paululum digessisset, vehementer et ipse reprehendebat.

Vix ad modicum dirempta est concertatio. Sed ferox animis et elatus primo successu iuvenis non cessabat inturbare omnia, percurrensque civitatem varios sermones per populum serebat de insolentia et austeritate archiepiscopi, qui totiens iniusta preciperet, totiens innocentibus sua adimeret, totiens honestissimos cives procacissimis verbis incesseret. Nec difficile fuit id hominum genus in omne quod velles tamquam folium quod vento rapitur transformare, quippe qui ab ineunte aetate inter urbanas delicias educati nullam in bellicis rebus experientiam habebant, quique post venditas merces inter vina et epulas de re militari disputari soliti omnia quae animo occurrissent tam facilia factu quam dictu putabant, exitus rerum metiri nesciebant. Preterea in mentem veniebat Wormaciensium insigne preclarumque facinus, quod episcopum suum insolentius agere incipientem urbe expulissent, et cum ipsi multitudine, opibus armisque instructiores sint, dedignantur, quod inferiores estimentur audacia et archiepiscopum tyrannico sibi fastu imperitantem tamdiu muliebriter patiantur. Conferunt primores inepta consilia, saevit vulgus intemperans novarum rerum studio et per totam civitate spiritu diabòlico raptatum ad arma conclamat. Nec iam archiepiscopum urbe expellere sicut Wormacienses, sed per omnes cruciatus trucidare, si copia detur, conspirat. Natalis erat beati Georgii martiris, qui eo anno IIII. Feria ebdomadae paschalis obvenerat, et archiepiscopus celebrata missarum solemnitate apud Beatum Georgium, cum sermonem faceret ad populum, presagio quodam futurorum, nescius ipse mali, quod imminebat, contestatus fuerat audientibus, quod civitas diabolo in potestatem tradita esset et propediem peritura, nisi iamiam impendentem iram Dei per penitentiam inflectere maturarent.

Igitur post meridiem inclinata iam die in vesperum, cum igni oleum, iracundiae accessisset ebrietas, ex omnibus partibus urbis ruunt ad curtim archiepiscopi et eum celebri quodam loco cum episcopo Mimi-gardevurdensi cenantem adorti tela contorquent, saxa iaciunt, nonnullos ex assistentibus interficiunt, caeteros plagis et vulneribus confectos in fugam vertunt. Inter haec conspiciuntur quam plurimi ipsum talium furiarum incentorem demonem precurrere insanienti populo, galeatum, loricatum, igneo mucrone terribiliter fulgurantem nec ulli quam sibi similiorem. Cumque militari quodam classico cunctantes, ut se in pugnam sequerentur, concitaret, in ipso impetu, quo portarum seras effractus vociferando irruebat, repente ex oculis sequentium disparuit.

Archiepiscopum sui inter cuneos hostium nubemque iaculorum vix et aegre expeditum in templum sancti Petri abripiunt foresque non modo seris et vectibus, sed admotis etiam magnis molibus obfirmant.

Seviunt foris et instar inundantis aquae rugiunt vasa diaboli, plena vino furoris Dei, et per omnia episcopii penetralia discurrentes fores infringunt, thesauros diripiunt, vasa vinaria concidunt, et dum vina in diutinos usus summa ope congesta precipitantius effundunt, repletum subito cellarium ipsos – quod dictu quoque ridiculum sit – inopinis fluctibus periclitatos pene suffocaverat. Alii capellam archiepiscopi irrumpentes altare spoliant, sacra vasa pollutis manibus contrectant, vestimenta pontificalia diripiunt, dumque omnem suppellectilem sacri ministerii curiosa, immo furiosa diligentia evertunt, reperientes illic quendam pre timore se in angulo occultantem et putantes, quod archiepiscopus esset, interficiunt, non sine gratulabunda exprobratione, quod petulantissimae linguae tandem aliquando modum imposuerint. Sed cognito, quod decepti similitudine essent, et archiepiscopus intra templum sancti Petri et loci religione et murorum firmitate se tutaretur, undique conglobati ipsum templum obsident, muros perfringere dedita opere moliuntur, postremo, nisi ocius sibi tradatur archiepiscopus, ignem quoque se adhibituros minitantur.

Tum hi qui intus erant videntes obstinatos esse ad necem eius animos populi, nec ebrietate sola, quae tempore digeri solet, sed pertinacibus etiam odiis et frenetico quodam furore homines agitari, suadent ei, ut mutato habitu effugere conetur de ecclesia et fallere obsidentes hoc facto et sacras aedes incendii et se mortis periculo liberaturus. Oportunum fugae patrocinium tempus pollicebatur. Sedicione in mediam noctem protracta horrebant omnia tenebris et caligine, ut haud facile cuiquam esset vultus occursantium discernere. Augustus aditus patebat de templo in dormitorium, item de dormitorio in atrium domumque canonici cuiusdam adherentem muro civitatis. Isque ante paucos dies ortae seditionis impetraverat ab archiepiscopo Deo ad salutem archiepiscopi hoc ipsum misericorditer providente, ut rupto muro civitatis parvulum sibi posticum facere sineretur. Ibi eductus archiepiscopus applicitis prope in evectioem eius et comitum eius quatuor equis abiit opacae noctis tenebris, ne ab obviantibus agnosceretur, commodissime usus, repertoque post modicum episcopo Mimigardevurdensi sociis iam pulchre pro ea tum calamitate constipatus in locum cui Nossen nomen est pervenit.

Interim hi qui circa templum erant crebris arietum ictibus muros quatiebant, eratque confusa vox tumultuantium et fidem Dei omnipotentis testantium, quod non evasurus esset manus suas non deceptorum obsidentium diligentiam, etiamsi in minima terrae reptilia se transfigureret. Econtra hi qui obsidebantur nunc supplicando, nunc pollicendo, quod diligentissime quesitum, si inveniretur, ipsis tradituri essent, calide ludebant operam perurgentium, usquequo archiepiscopum longius evectum atque in tuta iam loca progressum esse arbitrarentur. Tum demum reclusis foribus ipsos ingredi et pro libito suo querere sinunt, adiunctaque frustra eum queri intra septa templi, quem certo comperissent

primo incursu concitatae multitudinis clara adhuc die urbe egressum, iam in longinquas partes transire potuisse, idque magis suspicandum quod contractis undique per moram nocturni temporis copiis primo mane ad occupandam armis civitatem sit adventurus. Igitur ingressi, cum omnia templi penetralia diligentius investigando evertissent, vix tandem admissa fide, quod falli potuissent, deinceps ab inquisitionis studio ad tuendam urbem animos vertunt armatamque multitudinem circumquaque per propugnacula dispersiunt

Inter haec arreptum quendam de turba super portam urbis ad ignominiam archiepiscopi suspendunt, magis in hoc furori suo, quo precipites raptabantur, satisfaciens, quam quod crimen ullum suspendio dignum misero obtendere possent. Mulierem etiam quendam de summitate murorum precipitant fractisque cervicibus interficiunt, hoc ei crimini dantes, quod homines plerumque magicis artibus dementare infamata fuisset. Sed hoc scelus commodiori tempore et pacatiore animo vindicare debuerant. Induxerant etiam in animum, nisi Deus consulens servis suis breviasset dies amentiae eorum, ut monachos de Sancto Pantaleone omnes trucidarent pro eo quod expulsis ab archiepiscopo prioribus monachis novum illic inusitatumque religionis genus instituisset. Preterea iuvenes impigros citato quantum possent gradu ad regem ire iubent, nunciare ei, quae gesta fuerant, et suggerere, ut quantocius veniat vacantem expulso archiepiscopo urbem occupare; in eo verti salutem civitatis et ipsius utilitatem maximam, ut grandia molientem de vindicanda iniuria sua archiepiscopum anticipare conetur. Talibus furiis toto triduo agitabantur.

Postquam auditum est per provinciam et celebri rumore vulgatum, quod Colonienses archiepiscopum probris et contumeliis affectum urbe fugassent, exhorruit omnis populus novitatem rei, atrocitatem sceleris, spectaculum humanarum rerum, quod vir tantarum in Christo virtutum tam indigna perpeti Deo aspiciente potuisset. Magna eius in pauperes liberalitas, multa in divinis rebus devotio, multa in humanis moderatio, vehemens in corrigendis legibus studium, libera in corripiendis qui male agerent severitas omnium ore celebrabantur, earumque rerum commemoratio non minimum ei gratiae apud populares conciliabat. Exclamant omnes ad suam magis iniuriam pertinere violatam pontificalis nominis maiestatem et mori sibi satius esse, quam ut tantum flagitium suorum temporum inultum patiantur. Igitur per quatuor vel quinque miliaria circumquaque ad arma canclamant, multa hominum milia dicto cicus concurrunt nullo qui per aetatem arma ferre posset tam religiosam militiam detrectante, conglobatique in unum rogant archiepiscopum et cunctantem vi impellunt, ut ad recuperandam civitatem quantocius festinet; se pro eo dimicaturos, et, si ea necessitas incumbat, oves pro pastore, filios pro patre libenter mortem excepturos. Quod nisi Colonienses maturent venientem suscipere et pro ipsius arbitratu satisfacere offenso, se aut ingesto igne populum cum civitate consumpturos aut dissipato muro eum super congeriem occisorum in cathedram pontificalem reducturos.

Ita archiepiscopus quarto die postquam exierat magno vallatus agmine ad urbem accessit. Quod ubi Coloniensibus compertum est et se tantae tamque efferatae multitudinis impetum nec muro nec acie sustinere posse animadvertunt, tum primum furor deflagrare, ebrietas vanescere cepit, magnoque terrore concussi obviam legatos de pace miserunt, se reos confitentes et omnem, quam vita incolumi iuberentur, paenam pendere paratos. Archiepiscopus digne penitentibus se veniam non negaturum respondit. Tum celebrata missarum solemnitate apud Sanctum Georgium, eos qui pontificem sede propria expulissent, qui aecclesiam homicidio polluisent, qui templum sancti Petri hostiliter impetissent, qui caetera religionis iura ausu barbaro temerassent, episcopali banno ad satisfactionem vocavit. Protinus omnes nudis pedibus, laneis ad carnem induti processerunt vix et aegre impetrata pace multitudinis quae circa episcopum erat, ut hoc tuto facere sinerentur. Nam et vehementer ei succensebant, quod, dum inmoderatus clementiam ostentando popularis fieri vellet, nefarios homines ad audenda nequiora huius sceleris impunitate animaret.

Archiepiscopus eos postero die ad suscipiendam secundum canonum scita penitentiam tam inmanis flagicii ad Sanctum Petrum presto esse iubet. Ipse progressus ad Sanctum Gereonem, ibi extra urbem pernoctare statuit, veritusque, quod tradita civitate vis concitatae multitudinis inhiberi non posset, sed partim iniuria, partim predae cupidine accensi acerbius saevirent in populum, obnixè rogat provinciales, qui secum erant, ut singuli in sua cum pace recederent; satis se opera eorum usum et evidens tulisse documentum, quid animi oves erga pastorem, filii erga patrem gererent; asperissimam partem negotii multa eorum virtute exactam esse; caetera quae restent facile iam privata ac domestica manu posse confici. Proinde, quod bonum, felix faustumque esset, abirent in domos suas, hanc reportantes spem, quod huius beneficii gratia apud eum seu vivum seu defunctum perpetuo mansura foret. Hoc vix impetrato milites suos, quantos ad comprimendos urbanos motus, si qui forte levitate vulgi instaurarentur, sufficere putabat, precedere in civitatem iubet, secuturus ipse proxima luce, cum eorum qui precessissent diligentia, ne quid forte insidiarum lateret in civitate, precavisset.

Ea nocte sexcenti aut eo amplius mercatores opulentissimi ex urbe profugi ad regem se contulerunt, intercessionis eius opem adversus archiepiscopi sevitiā imploraturi. Caeteri ingresso archiepiscopo civitatem et toto triduo iuxta condictum expectanti minime se presentaverunt ad proponendum aliquod satisfactionis genus. Unde indignitatem rei non ferentes episcopi milites inscio, ut plurimi asserunt, atque inconsulto archiepiscopo arma rapiunt, domos incursant, possessiones diripiunt, occursantes partim sternunt, partim captos in vincula coniciunt, et prorsus, ut veritati vel coacto assentiamur, multo ferocius, quam tanti pontificis existimationi competeret, iustae ultionis negotium exsequuntur. Sed gravior morbus acriori indigebat antidoto.

Filius supramemorati mercatoris, qui primus sedicione inflammaverat populum, et pauci alii luminibus sunt orbat, nonnulli virgis cesi ac detonsi, omnes gravissimo rei familiaris damno multati atque iusiurandum dare compulsi, quod deinceps archiepiscopo civitatem contra omnium hominum violentiam, quantum consilio et armis possent vindicaturi essent et eos qui ex urbe profugerant, quoad digne archiepiscopo satisfacissent, semper pro infestissimis hostibus habituri. Ita civitas paulo ante civibus frequentissima et post Mogontiam caput et princeps Gallicarum urbium subito pene redacta est in solitudinem, et cuius plateae vix capiebant stipata viantium examina, nunc rarum ostendit hominem, silentio et horrore omnia desiderii quondam ac deliciarum loca possidentibus.

ПРИМЕЧАНИЯ

Анналы Ламберта, составленные монахом аббатства Герсфельд, свидетелем начала борьбы за инвеституру, имеют особое значение, так как их автор – идеолог нарождающегося в Германии сословия князей. Фактический материал анналов, правда, изобилует ошибками, однако в литературном отношении они стоят очень высоко. По драматизму изложения и чистоте языка Ламберт относится к лучшим средневековым писателям.

1

MLXXIII – постройка замков началась до 1073 г., но Ламберт связывает ее с отстранением от управления государством Аннона Кельнского

montes omnes colliculosque – преувеличение, так как было сооружено только семь замков

minus = non

manentes – то есть окрестных крестьян

per se ipsos – плеоназм

palliare – “скрывать”

Mogontinus – Зигфрид Майнцский

decimatio = decima

pollicens – скорее всего договор с архиепископом – выдумка хрониста: о нем другие источники молчат

maiestate = auctoritate

sinodus = synodus

Erphesfurt – Эрфурт

VI. Idus = ante diem VI. Idus

2

his atque huiusmodi indicijis – имеются в виду притеснения саксов королем и его угрозы в их адрес

principes – “князья”

Halberstatensis - гальберштадский

Otto - Оттон Нордгеймский, крупнейший князь, у которого король отнял герцогство Баварию

Otonis Saxonici ducis - вернее, герцога Ордульфа

zelus - "рвение"

sola communis commodi ratione - автор показывает себя идеологом нарождавшегося сословия князей, ибо "общая польза" в его устах - княжеские интересы

Magnus - подвергся заключению после поражения князей в борьбе с королем (1071)

3

ea tempestate - в августе - декабре 1073 г.

Hartesburg - Гарцбург был главным замком среди вновь построенных королем

Goslariensibus - Гослар - старая королевская резиденция в Саксонии

villa - "город"

dum = cum

seris - то есть частоколом

praefectus = advocatus (фогт)

vulgi - vulgi Saxonici

4

ad haec - выше речь шла о попытке короля достичь примирения с саксами (конец января - начало февраля 1074 г.)

postulare - ряд требований - выдумка автора: например, требование безнаказанности для архиепископов, которые лишь в дальнейшем проявили непокорность королю

episcopo coloniensi - архиепископу Аннону Кёльнскому

duci Rudolfo - Рудольфу Швабскому

legittimus = legitimus

inerti ocio deditus - стремление короля обосноваться в Саксонии, знать представляет как проявление его бездеятельности

sin - то есть если ответ будет отрицательным

supervivere - зд.: "оставаться"

redeuntibus - причастие передает предшествующее по отношению к сказуемому действие

cepitque = coepitque

habitaculum - зд.: "шатер"

5

rogro - в марте 1074 г., когда король был вынужден разрушить в Саксонии все свои замки, так как знать других герцогств отказалась сражаться против саксов

reliquiae – крестьян возмутило то, что Гарцбург был разрушен
лишь настолько, чтобы лишить его неприступности
tantis laboribus – имеются в виду военные действия против Гарц-
цбурга
in hororem vastamque solitudinem – хендиадис
non detulisse cultui divino – то есть castellum; в замке была построена
церковь; о чем см. ниже
gratificare – зд.: “сделать приятным”
popularibus – то есть саксам
oportunitas = opportunitas
animadverterunt – саксонские князья в письме к королю по поводу
событий в Гарцбурге о наказании крестьян не говорят. Лам-
берт передает за совершившееся то, что, по его воззрениям,
должно было произойти.

6

ipso tempore – в конце апреля 1074 г.
Wormacienses – жители Вормса
expulissent – движение против епископа вормского произошло в
декабре 1073 г.
gratificare –зд.: “засвидетельствовать”
Mimigardevurdensis – мюнстерский
evectio – “отъезд”
consciscere = asciscere
exoccupare = occupare
in opus succedentem = operi s.
repellit, fundit et fugat – словно разбитого в сражении
sessio – “судебное заседание”
cohercere = coercere
interturbare = turbare
honestissimos – термин обладает социальной окраской
nec difficile... nesciebant – чувствуется открытое презрение к го-
рожанам
transformare = inducere
insigne preclarumque facinus – оценка с точки зрения горожан
primores – нарождающийся патрициат
III. feria – среда (средневековый счет дней недели от воскресенья)
ebdomada pascalis – “пасхальная неделя”
celebrata missarum solemnitate – формула, говорящая об исполнении
мессы
sermo – зд.: “проповедь”
igni oleum – сравнение без сравнительного слова
curtis – “двор”, “усадебный двор”
disparere – “исчезать”
inter cuneos – образное выражение

templum sancti Petri – городской собор
 vinum furoris – согласно Библии пророк Иеремия получил у бога чашу с вином ярости, чтобы напоить народы, к которым тот его посылал
 episcopium – резиденция епископа или архиепископа
 vasa (vinaria) – “бочки”
 capella – “домашняя церковь”
 pulchre pro ea tum calamitate – ирония
 obtendere – зд.: “выставлять”
 dementare – в переходном значении
 hoc scelus – автор не сомневается в виновности убитой
 nisi... eorum – мысль сокращена; надо добавить: “и так бы и поступили”
 de sancto Pantaleone – св. Пантелеймона
 novum inusitatumque religionis genus – Аннон Кёльнский, как и другие князья, использовал реформирование монастырей для централизации своих территорий
 religio – зд.: “устав”
 grandia molientem – горожане опасались расправы со стороны архиепископа
 per provinciam – во владениях архиепископа и его вассалов
 miliaria = milliaria
 quod nisi – “если же не”
 quam – подразумев. pendere
 bannus – зд.: “власть”
 canones – “каноны”, то есть постановления, принятые на церковных соборах
 quod bonum... esset – формула благословения
 in domos suas = in d. eorum
 apud eum = apud se
 sexcenti – число преувеличено в десять раз
 coacto = coacte (coacti – разночтение)
 silentio et horrore, desiderii ac deliciarum – два раза использован хендиадис
 Gallicarum – “галльский” в значении “прирейнский”

IV. Epistola I, quae est historia calamitatum Abaelardi, ad amicum scripta

I. De loco natiuitatis Petri Abaelardi et de parentibus eius

1 Ego igitur oppido quodam oriundus, quod in ingressu minoris Britanniae constructum, ab urbe Nannetica versus Orientem octo credo miliaribus remotum, proprio vocabulo Palatium appellatur.

2 Sicut natura terrae meae vel generis animo levis, ita et ingenio exstiti ad litteratoriam disciplinam facilis. Patrem autem habebam

litteris aliquantulum imbutum, antequam militari cingulo insigniretur. Unde postmodum tanto litteras amore complexus est, ut quosunque filios haberet, litteris antequam armis instrui disponeret.

3. Sicque profecto actum est. Me itaque primogenitum suum quanto chariorem habebat, tanto diligentius erudiri curavit. Ego vero quanto amplius et facilius in studio litterarum profeci, tanto ardentius in eis inhaesi et in tanto earum amore illectus sum, ut militaris gloriae pompam cum haereditate et praerogativa primogenitorum meorum fratribus derelinquens, Martis curiae penitus abdicarem, ut Minervae gremio educarer.

4. Et quoniam dialecticarum rationum armaturam omnibus philosophiae documentis praetuli, his armis alia commutavi et tropaeis bellorum conflictus praetuli disputationum. Proinde diversas disputando perambulans provincias, ubicumque huius artis vigere studium audieram, Peripateticorum aemulator factus sum.

II. De persecutione magistri sui Guillelmi. De rectione ipsius apud Corbolum et apud Parisios. De recessu eius a Parisiensi civitate ad Melidunum, regressu ad montem s. Genovefae et repatriatione

1. Perveni tandem Parisios, ubi iam maxime disciplina haec florere consueverat, ad Guillelmum scilicet Campellensem, praeceptorem meum, in hoc tunc magisterio re et fama praecipuum, cum quo aliquantulum moratus primo ei acceptus, postmodum gravissimus exstiti, cum nonnullas scilicet eius sententias refellere conarer et ratiocinari contra eum saepius aggrededer et nonnunquam superior in disputando viderer. Quod quidem et ipsi, qui inter conscholares nostros praecipui habebantur, tanto maiori sustinebant indignatione, quanto posterior habebam aetatis et studii tempore.

2. Hinc calamitatum mearum, quae nunc usque perseverant, coeperunt exordia, et quo amplius fama extendebatur nostra, aliena in me succensa est invidia. Factum tandem est, ut supra vires aetatis meae de ingenio meo praesumens, ad scholarum regimen adolescentulus aspirarem et locum, in quo id agerem, providerem, insigne videlicet tunc temporis Melidunum castrum et sedem regiam.

3. Praesensit hoc praedictus magister meus, et quo longius posset scholas nostras a se remove conatus, quibus potuit modis latenter machinatus est, ut priusquam a suis recederem, scholas nostras et provisum mihi locum auferret. Sed quoniam de potentibus terrae nonnullos ibidem habebat aemulos, fretus eorum auxilio voti mei compos exstiti, et plurimorum mihi assensum ipsius invidia manifesta conquisivit.

4. Ab hoc autem scholarum nostrarum exordio ita in arte dialectica nomen meum dilatari coepit, ut non solum condiscipulorum meorum, verum etiam ipsius magistri fama contracta paulatim extingueretur. Hinc factum est, ut de me amplius ipse praesumens ad castrum Corbolii, quod Parisiaca urbi vicinius est, quantocius scholas nostras transferrem, ut inde videlicet crebriores disputationis assultus nostra daret opportunitas

5. Non multo autem interiecto tempore ex immoderata studii afflictione correptus infirmitate coactus sum repatriare et per annos aliquot in Francia quasi remotus quaerebar ardentius ab iis, quos dialectica sollicitabat doctrina.

6. Elapsis autem paucis annis, cum ex infirmitate iamdudum convalescens, praeceptor meus ille Guillelmus Parisiensis archidiaconus habitu christiano commutato ad regularium clericorum ordinem se convertit ea, ut referant, intentione, ut quo religiosior crederetur, ad maiorem praelectionis gradum promoveretur, sicut in proximo contigit eo Catalaunensi episcopo facto.

7. Nec tamen hic suae conversionis habitus aut ab urbe Parisiaca aut a consueto philosophiae studio eum revocavit, sed in ipso quoque monasterio, ad quod se causa religionis contulerat, statim more solito publicas exercuit scholas.

8. Tum ego ad eum reversus, ut ab ipso rhetoricam audirem, inter caetera disputationum nostrarum conamina antiquam eius de universalibus sententiam potentissimis argumentorum disputationibus ipsum commutare, imo destruere compuli.

9. Erat autem in ea sententia de communitate universalium, ut eandem essentialiter rem totam simul singulis suis inesse asstrueret individuis, quorum quidem nulla esset in essentia diversitas, sed sola multitudine accidentium varietas.

10. Sic autem istam suam correxit sententiam, ut deinceps rem eandem non essentialiter, sed indifferenter diceret. Et quoniam de universalibus in hoc ipso praecipua semper est apud dialecticos quaestio ac tanta, ut eas Porphyrius quoque in *Isagogis* suis, cum de universalibus scriberet, diffinire non praesumeret, dicens: "altissimum enim est huiusmodi negotium".

11. Cum hanc ille correxisset, imo coactus dimisisset sententiam, in tantam lectio eius devoluta est negligentiam, ut iam ad dialecticae lectionem vix admitteretur, quasi in hac scilicet de universalibus sententia tota huius artis consisteret summa.

12. Hinc tantum roboris et auctoritatis nostra suscepit disciplina, ut ii, qui antea vehementius magistro illo nostro adhaerebant et maxime nostram infestabant doctrinam, ad nostras convolarent scholas, et ipse, qui in scholis Parisiaca sedis magistro nostro successerat, locum mihi suum afferret, ut ibidem cum caeteris nostro se traderet magisterio, ubi antea suus ille et noster magister floruerat.

13. Paucis itaque diebus ibi me studium dialecticae regente, quanta invidia tabescere, quanto dolore aestuare coeperit magister noster, non est facile exprimere. Nec conceptae miseriae aestum diu sustinens, callide aggressus est me etiam tunc remove. Et quia in me, quod aperte ageret, non habebat, ei scholas auferre molitus est turpissimis obiectis criminibus, qui mihi suum concesserat magisterium, alio quodam aemulo meo in locum eius substituto.

14. Tunc ego Melidunum reversus, scholas ibi nostras, sicut antea, constitui, et quanto manifestius eius me persequeretur invidia, tanto mihi auctoritatis amplius conferebat iuxta illud poëticum:

Summa petit livor, perflant altissima venti.

15. Non multo autem post, cum ille intelligeret fere omnes discipulos de religione eius plurimum haesitare, et de conversione ipsius vehementer susurrare, quod videlicet a civitate minime recessisset, transtulit se et conventiculum fratrum cum scholis suis ad villam quandam, ab urbe remotam.

16. Statimque ego Meliduno Parisios redii, pacem ab illo ulterius sperans. Sed quia, ut diximus, locum nostrum ab aemulo nostro fecerat occupari, extra civitatem in monte s. Genovefae scholarum castra posui, quasi eum obsessurus, qui locum occupaverat nostrum...

17. Dum vero haec agerentur, charissima mihi mater Lucia repatriare me compulit. Quae videlicet post conversionem Berengarii, patris mei, ad professionem monasticam idem facere disponebat.

18. Quo completo reversus sum in Franciam, maxime ut de divinitate addicerem, quando iam saepefatus magister noster Guillelmus in episcopatu Catalaunensi pollebat. In hac autem lectione magister eius Anselmus Laudunensis maximam ex antiquitate auctoritatem tunc tenebat.

III. Quomodo Laudunum venit ad magistrum Anselmum

1. Accessi igitur ad hunc senem, cui magis longaevus usus, quam ingenium vel memoria nomen comparaverat. Ad quem si quis de aliqua quaestione pulsandum accederet incertus, redibat incertior.

2. Mirabilis quidem erat in oculis auscultantium, sed nullus in conspectu quaestionantium. Verborum usum habebat mirabilem, sed sensu contemptibilem et ratione vacuum. Cum ignem accenderet, domum suam fumo implebat non luce illustrabat.

3. Arbor eius tota in foliis aspicientibus a longe conspicua videbatur, sed propinquantibus et diligentius intuentibus infructuosa reperiebatur. Ad hanc itaque cum accessissem, ut fructus inde colligerem, deprehendi illam esse ficulneam, cui maledixit Dominus, seu illam veterem quercum, cui Pompeium Lucanus comparat, decens:

...stat magni nominis umbra,

Qualis frugifero quercus sublimis in agro.

4. Hoc igitur comperto non multis diebus in umbra eius otiosus iacui. Paulatim vero me iam rarius ad lectiones eius accedente quidam tunc inter discipulos eius eminentes graviter id ferebant, quasi tanti magistri contemptor fierem. Proinde illum quoque adversum me latenter commoventes, pravis suggestionibus ei me invidiosum fecerunt.

5. Accidit autem quadam die, ut post aliquas sententiarum collationes, nos scholares invicem iocaremur. Ubi cum me quidam animo intentans interrogavisset, quid mihi de divinorum lectione librorum videretur, qui nondum nisi in physicis studueram, respondi saluberrimum quidem huius

lectionis esse studium, ubi salus animae cognoscitur, sed me vehementer mirari, quod his, qui litterati sunt, ad expositiones sanctorum intelligendas ipsa eorum scripta vel glossae non sufficiant, ut alio scilicet non egeant magisterio.

6. Irridentes plurimi qui aderant, an hoc ego possem et aggredi praesumerem, requisierunt. Respondi me, id si vellent experiri, paratum esse. Tunc conclamantes et amplius irridentes: "Certe", inquit, "et nos assentimus", "Quaeratur", inquam, "et tradatur nobis expositor alicuius inusitatae scripturae, et probemus, quod vos promittitis".

7. Et consenserunt omnes in obscurissima Ezechielis prophetia. Assumpto itaque expositore statim in crastino eos ad lectionem invitavi. Qui invito mihi consilium dantes, dicebant ad rem tantam non esse properandum, sed diutius in expositione rimanda et firmanda mihi, hanc inexperto, vigilandum.

8. Indignatus autem respondi non esse meae consuetudinis per usum proficere, sed per ingenium, atque adieci vel me penitus desitutum esse vel eos pro arbitrio meo ad lectionem accedere non differre.

9. Et primae quidem lectioni nostrae pauci tunc interfuere, quod ridiculum omnibus videretur me adhuc quasi penitus sacrae lectionis expertem id tam propere aggredi.

10. Omnibus tamen qui adfuerunt in tantum lectio illa grata extitit, ut eam singulari praeconio extollerent et me secundum hunc nostrae lectionis tenorem ad glossandum compellerent.

11. Quo quidem audito ii, qui non interfuerant, coeperunt ad secundam et tertiam lectionem certatim accedere, et omnes pariter de transscribendis glossis, quas prima die incoeperam, in ipso eorum initio plurimum solliciti esse.

IV. De persecutione magistri Anselmi in eum

1. Hinc itaque praedictus senex vehementi commotus invidia et quorundam persuasionibus iam adversum me, ut supra memini, extunc stimulatus, non minus in sacra lectione me persequi coepit, quam antea Guillelmus noster in philosophia.

2. Erant autem tunc in scholis huius senis duo, qui caeteris praeeminere videbantur, Albericus scilicet Remensis et Loculphus Lombardus, qui quanto de se maiora praesumebant, eo amplius adversum me accendebantur.

3. Horum itaque maxime suggestionibus, sicut postmodum deprehensum est, senex ille perturbatus impudenter mihi interdixit incoeptum glossandi opus in loco magisterii sui amplius exercere. Hanc videlicet causam praetendens, ne, si forte in illo opere aliquid per errorem scriberem, utpote rudis adhuc in hoc studio, ei deputaretur.

4. Quod cum ad aures scholarium pervenisset, maxima commoti sunt indignatione super tam manifesta livoris calumnia, quae nemini unquam

ulterius acciderat. Quae quanto manifestior, tanto mihi honorabilior exstitit et persequendo gloriosiore[m] effecit.

ПРИМЕЧАНИЯ

“История бедствий Абеяра” написана французским философом и богословом Пьером Абеяром (1079–1142). Будучи посвящено любви автора к Элоизе, произведение одновременно дает яркую обрисовку богословов того времени, врагов Абеяра.

I

oriundus sum = ortus sum (использовано средневековое описательное спряжение)

Britannia minor – Бретань

urbs Nannetica – Нант

Levis – то есть – levis extiti
animo, ingenio – abl. limit.

natura – abl. causae

primogenita – “первородство”

his armis = illis armis

peripatetici – приверженцы философской школы ученика Аристотеля Феофраста, учившего во время прогулок

II

magistri sui – gen. obiect.

Guillelmus – Гийом

Melidunum – Мелён

Corbolium – Корбейль

mons s. Genovefae – гора св. Женеьевы

Campellensis – “из Шампо”

exordia – плеоназм

succensa est – добавить: eo magis

Francia – Иль де Франс

regulares clerici – “регулярные (уставные) клирики”, то есть белое духовенство, жившее общинами на основе устава

Catalaunensis – “шалонский”

de universalibus – “об общих понятиях”

potentissimis argumentorum disputationibus = disputando p. argumentis

erat autem... – следует неясное изложение спора об универсалиях

communitas – “общность”

eandem essentialiter rem totam simul singulis suis inesse... individuis

– “одна и та же по сущности вещь, целиком взятая, присуща одновременно всем своим отдельным проявлениям”

essentia – “сущность”

accidens – “внешний признак”

rem eandem non essentialiter, sed indifferenter diceret – “вещи он стал называть тождественными не по сущности, а безотносительно к ней”

ut... non praesumeret – в переводе переделать на главное предложение

Porphyrius – философ (233–304), в произведении “Исагоги” дает обзор категорий Аристотеля

Summa petit... – Ovidius. De remed. amoris, I, 369

civitas – зд.: “город”

conversio ad professionem monasticam – буквально: “обращение к монашескому обету”

Laudunensis – “ланский”

divinitas – зд.: “богословие”

III

stat... – Lucanus. Pharsalia, lib. IV. 135

expositio – “толкование текста”

glossa = expositio

expositor – “комментатор”

IV

quorumdam = quorundam

Remensis – “реймский”

V. Источники по движению пастушков

1. Движение против папского влияния в Германии

(Annales Stadenses // MGH. Scriptorum. V. XVI. P. 371–372)

A. D. 1248. Coeperunt in ecclesia Dei mirabiles et miserabiles heretici pullulare, qui pulsatis campanis et convocatis baronibus et dominis terrae in Hallis Suevorum sic praedicaverunt in publica statione. Primo. quod papa esset hereticus, omnes episcopi et praelati symoniaci et heretici, inferiores quoque praelati cum sacerdotibus, quia in vitiis et peccatis mortalibus, non haberent auctoritatem ligandi et solvendi et omnes isti seducerent et seduxissent homines. Item, quod sacerdotes peccatis in mortalibus constituti non possent conficere. Item, quod nullus vivens, nec papa, nec episcopi, nec aliqui alii possint interdicere divina et, qui prohiberent, essent heretici et seductores. Et licentiauerunt in civitatibus interdictis, ut missas audirent super animas ipsorum et sacramenta ecclesiastica libere perciperent, quia ipsis perceptis mundificarentur a peccatis. Item, quod praedicatores et fratres minores perverterent ecclesiam falsis praedicationibus et quod omnes praedicatores et fratres minores, Cystercienses quoque et omnes alii pravam vitam ducerent et iniustam.

Item, quod nullus esset, qui veritatem diceret et qui fidem iustam opere servaret, nisi ipsi et eorum socii, et si ipsi non venissent antequam Deus fidem et ecclesiam in periculo dimisisset, prius ipsos de lapidibus suscitasset vel alios, qui ecclesiam Dei vera doctrina illuminassent. Praedicaverunt etiam: Huc usque vestri praedicatores sepelierunt veritatem et praedicaverunt falsitatem, nos sepelimus falsitatem et praedicamus veritatem. Et in fine: Indulgentiam, quam damus vobis, non damus fictam vel compositam ab apostolico neque de episcopis, sed de solo Deo et ordine nostro. Et sic: Non audemus habere memoriam domini papae, quia ita perversae vitae est et tam mali exempli homo, quod tacere eum oportet. Et blasphemando adiecit idem perfidus praedicator: Orate, inquit, pro domino Friderico imperatore et Conrado filio eius, qui perfecti et iusti sunt. Item dixit, quod papa non haberet auctoritatem ligandi neque solvendi, quia non haberet vitam apostolicam, et hoc probare vellet per quandam glosulam. Istos hereticos fovit et defendit Conradus, filius Friderici imperatoris quondam, et patrem suum et se per talia venena credidit defensare. Sed res lapsa est in contrarium, quia catholicis praedicatoribus audacter resistentibus et fideles exhortantibus liberi et ministeriales a Conrado recesserunt, ita quod quasi exul et profugus Swevia in Bawaria moraretur.

2. Восстание в Льеже в 1251 г.

(B o r m a n C. Chronique de l'abbaye de S. Trond. T. II. Liège. 1877. P. 198)

Anno Domini MCCLI magna discordia orta est apud Leodium, primo inter clerum et laycos, deinde inter maiores et populares et demum inter populares ex una parte contra clerum, canonicos et maiores civitatis ex altera in tantum, ut clerus a civitate Leodiensi abcederet. Sed anno sequenti concordia pacis interveniente populus clero redeunti nudis pedibus et cereis accensis obviam venit.

3. Начало движения пастушков во Франции

(Annales Hamburgenses // MGH. Scriptorum. V. XVI. P. 383)

Anno Domini 1251 orta est nova secta hereticorum et primo visa est in villa Parisiensi, qui se pastores nominaverunt, quorum non erat numerus. Venerunt circa principium Parisius quasi viri sancti, et sunt a laycis recepti, et tandem cum ipsis contra fidem senserunt. Dicebant se habere auctoritatem benedicendi, consecrandi et baptizandi, ligandi et solvendi. Et dum clerus eorum erroribus resisteret, irruerunt in eos et plurimos occiderunt, praedicatores et minores a loco praedicationis turpiter ammoverunt et in ipsum episcopum fecerunt insultum. Sed

iuvante Deo tota repressa est eorum praesumptio, et tandem a populo interfecti.

4. *Описание восстания в письме парижского францисканца*
(Chartularium universitatis Parisiensis. T. I. P., 1889. P. 224–225)

Custos ordinis Minorum Parisiis fratri Adae de Marisco aliisque Oxoniae fratribus commorantibus de nefandis a pastoribus Parisiis, Aureliani et in aliis locis perpetratis refert.

Venerabilibus in Christo fratribus suis Ade de Marisco et fratribus Minoribus Oxonie frater... dictus custos ordinis fratrum Minorum Parisius salutem. Nuper in festo Resurrectionis cum sperabamus iam pacem sancte ecclesiae esse redditam, et contritus esset terre malleus universe, surrexit malum inopinatum. Venit quidam hereticus vel paganus, moribus et doctrina insignis et prodigiis mendacibus, in hypocrisi velut lupo non intrans per ostium ovile, indutus tamen pelle ovina, sub cruce signationis pretextu et specie pietatis se principem fecit pastorum, asserens sibi revelationes factas a Deo, ut ultra mare pugnaturus cum Saracenis se transferret, gladium gerens ad pugnandum cum pastoribus Christianis. Ac cooperante nescio quo, Deo tamen propter peccata nostra permittente tanta fatuitas sic invaluit, ut undique pastores ex diversis mundi partibus catervatim cucurrerint in parvissimo temporis spatio, ipsum perditum hominem sequentes, sed et plebis circa ipsum et eius complices tantus invaluit favor, ut dicere possent et facere, quaecumque vellent. Videns itaque vir perditus tanta se stipatum caterva favore gentium, conceptum venenum non potuit plus continere, quin inciperet dignitatem ecclesiasticam violare, sacramenta execrando, populum benedicendo, predicando, crucem dando, aquas aspersionis novo more faciendo, miracula confingendo, insuper in virorum ecclesiasticorum cede grassando. Denique in adventu eius Parisius et suorum precursorum et sequacium tam vilida facta est commotio populi contra clerum, ut in paucis diebus plurimi clerici interfecti, aliqui in flumine proiecti, sed et plures essent sauciati; sacerdos etiam parochialis in missa, casula spoliatus, rosis coronatus illudebatur. Et in tantum crevit ista malitia, quod, nisi affuisset Salvatoris clementia, Universitatem a Parisius extirpassent cum effusione ecclesiastici sanguinis et opprobrio Christiano. Apud Rothomagum ecclesiam et domum archiepiscopi confregerunt. Item Aurelianis plurimos clericos interficientes, congregationem clericorum que ibi iam diu resederat, ut recederet, coegerunt. Turonis inter alia scolam, domum Predicatorum aggressi manu potenti, alios sauciantes, alios sine habitu honestatis eorum post se tamquam captivos trahentes eosdem per civitatem, victualibus et aliis, que eis contulerat pietas christiana, privarunt.

Sed quod auditu et relatu horribile est, sed visu magis horrendum, cum intrasset ecclesiam, ubi illud intemeratum et sacratissimum sacramentum corporis Christi venerabiliter fuerat reconditum super altare, vituper-

memoratus, qui linguam Gallicam et Germanicam (et) Latinam noverat, sine papali auctoritate aut alicuius praelati patrocinio huc illucque praedicans vagabatur, Mentiens se tale praeceptum a beata Maria matre Domini suscepisse, ut videlicet pastores ovium et aliorum animalium convocaret, quibus caelitus, ut aiebat, concessum fuit Terram Sanctam in sua humilitate et simplicitate de potestate infidelium cum omnibus sclavis acquirere; non enim complacuit Deo Francorum superbia militaris. Addidit autem fidem dictis suis eloquentia et manus suae indissolubilis clausura, in qua se mentitus est beatæ Virginis habuisse cartulam et mandatum. Et quoscunque pastores ad se vocavit, ipsi relictis gregibus, armentis et equitiis, inconsultis dominis et parentibus ipsum non solliciti de victualibus pedetentim sequebantur. Utebatur nempe illo mefelicii genere, quo quondam in Francia utebatur, adhuc imberbis et adolescens, quando videlicet elapsis tunc circiter quadraginta annis universum populum Francorum infatuaverat, convocans puerorum infinitam multitudinem, qui cantantes ipsum sequebantur e vestigio, et quod mirum fuit, non eos poterant serae vel repagula retinere, nec patrum vel matrum imperia, blanditiae vel munera revocare.

Memoratus autem nebulo et omnes ipsum sequentes cruce signabantur. Fueruntque multi, qui ipsis favorem praestiterunt necnon et auxilium dicentes, quod frequenter Deus infirma mundi eligit, ut confundat fortia, nec in tibiis viri beneplacitum est Omnipotenti, nec praesumentes de sua militia et fortitudine acceptat. Unde Blanchia, Francorum moderatrix et regina, sperans ipsos Terram Sanctam adepturos et filios suos vindicaturos, ipsis gratiam impendebat et favorem. Multiplicati sunt igitur vehementer adeo, ut ad centum milia et plures recensiti signa sibi facerent militaria, et in signo magistri eorum agnus vexillifer figurabatur, agnus in signum humilitatis et innocentiae, vexillum cum cruce in signum victoriae.

Prosectio materiae de dictis pastoribus

Confluebant igitur ad ipsorum consortium fures, exules, fugitivi, excommunicati, quos omnes ribaldos Francia vulgariter consuevit appellare, ita ut exercitum numerosissimum conflantes quingenta iam signa haberent, vexillo magistri ac ducis eorum consimilia. Gestabant autem gladios, bipennes, gaesa, sicas et anelacios, ut iam plus Martem, quam Christum colere viderentur, iam iamque delirantes illicita matrimonia contrahi fecerunt. Et in suis praedicationibus a fidei Christianae articulis et a regulis manifestae veritatis duces et magistri eorum, qui, quamvis laici, praedicare praesumpserunt, enormiter exorbitarunt. Et si quis eis contradiceret, ipsum truculenter invaserunt armis, non rationibus vel auctoritatibus. Et cum eorum summus dux praedicaret, stipatus undique armatis, condempnavit reprehendendo omnes ordines praeter eorum conventicula, maxime autem Praedicatorum et Minorum, vocans dirivagos et hypocritas; monachos Cisterciensis ordinis asserens esse gregum amatores avarissimos et tarrarum; Nigros autem - gulosos et superbos; canonicos autem - semisaeculares et carniū devoratores; episcopus autem

et eorum officiales – pecuniae tantum venatores et illecebris affluentes omnimodis. De Romana autem curia obprobria praedicavit irrecitabilia, ita ut haeretici et scismatici palam viderentur. Populus autem in odium cleri et contemptum haec audiens deliramenta, applaudens favorabiliter, quod valde periculosum fuit, audiebat.

De perturbatione Aurelianis

Die vero sancti Barnabae cum magna pompa et fortitudine Aurelianam pervenientes, invito episcopo et universo clero, sed civibus bene acceptantibus civitatem intraverunt. Et cum eorum dux voce praeconia, velut propheta signipotens, praedicationem suam indixisset, immo potius ut tyrannus edixisset, venerunt ad ipsum populi sub infinita multitudine.

Episcopus autem civitatis, hoc exitiale periculum vehementer formidans, prohibuit sub poena anathematis, ne aliquis clericus eorum audiret eloquia vel sequeretur vestigia, asserens haec omnia esse diaboli musculationes. Iam enim laici eius comminationes et imperia contempnebant. Veruntamen aliqui clericorum scolarium, limites episcopalis prohibitionis temere transgredientes, non se poterant abstinere, quin ad tam inauditam novitatem aures prurientes accommodarent, non tamen ut eorum errores sequerentur, sed ut hanc insolentiam intuerentur. Novum quippe et absurdum fuit, ut laicus, immo plebeius, spreta auctoritate pontificali in publico tam audacter et in tali civitate, ubi viguit scolarium universitas, praedicaret et corda et aures tot populorum ad suas imposturas inclinaret. Erant autem quingenta signa deferentes, unde clerici sanioris consilii in hospitiiis suis firmiter ostiis obseratis et repagulatis non sine perturbationis formidine latuerunt. Cumque magister memoratus in propatulum praedicaturus ascendisset, nullum thema praefigendo coepit multas irrecitabiles abusiones reboando ebullire. Cum ecce unus scolarium stans eminus, se audacter propius ingerens, prorupit in haec verba: “O nequissime heretice et veritatis inimice, mentitus es in caput proprium, decipis insontes tuis falsis ac fallacibus sermocinationibus”, et cum hoc vix perdisisset, unus dirivagorum illorum irruens elevata quadam securi rostrata caput eius in partes divisit, ut nec unum verbum amplius emisit sauciatus.

Elevato igitur tumultu prosilientes illi, quos hactenus nominavimus pastores, sed iam impostores et Antichristi praecursores nominandi, generaliter in clerum Aurelianensem hostiliter, armati in inermes, irruerunt, libros carissimos rapuerunt ostiis fenestrisque confractis et combusserunt.

Et conniventibus oculis dissimulante populo civitatis et verius consentiente, unde caninus meruit appellari, multos trucidarunt, multosque in Ligerim demerserunt, aliquos autem vulnerarunt. Exturbata est igitur tota universitas, et compertum est circiter viginti quinque clericos absque laesis et diversimode dampnificatis miserabiliter occubuisse. Episcopus insuper et sui multa probra cum dampnis, qui et latuerunt, ne similibus calamitatibus involverentur, subierunt. Pastores autem formidantes, ne in civitate orta seditione supervenirent et bellum consererent cum ipsis, recesserunt. Episcopus autem, ne cani assimilaretur latrare non valenti,

et eorum officiales – pecuniae tantum venatores et illecebris affluentes omnimodis. De Romana autem curia obprobria praedicavit irrecitabilia, ita ut haeretici et scismatici palam viderentur. Populus autem in odium cleri et contemptum haec audiens deliramenta, applaudens favorabiliter, quod valde periculosum fuit, audiebat.

De perturbatione Aurelianis

Die vero sancti Barnabae cum magna pompa et fortitudine Aurelianum pervenientes, invito episcopo et universo clero, sed civibus bene acceptantibus civitatem intraverunt. Et cum eorum dux voce praeconia, velut propheta signipotens, praedicationem suam indixisset, immo potius ut tyrannus edixisset, venerunt ad ipsum populi sub infinita multitudine.

Episcopus autem civitatis, hoc exitiale periculum vehementer formidans, prohibuit sub poena anathematis, ne aliquis clericus eorum audiret eloquia vel sequeretur vestigia, asserens haec omnia esse diaboli muscipulationes. Iam enim laici eius comminationes et imperia contempnebant. Veruntamen aliqui clericorum scolarium, limites episcopalis prohibitionis temere transgredientes, non se poterant abstinere, quin ad tam inauditam novitatem aures prurientes accommodarent, non tamen ut eorum errores sequerentur, sed ut hanc insolentiam intuerentur. Novum quippe et absurdum fuit, ut laicus, immo plebeius, spreta auctoritate pontificali in publico tam audacter et in tali civitate, ubi viguit scolarium universitas, praedicaret et corda et aures tot populorum ad suas imposturas inclinaret. Erant autem quingenta signa deferentes, unde clerici sanioris consilii in hospitiiis suis firmiter ostiis obseratis et repagulatis non sine perturbationis formidine latuerunt. Cumque magister memoratus in propatulum praedicaturus ascendisset, nullum thema praefigendo coepit multas irrecitabiles abusiones reboando ebullire. Cum ecce unus scolarium stans eminus, se audacter propius ingerens, prorupit in haec verba: “O nequissime heretice et veritatis inimice, mentitus es in caput proprium, decipis insontes tuis falsis ac fallacibus sermocinationibus”, et cum hoc vix perdisisset, unus dirivagorum illorum irruens elevata quadam securi rostrata caput eius in partes divisit, ut nec unum verbum amplius emisit sauciatus.

Elevato igitur tumultu prosilientes illi, quos hactenus nominavimus pastores, sed iam impostores et Antichristi praecursores nominandi, generaliter in clerum Aurelianensem hostiliter, armati in inermes, irruerunt, libros carissimos rapuerunt ostiis fenestrisque confractis et combusserunt.

Et conniventibus oculis dissimulante populo civitatis et verius consentiente, unde caninus meruit appellari, multos trucidarunt, multosque in Ligerim demerserunt, aliquos autem vulnerarunt. Exturbata est igitur tota universitas, et compertum est circiter viginti quinque clericos absque laesis et diversimode dampnificatis miserabiliter occubuisse. Episcopus insuper et sui multa probra cum dampnis, qui et latuerunt, ne similibus calamitatibus involverentur, subierunt. Pastores autem formidantes, ne in civitate orta seditione supervenirent et bellum consererent cum ipsis, recesserunt. Episcopus autem, ne cani assimilaretur latrare non valenti,

vivitatem suppositis interdicto, quia cives ex permissione, consensu et cooperatione se culpabiles reddiderant et infames.

Ascendit igitur clamor et querimonia ad aures dominae Blanchiae et magnatum, maxime autem praelatorum. Ipsa autem regina modeste respondit: "Novit Dominus, credebam ipsos in simplicitate et sanctitate totam terram adepturos. Sed ex quo deceptores sunt, excommunicentur, capiantur, destruantur".

Universi igitur scurrae excommunicati sunt et tales denunciati. Sed antequam publicaretur haec sententia, venerunt ipsi fraudulentum Biturim, quibus de consensu civium patefactae fuerunt portae civitatis. Nec obediebant archiepiscopo prohibenti, et intravit maior pars eorum, alia remansit infra macerias vinearum extra civitatem. Erant enim tot, quod non potuit aliqua civitas ipsos commode suscipere, sed et multi eorum exercitus per provincias plures dividebantur, unde etram Parisius suum sensit detrimentum. Cumque se promisisset summus ipsorum decéptorum sermonem facere in publico et miracula obstupenda, confluebat undique populorum numerosa multitudo, ut inaudita eis saeculis tunc audirent et viderent, quae antea non viderant. Et cum proditor ille quaedam assereret deliramenta et miracula quae promiserat inventa fuissent fraudulenta, unus de populo, carnifex bipennifer, ipsum percutiens in capite, misit ad tartara excerebratum, qui inhumatus projectus in compita corrodendus. Et cum increbruisset rumores, quod ipsi omnes et eorum fautores et auditores excommunicarentur, dispersi sunt et quasi canes rabidi passim detruncati. Similiter apud Burdegalim, cum advenirent quaedam eorum conventicula, iubente comite Legrecestriae Simone seratis ianuis exclusi sunt. Et cum aditum postularent, respondit comes: "Cuius auctoritate haec facitis?" Ipsi autem responderunt dicentes: "Non papalem nec episcopalem auctoritatem protendimus, sed Dei omnipotentis et beatae Mariae eius genitricis, quae maior est". Haec cum comes audisset, pro frivolis talia merito reputans, talia resignificavit: "Recedite quantocius universi, vel convocatis tota militia mea cum huius civitatis communa et compatriotis vos hostiliter aggrediar decapitandos".

ПРИМЕЧАНИЯ

Движение пастушков (середина XIII в.) в силу своего характера нашло отражение в источниках ряда стран. Нами приводятся как краткие записи о движении (например, в немецких анналах), так и подробная его картина, которую дал английский хронист Матвей Парижский, один из ученых людей XIII в., получивший образование в Париже.

1

A.D. = Anno Domini
mirabiles et miserabiles - хендиадис

campana - "колокол"
dominus (terrae) - "сеньор"
in Hallis Suevorum - в Швабском Галле
auctoritas ligandi et solvendi - "право вязать и разрешать" (главное его содержание предполагает отлучение от церкви и снятие такового)
in peccatis constituti - "погрязшие в грехах"
conficere - зд.: "причащать"
interdicere divina - "накладывать интердикт"
licentia - "разрешать"
super animas ipsorum - "во спасение своих душ"
mundificari - "очищаться"
praedicatores -зд.: "доминиканцы"
fratres minores - францисканцы
de lapidibus suscitasset - намек на евангельский текст, где сказано, что если люди смолчат, то "камни возопиют"
(vestri) praedicatores - зд.: "проповедники"
tacere - в переходном значении
glosula = glossa
imperatoris quondam - церковь не считала Фридриха II императором после его отлучения
fideles - зд.: "верующие"
liberi et ministeriales - то есть свободное и лично зависимое от знати низшее рыцарство

2

Leodium - Льеж
maiores - описательный термин для обозначения патрициата
canonici - регулярные клирики, то есть белое духовенство, жившее на основе устава
a civitate = ex civitate
abcederet = abscederet

3

circa principium = principio
contra fidem sentire - "выступить против веры"
in eos = in clericos
turpiter - в активном значении: "с поношениями"
ammovere = amovere
insultus - "нападение"

4

Adas, ae - Адам
Oxonia - Оксфорд

custos ordinis – в разных орденах “декан” или “старший монах”
 festum Resurrectionis – праздник Воскресения Христа (Пасха).
 malleus – зд.: “бедствие”
 sub cruce signatio – “принятие креста”
 cooperante nescio quo – необычный случай оборота: логическое
 подлежащее зависит от вводного слова (перевести оборот об-
 стоятельством предложением нельзя)
 execrare – “осквернять”
 aqua aspersionis – святая вода для окропления
 in adventu – “после прихода”
 sequaces – противоположное значение к precursores
 parochialis – “приходский”
 casula – священническое облачение
 Rothomagus – Руан
 Aurelianus – Орлеан
 Turonis – Тур
 manu potenti – “большой толпой”
 eosdem – плеоназм
 super altare – “на алтаре”
 vituperabiliter – активно: “с поношениями”
 imago – зд.: “статуя”
 abscinderunt = absciderunt
 filius perditionis – библейское выражение
 Bituris – Бурж
 non debere credi – сказуемое инфинитивного оборота
 exorbitare – “отклоняться”, “не соответствовать”
 religiosi – “монахи”
 abraderе – зд.: “истребить”
 milites – “рыцари”
 Alemannia – зд.: “Германия”
 soldanus Babiloniae – халиф багдадский
 satagere – “стараться”
 sulphureus – зд.: “отравленный”
 puteus – “кладезь”, то есть мусульманской учености
 Toletum – Толедо
 rege suo – имеется в виду Людовик IX, который попал в плен к
 мусульманам
 clima – “страна”
 concessum fuit = c. fuisset
 cartulam et mandatum – хендиадис
 equitum = equorum stabulum, grex
 elapsis tunc circiter quadraginta annis – по смыслу: “примерно сорок
 лет до этого”
 convocans puerorum infinitam multitudinem – имеется в виду крес-
 товый поход детей
 cruce signabantur – то есть принимали крест

tibia - берцовая кость как символ физической силы
beneplacitum - "угодное"
Blanchia - Бланка
ribaldus - "бродяга"
anelaicus - "дротик"
reprehendendo - плеоназм
eorum = sua
conventiculum - зд.: "община"
dirivagus - "заблуждающийся", "еретик"
Nigri - бенедиктинцы (назывались так по одеянию)
officiales - "чиновники"
irrecitabilis - "негодный для передачи"
quod valde periculosum fuit - мнение автора
Aurelianus - в Орлеане
signipotens - "знаменитый"
muscipulatio - "уловки"
scolarium universitas - университет
impostura - "обман"
hospitium - зд.: "жилище"
irrecitabiles abusiones - то есть брань
quadam (securi) - артикль
elevato - в возвратном значении
canis latrare non valens - библейский образ: пес, не имеющий сил лаять
ex quo = ex eo quod (аттракция падежа)
tales - предикативно
infra macerias - "внутри изгороди"
obstupendus - прилагательное: "удивительный"
corrodendus - с оттенком цели
apud Burdegalim - в Бордо
comite Legrecestriae Simone - граф лейстерский Симон де Монфор
protendere - зд.: "опираться"
resignificare = significare
compatriota - "земляк"

VI. Восстание Уота Тайлера в освещении хроник

1. Начало восстания

(Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера.
С.-Пб., 1897. Ч. I. С. 135)

Hoc anno duo armigeri, sedentes in taberna quadam Londoniae, dixerunt, quod summa collectae solidorum huius anni non pervenit ad summam grossorum anni praecedentis, transieruntque ad cancellarium

Angliae, petentes iustitios in Canciam et in Estsexiam ad inquirendum de collectione dictae summae, et offerebant regi summam auri pro residuo colligendo. In Cancia autem responsum fuit, quod post solutionem grossorum multi utriusque sexus mortui sunt. In Estsexia vero sedebat iudex cum aliis et vocabat quendam pistorem, illius loci collectorem. Pistor dixit sociis suis: "Non sufficit istis, quod collectum est, sed modo veniunt ad novum tallagium colligendum. Si haberem assistentiam, ego resisterem illis". Et statim omnes captis instrumentis quae habebant ad pugnam venerunt ad locum. Statim iustitios cum suis fugiit. "Ecce", dixit pistor, "patet, quod pro novo tallagio venerunt". Tunc illa villa transivit ad aliam proximam et ipsam fecit insurgere, et illae duae tertiam, et sic ultra totum comitatum et comitatum Hertfordiae, et postea per Erhethē transierunt in Canciam ad Maydston et Waldam et inde Cantuariam totam patriam elevantes et sequi cogentes, domos penetrantes, omnia victualia consumentes, homines occidentes et spoliantes, ac domos destruentes. Et cum quaereretur ab eis, quis esset capitaneus eorum, quia nullum habebant, derisorie respondebant.

2. Восстание в Эссексе и Кенте

(Walsingham Th. Historia Anglicana. London, 1863. V. I.
P. 454)

Rustici namque, quos natos vel bondos vocamus, simul cum ruralibus accolis in Estsexia, maiora suis concipientes viribus et spem habentes omnia subiicienda suae stoliditati, conglobata multitudine pro libertate tumultuare coepere et pares dominis effici et nulli omnino alicuius de caetero astringi servitio meditati sunt. Et ut efficacius sua vota perducerent ad effectum, mox ad quamdam primo parvam villam viri tantum duarum villarum, qui auctores et primi motores huius mali fuere, mittere curaverunt, ut omni excusatione postposita omnes tam senes, quam florescentes aetate, ad eosdem confluerent, armis instructi, prout quisque poterat, scientes eorum bona, qui venire supersederent, negligenter aut contemnerent, dissipanda, domos conflagrandas vel deponendas, capita amputanda. Terribilis ergo comminatio cunctos coegit accurere, ut aratri relictis negotiis, seminandique commoditatibus, uxoribus suis et praediis in brevi tantus coactus sit numerus, ut ad quinque milia recenserentur vilissimorum communium et rusticorum, quorum quidam tantum baculos, quidam rubigine obductos gladios, quidam bipennes solummodo, nonnulli arcus, pro vetustate factos a fumo rubicundiores ebore antiquo, cum singulis sagittis, quorum plures contentae erant una pluma, ad regnum conquirendum convenere. Inter mille vero de talibus de facili non videndus erat unus armatus, sed omnes, ut magnum numerum conficere, credebant totum regnum illis resistere non valere. Ut autem maioris roboris firmamento laetari possent, Cantiam transmiserunt nuncios, qui initos certificarent de illorum voluntate simul et proposito et invitarent ad

occurrere eisdem pro libertate acquirenda, pro isto negotio contuendo, demum pro regno regnique malis consuetudinibus immutandis.

Kantiani itaque, rem audientes, votis per ante desideratam pluries, tollentes moram illico, et ipsi congregata non parva manu communium et rusticorum eisdem commentis, quibus diximus Estsaxones suas congregasse turbas, in brevi fere totam provinciam suam ad similem tumultuationem concitaverunt.

3. Восстание распространяется на соседние графства

(ibid., p. 445)

Itaque factum est, ut mox fama huius facti in Suthsexiam, comitatus Hertfordiae et Cantibrigie, Suffolchiam et Northfolchiam repente diffunderetur, eratque magna expectatio totius plebis, quid sibi vellent haec omnia et quorsum tenderent coepta tam audaciter multis concipientibus pro meliori futura, quibusdam timentibus ea in perniciem totius regni cessura. Divisionem namque regni prae loquebantur talibus ausis evenire et per consequens eius desolationem et destructionem.

Et cum acciperent in dies incrementum huiusmodi congregationes et iam fere factus fuisset eorum numerus infinitus, ita ut nullius resistentiam pertimescerent, coeperunt facta monstrare quaedam, quae mente conceperant, et omnes et singulos iuris terrae peritos, tam apprenticios, quam senes iustitiariorum, et cunctos iuratores patriae, quos apprehendere poterant, sine ullo respectu pietatis capitis truncatione mulctare, asserentes non, priusquam illis occisis, terram ingenua libertate posse gaudere. Placuit iste sermo vehementer rusticis et ex minoribus maiora concipientes statuerunt omnes curiarum rotulos et munimenta vetera dare flammis, ut obsoleta antiquarum rerum memoria nullum ius omnino ipsorum domini in eos in posterum vindicare valerent.

4. Восставшие в Блэкхусе

(ibid., p. 455-456)

... Et fiebat plebanorum conglomeratio, quantam nullus meminisse potuit, vel audisse, insimul convenisse. Cum tanta ergo frequentia ventum est ad locum, vocatum le Blaketh, ubi statuerunt turbam videre collectam et sociorum multitudinem numerare. In quo loco dum constitissent, venerunt ad eos ex parte regis milites, qui causam inquirerent commotionis eorum, et quare illuc tantum populum contraxissent. Quibus responsum est se pro certis causis et negotiis ad habendum cum rege suo colloquium convenisse et debere eosdem nuncios regios remeare

ad regem et intimare ei oportere eum omnino ad eosdem venire ad audiendum desideria cordis eorum.

5. *Проповедь Джона Болла*

(*ibid.*, v. II, p. 33)

Continuansque sermonem inceptum nitebatur per verba proverbii, quod pro themate sumpserat, introducere et probare ab initio omnes pares creatos a natura, servitutem per iniustam oppressionem nequam hominum introductam contra voluntatem Dei, quia, si Deo placuisset servos creasse, utique in principio mundi constituisset, quis servus quisve dominus futurus fuisset. Considerarent igitur iam tempus a Deo donatum eis, in quo deposito servitutis iugo diutinae possent, si vellent, libertate diu concupita gaudere. Quapropter monuit, ut essent viri cordati et amore boni patrisfamilias, excolentis agrum suum et extirpantis et reseccantis noxia gramina, quae fruges solent opprimere, et ipsi in praesenti facere festinarent: primo, maiores regni dominos occidendo, deinde iuridicos, iustitiosos et iuratores patriae perimendo, postremo, quoscumque scirent in posterum communitati nocivos, tollerent de terra sua. Sic demum et pacem sibimet parerent et securitatem in futurum, si sublatis maioribus esset inter eos aequa libertas, eadem nobilitas, par dignitas similisque potestas.

Cumque haec et plura alia deliramenta praedicasset, commune vulgus eum tanto favore prosequitur, ut acclamarent eum archiepiscopum futurum et regni cancellarium, solum eum dignum archipraesulatus honore, archiepiscopum, qui tunc superstes erat, communium et regni proditorem fuisse et idcirco decapitandum, ubicumque posset in Anglia comprehendi.

6. *Восставшие в Лондоне*

(*ibid.*, v. I, p. 456)

Quae cum audissent responsa vulgares, in furem versi, iuraverunt se regios traditores, archiepiscopum scilicet et Robertum praedictum, quaesituros, quo tutiores habere pedes se credebant, et eorum capita ablaturus. Et confestim iter versus Londonias arripientes, venerunt ad Suthwerk et omnia loca repleverunt ibidem et in regione vicina.

Maior ergo Londoniarum et aldermanni, metuentes urbi, portas mox claudere decreverunt, sed commune vulgus civitatis et praecipue pauperiores, faventes rusticis, prohibuere maiorem a clausura portarum, inferentes vim et mortem comminantes eidem, si id facere attentaret. Itaque factum est, ut per totam noctem sequentem, id est vigiliae festi Corporis Christi, libere gauderent exitu et introitu nebulones.

Animavit communitatem Londoniarum et etiam totius regni ad favendum eis, quod asserebant eorum esse propositum regni tantummodo proditores scrutari et postea cessaturos. Et eo maiorem fidem adhibuere dictis eorum, quod nihil rapuerunt omnino, sed omnia emerunt iusto

pretio, et si quemquam reperissent in furto, capite privaverunt, tanquam qui fures maxime detestarentur.

7. Разгром дворца герцога Ланкастерского

(ibid., p. 457)

... Coeperunt cum simplicioribus civitatis multa tractare de proditoribus, et inter caetera se mutuo cohortati sunt, ut properantes Saveyam, hospitium ducis Lancastriae, cui nullum usquam in regno in pulchritudine et nobilitate potuit comparari, iniectis flammis conflagrarent. Placuitque statim sermo vulgaribus Londoniarum et ipsi in primis foedum reputantes, si quisquam duci ante eos iniuriae aut damni aliquid irrogaret, illico velut amentes cucurrerunt et ignibus in gyro coniectis destructioni loci vacabant. Et, ut patesceret totius regni communitati eos non respectu avaritiae quicquam facere proclamari fecerunt, sub poena decollationis ne quis praesumeret aliquid vel aliqua, ibidem reperta, ad proprios usus servanda contingere, sed ut vasa aurea et argentea, quae ibi copiosa habebantur, cum securibus minutatim confringerent et in Tamisiam vel in cloacas proiicerent, pannos aureos et holosericos dilacerarent et pedibus conculcarent, annulos et alia iocalia, cum lapidibus pretiosis imposita, mortariolis contererent, ut postea nullis usibus apta forent. Et factum est ita.

8. Завсѣм Турсѣ

(ibid., p. 458)

Erant pro tunc turbae rusticorum in tres partes separatae, de quibus una pars vacabat, ut diximus, destructioni praedicti supradicti. Alia iuxta Londonias expectavit in loco, le Mile Ende vocato. Tertia vero occupaverat montem Turris. Ea autem turba, quae prope Turrim erat, ita inverecunda et insolens habebatur, ut victualia regis, quae ad Turrim vehebantur, diriperet inverecunde. Et insuper tanta agitabatur insania, ut regem compelleret ad concedendum eis archiepiscopum et magistrum Hospitalis sancti Iohannis aliosque in ipsa turri occultatos...

9. Убийство архиепископа Кентерберийского

(Петрушевский Д.М. Указ. соч. С. 194)

Et his maleficiis non contenti, sed eorum damnationi reprobe dediti, in ipsum reverendissimum in Christo patrem dominum Simonem de Sudbury Dei gratia tunc archiepiscopum, honorabile membrum ecclesiae et columnam, ac patrem eorum spiritualem et pugilem crucifixi, in turri Londoniensi tunc personaliter existentem, manu hostili irruerunt ac ipsum inhumaniter pertractarunt, vulnerarunt ac proditorem regni Angliae ipsum fuisse et esse publice voce furibunda et infamissima dixerunt, et demum eum extra dictam turrim duxerunt ac prope ipsam

turrim eundem crudelissime decapitarunt, caput quoque eiusdem super unam hastam per vicos et plateas civitatis Londoniensis publice deferendo et clamando: “Hoc est caput proditoris”, ac capellum episcopale cum uno clavo, quod horribile est dictu, eidem capiti per cerebri medium affixerunt, et demum caput honorabile in signum proditionis supra pontem Londoniensem damnabiliter posuerunt.

10. Переговоры с королем

(Walsingham Th. V. I. P. 462)

Cum idcirco tantas transgressiones perpetrari viderent rex et qui de eius consilio fuerant, post repentinos tractatus et subitos, quia tempus illud diutinam non permittebat deliberationem, et maxime, quia omnes et singuli confraenabantur de occisione Cantuariensis archipraesulis et regni thesaurarii, qui potissimi in regno fuerunt, et quia timebant occisis maioribus minoribus non esse parcendum dominus rex cum deliberatione concilii, quod tunc cum eo fuit, ut sedaret furorem, qui tunc in cursu extitit, obtulit eis pacem ea conditione, ut cessarent ab incendiis domorum et deiectionibus et hominum interfectionibus et redirent ad propria sine pluri, ibidem praestolaturi chartas confirmatorias pacis praedictae. Quod Estsaxones libenter audierunt, eo quod iam, pertaesi diutini laboris, afficiebantur quodammodo domibus, uxoribus et liberis revisendis. Statuerunt tamen quosdam ex ipsis, qui illis recedentibus remanerent pro chartae regiae acquisitione. Factumque est, ut recedentibus remanerent Kentenses tota nocte sequente.

11. Королевская грамота

(ibid., p. 467)

Ricardus, Dei gratia rex Angliae et Franciae, et dominus Hiberniae, omnibus ballivis et fidelibus suis, ad quos praesentes literae pervenerint, salutem. Sciatis, quod de gratia nostra speciali manumisimus universos ligeos ac subditos nostros, et alios comitatus Herfordiae, et ipsos et eorum quemlibet ab omni bondagio exuimus, et quietos facimus per praesentes; ac etiam perdonamus eisdem ligeis ac subditis nostris omnimodas felonias, prodiones, transgressiones, et extortiones, per ipsos vel aliquem ipsorum qualitercumque factas sive perpetratas, ac etiam utlegariam et utlegarias, si qua vel quae in ipsos vel aliquem ipsorum fuerunt vel fuerit nisi hiis occasionibus promulgata vel promulgatae; et summam pacem nostram et eorum cuilibet inde concedimus. In cuius rei testimonium has literas

nostras fieri fecimus patentes. Teste me ipso apud Londonias quintodecimo die Iunii anno regni nostri quarto.

12. Убийство Уота Тайлера

(Петрушевский Д.М. Указ. соч. С. 215–216)

Rex autem venit in Smythfield, et Walterus Tegulator capiciatus accessit ad regem, dicens se velle emendare cartam libertatis, quam rex sibi alias tradidit. Cui maior Londoniae dixit: “Quomodo loqueris tu regi? Supplica sibi et depone capitium tuum”. “Tu es proditor”, dixit alter. Et statim unus armiger regis perfodit eum pugione, deinde maior et alius burgensis, et mortuus est Walterus Tegulator. Clamabat autem comitiva: “Quid facit rex cum nostro prolocutore?” Dixerunt alii: “Facit eum militem”. Et clamaverunt omnes: “Transite in campum Sancti Iohannis et veniet ad vos novus miles”. Traxeruntque ipsum miserum in quandam domum, et statim venit civitas, splendide armata, et circumdederunt omnes in campo praedicto, qui, sic obsessi, perdiderunt corda, nescientes, quid agerent. Et rex interrogabat Robertum Knollis: “Nonne occidunt isti?”. Quibus dixit Robertus: “Cadite, vos miseri, scindite cordas arcuum et recedite. Nullus remaneat hac nocte in civitate nec in regione ista sub poena capitis”. Et statim omnes fugierunt.

13. Автор хроники объясняет причины восстания

(Walsingham Th.V. II. P. 11–12)

Acciderunt haec mala omnia diversis provinciis uno eodem tempore iisdem fere diebus, quanquam itinere longissimo loca distarent, infra octavas videlicet festi corporis Christi, multis opinantibus propter remissam curam archiepiscopi caeterorumque conprovincialium episcoporum, huius rei praecipue, quam curasse debuerunt, qua fides et stabilimentum Christianae religionis consistit. Nempe cum novissent indigne agere filios suos Iohannem Wiclif et eius sequaces dogmatizando perversam et damnatam doctrinam Berengarii de sacramento corporis et sanguinis Christi et longe lateque per patrias populum maculando suam praedicationem dilatasse, ita ut pene maiores provinciarum eorum sequerentur errorem, quia sciebant, quod: “Mobile versatur semper cum principe vulgus”, et maiorum exempla minores sequerentur, nec fuit ullus cornutus, qui volebat vel audebat tantis malis occurrere et filios perfidos correptione debita castigare...

Alii peccatis dominorum ascribebant causam malorum, qui in Deum erant fictae fidei. Nam quidam illorum credebant, ut asseritur, nullum Deum esse, nihil esse sacramentum altaris, nullam post mortem resurrectionem, sed ut iumentum moritur, ita et hominem finire. Erant praeterea

in subditos tyranni et in pares (inimici) timidi, invicem suspecti, vivendo incesti, violatores coniugii, ecclesiae destructores.

14. *Восстание в Сеффорке и Норфолке*

(ibid., p. 1-2)

Eodem die sabbati, ut generalis esse violaretur ista tempestas, in partes Southfolchiae et Norfolchiae misit Deus iram indignationis suae, indignationem et iram, et tribulationum immissiones per angelos malos, quosdam videlicet perfidis Estsexcentibus periculosiores, angelos Sathanae, qui informarent populum, in quiete degentem, populum innocentem, ad tumultationem, superioribus similem, et converterent in suos dominos corda servorum. Qui confestim, efficientes magis, quam proficientes, duce quodam sceleratissimo presbytero, dicto Iohannes Wraw, qui et ipse Londoniis fuerat pridie et instructus a ganeone praefato, Waltere Tylere, de facili congregaverunt turbam, cuius numerus excedebat, ut ferunt, quinquaginta milia plebanorum. Hii autem iuxta morem eorum qui Londoniis furuerunt in universis furentes domos et praedia magnorum virorum, legisperitorum prostraverunt, legis apprenticios occiderunt.

(ibid., p. 9)

Magistros scholarum grammaticalium iurare compulerunt se nunquam parvulos instructuros in arte praefata. Amplius quid fecerunt? Munimenta vetera studuerunt dare flammis, et ne de novo quis reperiri valeret, qui vetera sive nova de caetero posset vel nosset commendare memoriae, huiusmodi trucidabant. Periculosum erat agnoscere pro clerico, sed multo periculosius, si ad latus alicuius atramentarium inventum fuisset. Nam tales vix aut numquam ab eorum manibus evaserunt.

Quid in regni destructionem cogitaverant, probat confessio Iohannis Straw, qui fuit post Walterum Tylere maximus inter illos.

15. *Исповедь Джона Строч*

(ibid., p. 10)

“... Eo tempore, – inquit, – quo ad le Blakeheth convenimus, quando pro accersendo rege destinavimus, propositi nostri fuerat cunctos milites, armigeros et ceteros generosos, qui cum eo venissent morti subito tradidisse; ipsum quoque regem, inter nos regaliter exhibitum in universis, nobiscum de loco ad locum traduxisse, ut eo viso omnes et praecipue vulgus ad nos et nostram turbam transmigrare debuissent audacius, qui viderent ipsum regem esse velut auctorem nostrae commotionis. Cumque innumerabilem turbam conflassemus per omnes patrias communis plebis, repente dominos mortificassemus, in quibus consilium contra nos vel resistentia esse potuisset, et primo et principaliter destructioni Hospitaliariorum vacassemus. Postremo regem occidissemus et cunctos

possessionatos, episcopos, monachos, canonicos, rectores insuper ecclesiarum de terra delevissimus. Soli mendicantes vixissent super terram, qui sufficissent pro sacris celebrandis ~~est~~ conferendis universae terrae. Cum vero nullus maior, nullus fortior, nullus scientior nobis superfuisset, leges condidissimus ad placitum, quibus subiecti regulati fuissent. Nam et reges creassemus, Walterum Tylere in Kancia, et in ceteris comitatibus singulos praefecissimus. Sed quia istud nostrum propositum impeditum fuit per archiepiscopum, maiori odio exarsimus contra eum et citius studuimus tradere eum morti. Rursum eo die advesperascente, quo occisus est Walterus Tylere, proposuimus, quia commune vulgus Londoniensium nobis favebat et praecipue pauperiores, iniectis ignibus in quatuor partibus civitatis urbem repente cremasse et omnia pretiosa reperta inter nos pro libito dividisse..”

Post hanc confessionem factam decapitatus est et caput eius positum super pontem Londoniis iuxta caput collegae sui, Walteri Tylere.

Ne autem insufficiens videnda fuerat ista unius confessio, confessi sunt eadem vel omnino similia plures alii, dum mortem adesse prae oculis cernerent, qui ex post capti sunt.

16. *Расправа с восставшими*

(*ibid.*, p. 14–15)

Quibus gestis congregari fecit rex exercitum de Londoniis et misit per patrias, ut qui diligerent regem et honorem regium accelerarent ad eum Londoniis, armis instructi et equis vecti, nullus veniret inermis, nullus pedes, et qui non habebant arma remaneret domi. et consimiliter, quibus equi defuerunt. Et factum est, ut infra triduum numeraret circa se quadraginta milia equitum decentissime armatorum. Exhibat cotidie ad le Blakeheth ad recensendum numerum adventantium, ipse rex in primis inter armatos equitans dextrarium grandem, et vexillum ante faciem eius portabatur. In exercitu gaudebat conspici, ab hominibus suis dominus recognosci. Cum ergo tantus coactus esset exercitus, quantus nunquam in Anglia fuit ante conspectus, audivit rex Kentenses iterum conspirasse, iterum impiam familiam in totius regni perniciem congregasse. Quid multa? Indignatur rex, excandescit exercitus, et extemplo in Kanciam proficisci, et totum illius germen Kentensium et Iuttorum statuerunt de terra viventium explanare. Sed procerum et maiorum Kanciae interventu, qui fideiussere pro communibus, placatus factus est, et qui cum eo erant super malignitate, quam dixerant facere toti populo imperito. Et tunc primo missi sunt iustitarii ad sedendum et inquirendum de malefactoribus et eis principaliter qui auctores, incentores et concitatores fuere turbarum in Kancia, et siluit terra illa in conspectu eorum, et timuerunt valde.

Tunc maior Londoniarum, et ipse sedens pro tribunali, cepit tam urbis illius malefactores, quam cunctos, qui comprehendi potuerunt de Cancia. Estsexia, Southsexia, Northfolchia, et Sowthfolchia, et caeteris comitatibus, ubi communes fuerunt infra libertatem civitatis Londoniarum, ad

iudicium audacter trahere publicum et universos, quos reperit respesos praefata perfidia, decollaret.

Decollatio ductorum communium Londoniis.

Tunc Iohannes Straw, Io Kirkeby, Alanus Tredere, ductores communium, decollati sunt. Tunc etiam Iohannes Starling de Estsexia, qui gloriabatur se archiepiscopum decolasse, et ipse decollatus est...

Sed et advertendum, quod cuncti de Cancia vel Estsexia, qui manus apposuerunt noxias super archiepiscopum, consimili modo confessi sunt, quamquam inviti, sponte tamen venientes, qui in eum commiserant, et Londoniis pro maiore parte decollati sunt.

ПРИМЕЧАНИЯ

Среди многочисленной документации по восстанию Уота Тайлера (1381) латинские хроники занимают видное положение. Особенно ценной по подробному изложению является хроника Томаса Уолсингема, который пытается также вскрыть причины восстания.

1

hoc anno - в 1381 г.

armiger - "сквайр"

taberna - "таверна"

collecta - "налог"

solidus - "шиллинг"

grossus - 4 пенса

transire = ire

cancellarius - "канцлер"

petentes - добавить mittere

iustitiarius - разъездной судья

Cancia - Кент

Estsexia - Эссекс

offerebant... colligendo - здесь видна откупная система

collector - сборщик налогов олицетворял собой круговую поруку, которой были связаны общинники

tallagium - подушный налог

fugit = fugit

Esse... venerunt - в этих словах проступает злорадство по поводу бегства юстициария

villa - "деревня"

comitatus Hertfordiae - графство герфордское

2

bondi – “бондмены”, то есть крестьяне, находившиеся в крепостной зависимости
nulli – зависит от *servitio*
vilissimorum communium et rusticorum – описат. термины, говорящие об охвате выступлением как свободных, так и зависимых крестьян
quidam tantum baculos... – то есть *habebant*
factos... rubicundiores – потемнели от того, что долгое время висели вблизи очагов
quorum = quorum
una pluma – из презрения к крестьянам автор склонен к преувеличениям
conquaerere = conquirere (завоевать)
mille de talibus = m. tales
de facili = facile
laetari – “пользоваться”
certificare – “осведомить”
Kantiani – жители Кента
per ante = ante
desideratam, illico – плеоназмы
provincia – графство

3

Suthsexia – Сессекс
Cantibrigia (Cantabrigia) – Кембридж
apprenticius – ученик в области права
iuratores – “присяжные”
sine respectu – плеоназм
gaudere – “пользоваться”
curiarum rotuli – “куриальные свитки”
munimenta – “документы”
antiquarum rerum – “о повинностях”

4

plebani = plebs, то есть крестьяне и низшие слои городского населения
audisse, convenisse – формы даны по аналогии с недостаточным глаголом
convenisse – “принять участие”

le Blaktheth – Блэкгис (вблизи Лондона)

5

continuans – то есть лоллард Джон Болл

sermo – “проповедь”

iuridici – “судьи”, “законоведы”

communitas – “община” (в широком смысле)

nobilitas – в это время происходит расширение значения термина “благородство”

qui tunc superstes erat – архиепископ кентерберийский, канцлер Симон де Сэдбери, инициатор введения нового налога

6

quae responsa – отказ короля встретиться с восставшими

vulgares = plebs

Robertum – государственного казначея, который вместе с архиепископом советовал королю отказаться от встречи с восставшими

quo .. credebant – неправильная конструкция; перевести уступительным предложением

iter arripere – “направляться”

maior – “мэр”

aldermanni – “олдермены” (члены городского совета)

urbi dat. incommodi

vigilia – “канун”

animavit communitatem – это место текста говорит об объективности хрониста

7

Saveyam = in Saveyam (во дворец герцога Ланкастерского)

respectu – в значении предлога

Tanisia – Темза

iocalia – “драгоценности”

imposita – “инкрустированные”

8

pro tunc = tunc

separatae – возвратное значение

Mons Turris – Тауэр

9

damnationi – ср. англ. damnation – “проклятие”

gerprobe – “порочно”, то есть как порочные люди

in turri - в Тауэре
unam (hastam) - артикль
capellum - монашеский головной убор
supra pontem - "на мосту"
damnabiliter - активно: "с поношениями"

10

de occisione = occisione
regni thesaurarius - "государственный казначей"
concilii = consilii
sine pluri = sine plure
charta - "грамота"
illis = se

11

Ricardus - Ричард II
Hibernia - Ирландия
ballivus - "бэйлиф", заместитель шерифа
fideles - "вассалы"
ligei = subditi
bondagium - "крепостная зависимость"
perdonare - "прощать"
felonia - "обман"
extortio - "захваты"
utlegaria - "объявление вне закона"
literae patentes - "открытая грамота", то есть для всеобщего сведения

12

Walterus Tegulator - Уот Тайлер
capiciatus - "в шляпе"
(supplica) sibi = ei
capicium - "шляпа"
burgensis - "горожанин"

13

comprovinciales episcopi = suffraganei
curasse = curare
dogmatizare - "проповедовать"
Berengarius - Беренгарий Турский, схоласт XI в., отрицавший таинство причащения
mobile - предикативно

cornutus - духовное лицо, носившее головной убор с острыми углами

14

generalis - предикативно
esse - плеонастическое приложение
violare - “усиливать”
immissiones - внутренний объект
Estsexcenses = Estsaxones
presbyterus - “пресвитер”
huiusmodi - то есть homines
confessio - “исповедь”

15

destinavimus = misimus nuntios
Hospitalinorum - первый удар должен быть нанесен по ордену госпитальеров, обладавшему большими владениями
possessionati - землевладельцы из числа духовенства
rector ecclesiae - “настоятель приходской церкви”
mendicantes - нищенствующие монахи
pro sacris celebrandis - имеется в виду исполнение всех церковных служб
confessi sunt - то есть заставили исповедоваться
patria - графство
Londoniis = Londonias
dextrarius - “боевой конь”
familia - “войско”, “шайка”
ad sedendum - “для ведения судебных заседаний”
ubi communes fuerunt... Londoniarum - то есть где коммуны пользовались такими же свободами, как и Лондон

VII. Протоколы обвинительного процесса Жанны д'Арк

(Causae expositio et praeparatoria)

[1]. *Exhortatio prima facta Iohannae*

Quapropter debitum officii nostri ad conservationem et exaltationem fidei catholicae, cum benigno auxilio Ihesus Christi, cuius res agitur, cupientes in hoc processu explere, in primis saepedictam Iohannam, coram nobis tunc sedentem, caritative monuimus et requisivimus, ut pro acceleratione praesentis negotii et exoneratione propriae conscientiae

plenam veritatem super his diceret, de quibus in materia fidei interrogaretur, non quaerendo subterfugia vel cautelas ab ipsius veritatis confessione divertentes.

[2]. *Requisita praestare iuramentum*

Insuper ex officio nostro ipsam Iohannam iudicialiter requisivimus, quatenus iuramentum in forma debita tactis sacrosanctis evangeliiis praestaret de dicendo veritatem, ut praemittitur, super his, de quibus interrogaretur.

Quae quidem Iohanna ad hoc in hunc modum respondit: “Nescio, super quibus vultis me interrogare. Forte vos poteritis a me talia petere, quae non dicam vobis”. Cum vero nos eidem diceremus: “Vos iurabitis dicere veritatem, de his, quae petentur a vobis, fidei concernentibus et quae scietis”, – ipsa rursus respondit, quod de patre et matre, et his, quae fecerat, postquam iter arripuerat in Franciam, libenter iuraret, sed de revelationibus ex parte Dei nunquam alicui dixerat seu revelaverat, nisi soli Karolo, quem dicit regem suum, nec etiam revelaret, si deberet eidem caput amputari, quia hoc habebat per visiones sive consilium suum secretum, ne alicui revelaret, et quod infra octo dies proximos bene sciret, si hoc deberet revelare.

Et iterato, et vicibus repetitis nos episcopus praedictus monuimus et requisivimus eandem Iohannam, quod in his, quae tangerent fidem nostram, iuramentum praestare vellet de dicendo veritatem. Quae quidem Iohanna flexis genibus, ambabus manibus supra librum, videlicet supra missale, positus iuravit, quod diceret veritatem super his, quae requirentur ab ea, fidei materiam concernentibus, quae sciret, tacendo de conditione antedicta, videlicet, quod nulli diceret aut revelaret revelationes eidem factas.

[3]. *Prima interrogatio post iuramentum*

Item, iuramento sic posito eadem Iohanna per nos interrogata fuit de nomine et cognomine ipsius. Ad quae respondit, quod in partibus suis vocabatur Iohanetta, et postquam venit in Franciam, vocata est Iohanna. De cognomine autem suo dicebat se nescire. Consequenter, interrogata de loco originis, respondit, quod nata fuit in villa de Dompremi, quae est eadem cum villa de Grus, et in loco de Grus est principalis ecclesia.

Item, interrogata de nomine patris et matris, respondit, quod pater vocabatur Iacobus d’Arc, mater vero Ysabellis.

Interrogata, quo loco fuit baptizata, respondit, quod in ecclesia de Dompremi.

Interrogata, qui fuerunt eius patrini et matrinae, dicit, quod una matrinarum vocabatur Agnes, altera Iohanna, altera Sibylla, patrinorum vero unus vocabatur Iohannes Lingué, alter Iohannes Barrey: aliasque plures matrinas habuit, prout audivit a matre.

Interrogata, quis sacerdos eam baptizavit, respondit, quod dominus Iohannes Minet, prout credit.

Interrogata, an vivat ipse, respondit, quod sic, prout credit.

Item, interrogata, cuius aetatis ipsa erat, respondit, quod, prout sibi videtur, est quasi XIX annorum. Dixit praeterea, quod a matre didicit Pater noster, Ave Maria, Credo; nec alibi didicit credentiam, nisi a praefata eius matre.

Item, requisita per nos, quod diceret Pater noster, respondit, quod audiremus eam in confessione et ipsa nobis diceret libenter. Cumque iterum pluries super hoc requiremus eam, respondit, quod non diceret Pater noster etc., nisi eam audiremus in confessione. Tunc autem diximus, quod libenter sibi traderemus unum aut duos notabiles viros de lingua gallicana, coram quibus ipsa diceret Pater noster etc. Ad quod respondit ipsa Iohanna, quod non diceret eis, nisi eam audirent in confessione.

[4]. *Prohibitio, ne recedat a carceribus*

Quibus sic peractis nos episcopus praedictus prohibuimus eidem Iohannae, ne recederet de carceribus, sibi assignatis infra castrum Rothomagensis, absque licentia nostra sub poena convicti de crimine haeresis. Ipsa vero respondit, quod non acceptabat illam inhibitionem, dicens ulterius, quod, si evaderet, nullus posset eam reprehendere, quod fidem suam fregisset vel violasset, quia nulli unquam fidem dederat. Deinceps conquesta fuit, quod in vinculis et compedibus ferreis detinebatur. Tunc quoque sibi diximus, quod alias nisa fuerat a carceribus evadere pluribus vicibus et propterea, ut tutius et securius custodiretur, iussa fuerat vinculis ferreis compedi. Ad quod respondit, dicens: "Verum est, quod alias volui et vellem, prout licitum est cuicumque incarcerato seu prisonario, evadere".

Postea vero commisimus ad tutam custodiam ipsius Iohannae nobilem virum Iohannem Gris, scutiferum corporis domini nostri regis et cum ipso Iohannem Berwoit ac Willermum Talbot, eisdem iniungentes, quod bene et fideliter ipsam Iohannam custodirent, nullos cum ea permittendo colloqui, nisi de licentia nostra. Qui de hoc faciendo tactis sacrosanctis evangeliiis solemniter iuraverunt.

Demum et finaliter omnibus praemissis completis assignavimus eidem Iohannae crastinam diem iovis, sequentem immediate, ad comparendum hora octava de mane in camera paramenti in buto aulae magnae praedicti castri Rothomagensis.

[5]. *XXVII. Februarii. Quarta sessio*

...Interrogata, qualem comitivam tradidit sibi rex suus, quando posuit eam in opus, respondit, quod tradidit X vel XII millia hominum et quod primo ivit Aurelianis ad bastiliam Sancti Lupi et deinceps ad bastiliam Pontis.

Interrogata, apud quam bastiliam fuit, quod fecit homines suos retrahi, respondit, quod non recordatur. Dicit etiam, quod erat bene secura, quod levaret obsidionem Aureliensem, per revelationem sibi factam, et ita dixerat regi suo, antequam illuc veniret.

Interrogata, utrum, quando debuit fieri insultus, dixeritne suis gentibus, quod ipsa reciperet sagittas, viritones, lapides de machinis sive canonibus etc., respondit, quod non; imo centum fuerunt laesi vel amplius; sed bene dixit gentibus suis, quod non dubitarent et levarent obsidionem. Dicit etiam, quod in insultu, dato contra bastiliam Pontis, fuit laesa de una sagitta seu viritone in collo, sed habuit magnam confortationem a sancta Katharina et fuit sanata infra XV dies, sed non dimisit propterea equitare et negotiari.

Interrogata, an bene praescibat, quod laederetur, respondit, quod hoc bene sciebat et dixerat suo regi, sed quod hoc non obstante non dimitteret ulterius negotiari. Et fuerat hoc sibi revelatum per voces duarum sanctarum, videlicet beatae Katharinae et beatae Margariae. Dicens ulterius, quod ipsa fuit prima, quae posuit scalam in altum in dicta bastilia de Ponte, et levando ipsam scalam fuit, ut supra, laesa in collo de dicto viritone.

[6]. I. Martii. Quinta sessio

...Interrogata, utrum habuerat litteras a comite Armiginiaci pro sciendo, cui trium summorum pontificum deberet obedire, respondit, quod ipse comes scripsit ei quasdam litteras super isto facto, ad quod dedit responsum, inter alia, quod, quando esset Parisius vel alibi in quiete, ipsa daret responsum. Et volebat tunc ascendere equum, quando dedit illi responsum.

Et quantum ad copiam litterarum dicti comitis et ipsius Iohannae, quas tunc in iudicio perlegi fecimus, eadem Iohanna fuit interrogata, si illa erat sua responsio, quae in praedicta copia continebatur. Respondit, quod aestimat se fecisse illam responsionem in parte, non in toto.

Interrogata, an dixerit se scire per consilium regis regum, illud, quod praefatus comes debebat de hoc tenere, respondit, quod de hoc nihil scit.

Interrogata, an ipsa faciebat dubium, cui praefatus comes debebat obedire, respondit, quod nesciebat inde, quid mandare, cui deberet obedire, quia ipse comes petebat scire, cui Deus volebat ipsum obedire. Sed quantum ad ipsam Iohannam, tenet et credit, quod debemus obedire domino nostro papae, in Roma esistenti. Dicit etiam, quod aliud dixit nuntio praefati comitis, quod non continetur in illa copia litterarum, et nisi idem statim recessisset, fuisset proiectus in aquam, non tamen per ipsam Iohannam. Item dicit, quod de hoc, quod petebat scire, cui Deus volebat, quod ipse comes obediret, ipsa respondit, quod nesciebat; sed ei mandavit plura, quae non fuerunt posita in scriptis. Et quantum est de ipsa, credit in dominum papam, qui est Romae.

Interrogata, quare ipsa scribebat, quod daret alias responsum de hoc, ex quo credebat in illum, qui est Romae, respondit, quod responsum, per

eam datum, fuit super alia materia, quam super facto trium summorum pontificum.

Interrogata, an dixerat, quod super facto trium summorum pontificum haberet consilium, respondit, quod nunquam scripsit nec fecit scribi super facto trium summorum pontificum. Et hoc iuravit per suum iuramentum, quod nunquam scripsit nec fecit scribi.

[7]. ...Item dicit, quod, antequam sint septem anni, Anglici dimittent maius vadium, quam fecerint coram Aurelianis, et quod totum perdent in Francia. Dicit etiam, quod praefati Anglici habebunt maiorem perditionem, quam unquam habuerunt in Francia, et hoc erit per magnam victoriam, quam Deus mittet Gallicis.

Interrogata, qualiter hoc scit, respondit; "Ego bene scio istud per revelationem, quae mihi facta fuit, et quod ante septem annos eveniet. Et bene essem irata, quod tantum differetur". Dixit etiam, quod illud per revelationem scit, aequè bene, sicut sciebat, quod eramus tunc ante ipsam.

[8]. ...Interrogata, quale signum dedit regi suo, quod ipsa veniebat ex parte Dei, respondit: "Ego semper vobis respondi, quod non mihi extrahetis illud ab ore. Vadatis sibi petitum".

Interrogata, an iuraverit non revelare illud, quod ab ea petetur, tangens processum, respondit: "Ego alias vobis dixi, quod non dicam illud vobis, quod tanget id, quod vadit ad regem nostrum. Et de hoc, quod vadit ad ipsum, non loquar".

Interrogata, si ipsa scitne signum, quod dedit eidem regi suo, respondit: "Vos non scietis hoc de me". Et tunc, quia fuit ei dictum, quod hoc tangebatur processum, respondit: "De hoc, quod ego promisi tenere bene secretum, ego non dicam vobis illud". Et ultra dixit: "Ego promisi in tali loco, quod non possim vobis dicere sine periurio".

Interrogata, cui hoc promisit, respondit, quod sanctis Katharinae et Margaretae promisit, et hoc fuit ostensum regi. Item dicit, quod hoc promisit duabus sanctis praedictis absque hoc, quod requirent. Et ipsamet Iohanna ad requestam sui ipsius hoc fecit, quia nimis multae gentes hoc petivissent ab ea, nisi illud praedictis sanctis promississet.

Interrogata, utrum, quando ostendit signum regi sui, erat alijs ab eo in eius societate, respondit, quod aestimat alium ibi non fuisse, quamvis satis prope essent multae gentes.

Interrogata, an ipsa viderit coronam supra caput regis sui, quando ipsa monstravit ei signum, respondit; "Ego non possum vobis dicere sine periurio".

[9]. III. Martii. Sexta sessio

...Interrogata, an ipsa viderat vel fecerat fieri aliquas imagines vel picturas ipsiusmet et ad suam similitudinem, respondit, quod vidit in Atretrato unam picturam in manu cuiusdam Scoti et ibi erat similitudo ipsius Iohannae omnino armatae, praesentantis quasdam litteras suo regi,

cum uno genu flexo. Et dixit, quod nunquam vidit aut fecit fieri aliam imaginem vel picturam sui.

Interrogata, utrum in domo hospitis sui in villa Aurelianensi erat una tabula, ubi depictae erant tres mulieres et in ea descriptum: "JUSTICE, PAIX, UNION", respondit, quod de hoc nihil scit.

Interrogata, utrum ipsa sciat, quod illi de parte sua fecerunt fieri servitium, missam et orationes ad honorem ipsius, respondit, quod nihil scit et, si ipsi fecerunt aliquod servitium, non est de praecepto eius; tamen si oraverint pro ipsa, videtur sibi, quod non male faciunt.

Interrogata, utrum illi de parte sua credant firmiter ipsam esse missam a Deo, respondit: "Ego nescio, utrum credant, et me refero ad animum ipsorum. Sed si non credant, tamen ego sum missa a Deo".

Interrogata, utrum ipsa credat, quod illi habeant bonam credentiam, credendo ipsam esse missam a Deo, respondit: "Si ipsi credant, quod sum missa a Deo, non sunt de hoc abusati".

Interrogata, anne cognoscebat animos illorum de parte sua, quando osculabantur pedes, manus et vestimenta ipsius, respondit, quod multi libenter videbant eam et tamen osculabantur manus eius, quantum minus ipsa poterat; sed libenter pauperes veniebant ad ipsam, quia eis non inferebat displicentiam, imo potius iuvabat ad supportandum eos.

[10]. X. Martii. Prima vice in carcere

...Interrogata, utrum, quando fecit illam salitionem, transiverit per pontem Compendii, respondit, quod transivit per pontem et per boulevardum, gallice BOULOVART, et ivit cum societate gentium de parte sua supra gentes domini Iohannis de Luxemburgo, et eos repulit bina vice usque ad castra seu logias Burgundorum; et in tertia vice usque ad medium itineris. Et tunc Anglici, qui aderant, praesciderunt iter ipsi Iohannae et suis gentibus; et ipsa se retrahendo fuit capta in campis ad illud latus, quod est versus Picardiam, prope dictum boulevardum. Et inter locum, in quo capta fuit, et Compendium erat riparia media et boulevardum cum fossato ipsius; nec aliud mediabat.

ПРИМЕЧАНИЯ

Протоколы обвинительного процесса Жанны д'Арк (1431) вели на французском языке. Эта французская редакция утеряна в большей части. Сохранилась латинская редакция, составленная на основе первоначальной вскоре после гибели Жанны д'Арк. Язык источника изобилует галлицизмами.

1

exhortatio – “увещевание”

officium – “служение”

agitur – как юридический термин

processus – в значении, которое получил термин в новых языках
caritative = humaniter
negotium – в юридическом смысле
exoneratio – “очищение”
propriae conscientiae – то есть д’Арк
in materia fidei – “по вопросам веры”
subterfugium – “увертка”
cautela – “хитрость”

2

praestare = ut praestaret
iudicialiter – “в судебном порядке”
quatenus = ut
me interrogare = me interrogari
poteritis – как вспомогательный глагол
petere = interrogare
concernere – “иметь отношение”
quod... iuraret – косвенная речь в виде дополнительного предложения
Francia – средняя часть Франции в противоположность ее восточной окраине, откуда была родом Жанна
Karolo – Карлу VII
eidem = sibi
consilium suum secretum – святые, которые являлись перед Жанной во время видений
et quod... revelare – многие ответы Жанны неясного содержания, но в них звучит твердая уверенность в окончательной победе над врагами Франции
infra octo dies – “через неделю”
vicibus repetitis – многократно повторявшимися требованиями судьи добивались от Жанны ответов и действий, на которые она сначала не соглашалась
nos episcopus praedictus – епископ Бовэ, руководивший процессом
eamdem = eandem
quod vellet = ut vellet
missale – “миссал”, то есть книга, фиксирующая церковные службы, которые исполняются во время мессы

3

posito = dato
in partibus suis = loco natali
Iohanetta – ср. франц. Jeannette
Dompremi – Домпреми
eadem cum – выражение говорит о слиянии двух сел
Grus – по-новому Greux

locus = villa
principalis ecclesia – “главная церковь” (ей были подчинены другие приходские церкви)
patrini et matrinae – “крестные отцы и матери”
Pater noster, Ave Maria, Credo – названия молитв
didicit credentiam – “уверовала в бога”
notabiles viri – “нотабли”

4

a carceribus = e carcere
infra castrum Rotomagense – “в руанском замке”
licentia – “разрешение”
convictus de crimine = c. criminis
inhibitio = prohibitio
sibi = ei
incarceratus – “узник”
prisonarius = incarceratus (le prisonnier)
committere – “назначать”
nostri regis – английского короля Генриха VI
finaliter – перед закрытием заседания
dies iovis – “четверг”
immediate – “непосредственно” (immédiat)
de mane = mane
camera paramenti – Chambre de Parade (парадная зала)
butum – le bout (край, граница, предел)

5

comitiva – “войско”
posuit eam in opus – “поручил ей действовать”
bastilia – la bastille (укрепление, замок)
bastilia sancti Lupi, bastilia Pontis – замки, построенные англичанами у Орлеана для его осады
securus – “уверенный”
utrum dixeritne – один из союзов – лишний
insultus – “нападение”
gentes – les gens (войско)
quod reciperet – “что будет принимать на себя” (удары метательных снарядов). Здесь инквизиция пытается обвинить Жанну в колдовстве
viriones – “стрелы из арбалета”
lapides – “ядра”
canones – les canons (пушки)
dato = facto
de una sagitta = sagitta
confortatio – “утешение”

sancta Katharina – святая, которая являлась перед Жанной во
время видений
XV dies – “две недели”
hoc non obstante – “несмотря на это”
dicens – вместо личной формы
altum – существительное
ut supra = ut supra dictum est

6

comes Armiginiaci – Граф Арманьяк
pro sciendo – “с целью узнать” (то есть стремился узнать граф)
cui... pontificum – церковный раскол был устранен окончательно
в 1429 г.
factum = res
quod... daret responsum – уклончивый ответ Жанны объясняется
тем, что она не интересовалась расколом
Parisius – звучит уверенность в близком освобождении Парижа
от врагов
sopia – “копия”
illa – предикативно
rex regum – титул французского короля
de hoc tenere – “придерживаться в этом вопросе”
faciebat dubium = dubitabat
inde – “относительно этого”
quid mandare = quid mandaret
cui Deus volebat, quod ipse comes obediret (cui Deus volebat ipsum
comitem obedire) – анаколуф

7

antequam sint septem anni – “не пройдет и семи лет”
vadium – “залог” (сравнение из практики поединков, когда по-
бежденный терял залог, который выставляли стороны перед
началом поединка)
et quod = et scio, quod
et bene essem irata, quod tantum (=in tantum)
differetur – “и я готова негодовать, что победа может настолько
задержаться”

8

sibi = ei (ad regem)
in tali loco – то есть в присутствии святых
requirent – то есть святые
ad requestam sui ipsius – “по собственному побуждению”
ab eo = ex parte eius

in eius societate – “при нем”
aestimatus = putatus

9

imagines vel picturas – “изображения или портреты”
Attrebatum – Аррас
Scotus – “шотландец”
omnino armatae – “в полном вооружении”
hospitis sui – имеется в виду хозяин дома, в котором останавли-
валась Жанна
villa – “город”
Justice, Paix, Union – “Справедливость, Мир, Единение” (франц.)
illi de parte sua – “ее сторонники”
servitium, missam et orationes – “службу, мессу и молитвы”
bona credentia – “истинная вера”
abusare – abuser (франц.)
quantum ipsa minus poterat – “хотя она старалась этого не до-
пускать”
ad supportandum – плеоназм

10

salitionem – “вылазку” (из осажденного Компьена, во время кото-
рой Жанна была захвачена в плен)
Compendium – Компьен
boulevardum – “вал”
Iohannes de Luxemburgo – Иоанн Люксембургский руководил оса-
дой Компьена
bina vice – “дважды”
logiae = castra
praescindere – “отрезать”
fluviana – la rivière (франц. “река”)
media – плеоназм
mediare – “отделять”

VIII. Iohannes de Thurocz. Chronica Hungarorum

Caput VIII

De bello regis Sigismundi, sub castro Maioris Nicapolis infeliciter
gesto

Regnante feliciter quondam rege Lodowico inter Graecos ingens ex-
orta dissensio intestinis graviter fluctuabat discordiis. Duo enim erant
Graecorum domini. Etsi non eisdem parentibus orti, uterque tamen se

imperiali de parentela natum esse et ex hoc ius domini ad se pertinere asserebat. Nec minus caeteri Graeci hos quisque suo pro libitu amabant, pariter et sequebantur; pro incertoque imperatoris nomine civili bello pugnaciter dimicabant. Et cum alter horum suam partem deficere vidit, ulciscendi libidine captus, Amratem primum, Turcorum caesarem, postquam regnare coeperunt, tertium, ad suas partes adiuvandas pretio pariter et promissis ex Asia in Graeciam accersivit. Neque enim magnae fuit difficultatis caesari id persuadere, qui, ad haec antea accensus, totis viribus instabat. Hunc itaque et eius copias per mare Hellesponti cum ea conditione in Thraciam navali officio traduxit, ut confecto bello rursus navigio remitteretur. Hoc pacto Turcorum gens ex Asia in Europam migravit. Haec Transversa Graecorum opera rogam inextinguibilem, Europaeas per partes assidue flagrantem, succendit nostrarumque miseriarum frutices, nostris in agris affatim pullulantes, germinavit. Nam ipse Amrates non id, quod promisit, sed quod sibi prodesse posse sperabat, animoolvebat. Semper enim bellum conferendum per occasionem in dies protrahebat, ut Graecos mutua caede fractos ille integer adoriretur ac facilius superaret, pariter et opprimeret. Nec illum sua fefellit opinio. Ubi enim diuturno bello Graecos deficere, domesticisque opibus evacuatos, sibi ipsis parvo iuvamine esse sensit, mox occasione adinventam in illos arma convertit, occupatoque peropportune Gallipoli oppido, ad fretum Hellesponti situato, caetera Graeca oppida obsidione petere agrosque vastare et cuncta passim invadere non destitit, quousque magnam partem suae ditioni subiecit. Ex hinc rebus Turcorum in dies augescentibus, rege Lodowico vita functo habenisque Hungaricis in Sigismundum regem devolutis Pasaythes, et ipse caesar Turcorum, patre Amrate peracri ingenio non minus idoneus et in tentandis rebus arduis magis audax, brevi spatio temporis Thraciam universam, Thessaliamque ac Macedoniam, Phocidem, Boeotiam et Atticam tum vi, tum deditione capiens, sui domini fecit. Miso quoque, quos nos Bulgaros vocamus, regis Sigismundi sub ditione constitutos, armis infestis aggressus est. Ad hunc Pasaythem rex suos caduceatores misisse, utque ab invadendo regno, sibi iuris vigore attinente, desisteret, eidem intimasse, illum vero per occasionem interim, donec tota Bulgariae terra potitus est, relationem distulisse, tandem diversitatem armorum, framearum puta ac clypeorum, nec non pharetrarum, quibus Turci in hostes utuntur, singulos per parietes unius domus appendi fecisse introductisque regiis caduceatoribus ad illos dixisse fertur: "Revertimini ad regem vestrum et dicite illi. quoniam et ego terram ad hanc, ut videtis, ius habeo sufficiens". Pariterque et illis in parietibus pendentia manu ostendit arma. Haec res Sigismundi regis animum non parum ulciscendi in timorem excitavit. Quapropter sui regni decimo, dominicae autem incarnationis MCCCXCVI anno commota universa sui principatus armorum virtute ingentem conflavit exercitum. In quam quidem regiam expeditionem tam grandem dux Burgundiae inter alias nationes, ac Francorum sive Gallorum populus arma non pauca fortiaque virorum bellatorum agmina advexerant. Quorum nobilitatis armorum

insignia, Budae in claustro sancti Nicolai confessoris erga fratres praedicatorum, tabulis arte pictoria inscripta ac parietibus affixa, meos usque ad annos pro memoria steterunt. Mota igitur rex Sigismundus tam grandi sui exercitus congregatione Danubium transivit et nedum Turcorum timeret caesarem, verum quidam ipsum dixisse ferunt: "Quid metuendus est nobis homo? Vastum si caelorum super nos pondus rueret, ipsi illud nostris, quas gerimus, hastis, ne laederemur, sustentare possemus". Regno tandem Rasciae crudeli furore, in magna rerum direptione horribilitatisque strepitu nimio pertransito Bulgariae venit ad oras. Inde oppidis Orizzo et Bidinio aliisque partium earundem munitionibus nonnullis, Turcorum quas tutabatur bellicosa manus, non sine sui et suorum multa sanguinis effusione expugnatis, ad ultimum ea ipsius anni aetate, cum vites suis fructus dulciores cultoribus reddebant, circa festum videlicet sancti Michaelis archangeli, in campo castri maioris Nicapolis sua castra fixit. Turci vero crebrius de castro erumpentes regium exercitum in se provocabant, nonnullosque vulnerantes, saepius vulnerati, redibant. Caesar autem Turcorum, quem nostri seniores Pasaythem supradictum nominavere, Nicolaus autem Secundini, de familia et origine Turcorum ad Aeneam Senarum episcopum scribens, eundem Chalapinum fuisse posuit, dum regem grandi bellico cum apparatu sua in dominia penetrasse audivit, non minus omne gentis suae robur in arma concitavit et in forti suorum manu, regiae obsistere expeditioni conatus, appropinquabat. Galli vero sive Franci, advenientis hostis fama pulsati, regem adeuntes et eum, belli primitias, quae maiori fervere solent atrocitate, illis in se excipere ut annueret, rogatum effecere. Dum igitur Caesar ipse, frementibus undique suis agminibus magnam vim paganorum secum trahens, regis opponi castris visus est, mox Franci, praecipienda pugnae insolenti cupiditate capti, priusquam universae regales copiae instructis ex ordine aciebus, signis collatis proelium inirent, e castris prosilientes et praecipites ab equis, ut eorum moris est, pedites certaturi, descendentes, contrarias irruerunt in turmas. Dico itaque bello hostes inter utrosque vigente, cum Hungari sellatos Francorum equos cursu transverso regia petere castra conspiciunt, nondum enim illorum bellandi usus ipsis notus erat, illos omnino hostilem per manum extinctos fore credentes, graves dissoluti in tumultus, castra pariter et bellica relinquentes ingenia, campo undique fusi hostibus acriter insistentibus in fugam convertuntur. Strages fit maxima. Multi cecidere de Hungaris, et multi captivitate affecti. Et nisi ipse rex navis ministerio sibi adinvenisset salutem, non caelo, velut elatus princeps dixisse fertur, sed hostis armis ibidem obrutus fuisset.

Caput XV

De bellis Sigismundi regis, contra huzistas actis, et combustione
Iohannis Huss

Rex vero Sigismundus, qui ex suscepti Romani regiminis officio fidem catholicam tutari tenebatur, maxime autem, quia natalem eiusdem terram

dicti huzistae, magnam in vim conglomerati, vastabant, contra suae sectae alienos igne et gladio atrociter dimicantes, contra eosdem armatum tum Hungaricae, tum vero Germanicae gentis non semel suscitavit robur soloque et populo hereditario non parcens, magnas in regno Bohemiae edebat vastitates. Non ergo illi flectebantur, sed semper quasi in nomine sanguinis Christi certaturi, pro armorum insigniis in vexillis, et scutis ac clypeis, aliisque bellicis utensilibus imaginem calicis arte pictoria scribi facientes, duce quodam Syska, homine robusto et monoculo, turmatim procedebant et in se saevientes acrius saeviebant; et tum in religione, tum vero rebus in humanis confusio regno in eodem erat ingens. Pugnatum est ea de causa partes inter utrasque cum magno discrimine personarum saepius, maxime autem, cum una dierum uterque hostis in campo non remote ad civitatem Urburorum, Kothumbanya vocatam, convenissent. Pars non cessit sine ingenti strage parti. Diu igitur populo in utroque ancipiti bello fervente, et multis ex utraque parte cadentibus, ultimatim Syska superiore, rex, campum deserens, terga vertit et simul sum suis, qui superstites erant, fugiens, hosti tum res, tum animi ferocitatem redditit. Cum igitur rex Sigismundus huius rabiem perfidiae vi se compescere minime posse arbitratus est, universalis dogmate concilii tantam suffocare pestem satagens, illam Constantiensem celeberrimam universalis Christianae religionis synodum celebrari procuravit. Ubi praefatus Iohannes Hus et Hieronymus, discipulus eiusdem, haeresiarchae videlicet praedicti, concilio in eodem simul cum dogmatibus reprobati, damnati et ignis incendii supplicio exterminati fuere. Non ergo regno Bohemiae in praedicto per ipsos seminatae pestis fomes cessavit hanc nostram usque ad aetatem.

Caput XXII

De rusticis regibus, in regno subortis

Hos ante annos in regno Hungariae duo rusticana bella autoribus quibusdam rusticis, altero Anthonio, altero vero Martino vocatis, non tamen uno eodemque tempore strepuere. Horum unus, puta Anthonius, in transsilvanis regni partibus, alter autem, videlicet Martinus, in terra Nyr et Zamosköz, magna rusticorum vi collecta, et nomine regio sibi usurpato, ac vexillis elevatis ingentibus, velut inundatio quaedam, erumpentes viribus et regnum ipsis subiicere satagentes, huc et illuc ferebantur nobilesque universos, sibi occurrentes, interficiebant; ad villas et oppida, ut illis adhaerent, nuntios cum sanguinolentis gladiis mittebant; nolentes vero inclinari praedae pariter et morti exponebant. Et in tantum rusticana haec potentia creverat, quod et armati illos aggredi pavitabant. Tandem multa procerum expeditione contriti et debellati sunt, poenasque condignas dedere. Nam regibus ipsis morte mulctatis

caeterorum, qui evadere nequibant, alios oculis, alios naso et labiis, alios vero manibus damnificavere.

Caput XXX

De dominis quibusdam, novo regi adhaerentibus, et curia, pro parte eiusdem Budae celebrata

... Erat tunc in regno miles magnanimus, nobili et claro transalpinæ gentis de gremio natus, Iohannes de Hunyad, homo bellicosus et ad flectendum arma dirigendasque res bellicas natus; et sicut piscibus aqua cervisque umbrosas lustrare silvas, sic illi armorum bellique expeditio vita erat. Hunc hominem, ut dici praesumitur, futura regni pro tutela rebus per ipsum gestis testantibus fata ab alto elegerant peregrinisque de partibus regni Hungariae deduxerant intra oras. Fertur enim, quod rex Sigismundus, virtutis nomine genitoris militis huius pulsatus, illum partibus de transalpinis suum traduxisset in dominium sui regni illum incolam effecisset; et nihilominus digna perpetuaque eundem munitionis Hunyad possessione, ubi nunc castrum nobile aspectuque delectabile erectum est, dotasset. Praefatus igitur Iohannes de Hunyad, semper sui superioris lateri adhaerendo, cum iam de virtute in virtutem crevisset, a minoribusque regni officialatibus, quorum usque ad tunc fretus fuisset honore, successivo incremento in tantum claruisset, quod ad wayvodatum partium regni transsilvanarum suum extulisset titulum, vir in regno non parum potens, et ipse regi Vladislao adhaesit. Fit igitur pro parte regis Vladislai cunctorum regni procerum convocatio; et Budensis civitas multorum adventu nobilium fervet; plebsque, semper novo de principe gaudere solita, civitatis per plateas laeta fronte ferebatur. Venerant etiam ad hanc congregationem salvi conductus sub praerogativa dominus Dionysius, cardinalis supradictus, et Ladislavus de Gara, banus, pluresque magnates, quos reginalis magis, quam novi regis dilectio trahebat. Hi caeteris cum regnicolis castrum regale cum adissent, mox portae, quae illos susceperant, eosdem remittere negarunt tamdiu, quousque novo regi fidelitatem servandam proprio sub iuramento promiserunt. Quibus peractis Ladislaus de Gara interim dimissus est minime, donec arcem Wissegradiensem, quam, ut praemissum est, tenebat, compulsus regi Vladislao restituit.

Caput XL

De exacta a Turcis iniuriarum talione per dominum wayvodam Iohannem et bellis eiusdem felicibus, sex vicibus gestis

His rebus occurrentibus regimen ipsius regis Vladislavi in dies corroborabatur et in augmentum transibat. Cum igitur rex ipse regalium atriorum altis sub tectis castro in Budensi quietus resideret, dominus Iohannes vayvoda illum ad inferendum Turcis bellum ad propulsandasque per ipsos crebris vicibus Hungariae illatas iniurias animavit et induxit.

Quare ipse rex Vladislaus Tertio sui regni, anno grandi et sumptuoso egrogiorum militum conflato exercitu una cum ipso domino Iohanne wayvoda pluribusque sui regni principibus, et Georgio, regni Rasciae dezpoto sive rege (is enim ad tunc sui principatus de dominio eiectus erat), Danubium transiens, pervenit in Rasciam. Ibi regi Vladislao stativa figere castra ac terras, Turcorum dominio subiectas, ad interiores summum sui exercitus capitaneum, dominum Iohannem de Hunyad wayvodam mittere placuit. Disiuncta igitur exercitus sui omni expeditione binas in partes partem illam, quae armorum gestamine militarique virtute praestabat, ipsi domino wayvodae assignavit. Ducebat praeter haec ipse dominus wayvoda plurima militum agmina, quorum bello docta manus victricibus armis iam pluries hostem verterat in fugam. His itaque dominus wayvoda comitatus regno Rasciano sive Serviae pertransito cunctum Bulgariae regnum, quod annis ab antiquis caesar Turcorum detinet, usque ad confinia Romaniae peragravit, omneque vivens, quod sibi et suis occurebat ab homine usque ad pecus aut capiebatur, aut interficiebatur; civitates, castra et domicilia Turcorum quaelibet expugnabantur, et praecipitem per ruinam evertabantur, flagrantisque ignis impetu consumebantur. Inter quae et civitas illa famosissima Thermarum, Sophia denominata, populo et divitiis referta, capta et direpta est ignitasque extitit redacta in favillas. Tot ergo civitatum et oppidorum incendia, altum eructantia fumum, omni Romaniae et cunctis Turcorum caesaris dominiis, quae marinis non confidebant in aquis, terrori erant. Occurebant inter haec domino wayvodae multa hostium millia, per caesarem Turcorum illius in contrarium destinata. Quapropter quinque vicibus cum hoste, semper maiori in numero sibi occurrenti ipse dominus wayvoda atrocissima gessit bella. Et semper victor evadens, dum iam summa triumphum cum gloria redeundo rursus Rascianum attigisset agrum et in illo castra metatus esset, nuntiatum est illi innumerabilem Turcorum super ipsum venire multitudinem. Caesar enim Amrates praedictus tanta sui domini depopulatione admodum exacerbatus, omne, quod erga curiam suam in armis optimum erat, totamque regni sui militiae speciem magno belli cum apparatu exigendae ultionis gratia convenire mandarat et hanc sui exercitus expeditionem bassae Natuliensi, affini suo, commiserat dirigendam. Hic dominum Iohannem wayvodam eadem via, qua ipse Bulgaricis de oris exierat, sequebatur. Et cum aliquos de Hungaris aut vulneribus confossos, aut infirmitate gravatos ipsius domini wayvodae hesternorum in loco castrorum relictos inveniebat, iubebat illos suum ad caesarem vinctos deferre, exprobrando nihilominus illi: videat, inquit, quam miserabiles suum intra regnum ipsum territent personae. Ad haec ipse caesar ei ita fertur respondisse: "Redeas felix, ut opto; cum autem redieris, quae sunt illae personae, quas ipse fugio, solus mihi certius dices". Dum vero in tantum deventum est, ut uterque hostis, nocturnae deditus quieti illucescente aurora mutuas tympanorum audiret resonantias, pertimuit ipse dominus Iohannes wayvoda, ne hostis declinans ab eo regia irrueret super castra. Mallens igitur impetus illius in se experiri,

tantis belli ex laboribus fesso milite ultro se illi obviam dedit. Cum autem ingentem paganorum multitudinem ex adverso sibi opponi vidit, pavore quodam concussus est, omnesque exercitus eius milites timore non modico trepidabant. Non ergo ipse dominus wayvoda terga vertit, sed timore concussas sui militis acies seriatim hosti exhibens, animabat illos, dicens: "Constantes estote et prius vitam, quam consuetum perdamus nomen victoriae. Quid trepidatis hostem multitudine tumescentem? Nonne iam saepius animum eius tentastis; et qui totiens fugit, Deo propitio et nunc fugari potest. Si autem cuiquam ex vobis mors crudescit, non curet. Nam si mecum aut cum sociis pransus est, cum Christo coenabit". Et his dictis maius agmen, quod suae deputaverat ductioni, movens, irruit super hostem. Quo viso caetera agmina ducem eorum imitata sunt. Quare bellum per utramque partem in multo vincendi desiderio committitur, non tamen aequa sorte pugnatum est. Nam ipse bassa et omnis ipsi commissa Turcorum multitudo mox in primo impetu congressus terga verterunt et praecipiti se commiserunt fugae. Hungari vero hoc viso multa cum severitate persequabantur illos, et, quem celer equi sui cursus ab instanti non eripiebat morte, cruentum per examen vita excedebat. Plurima igitur ibidem millia paganorum cecidere. Nam Hungaris captivare illos fastidio erat, quapropter omnes, quos fugientes praevenire poterant, multis confossos vulneribus interficiebant. Duravit haec persecutio a vespertina hora incipiens mediam usque ad noctem. Bassa enim ipse certamen ea diei in parte propterea praelegerat, ut, si bello superaretur, saltem nocturnae obscuritatis per remedium ab hoste eriperetur. Sed haec adinventio profuit ei minime. Nam lunari sidere pleno noctem eandem suis radiis illustrante bassa ipse captus ac in multa tubarum voce noctis circa medium in castra Hungarica ad tentorium domini wayvodae Iohannis deductus est. Sicque ipse dominus wayvoda sex bellis praecipuis, una et eadem via felici exitu gestis, quinti mensis, postquam de Hungaria exierant, revolutione trasacta exercitum, ingenti hominum rerumque praeda onustum, regia ad castra incolumem reduxit in signumque victoriae multa hostis vexilla sive banderia regi obtulit. Haec, postmodum gloriosissimae virgini Mariae, regni Hungariae patronae, oblata, in ecclesia eiusdem, civitate in Budensi constructa, futura pro memoria proque eiusdem virginis gloriosae laude nostrum usque ad aevum dependentia, tantis victoriis, ipsi domino wayvodae caelitus datis, fidem perhibebant et, nisi mollem illorum pannum pulvis vetustasve consumsisset, suspensa dependerent ibidem usque ad hunc diem.

Caput XLI

De treugis, inter regem Vladislaum et Turcorum caesarem firmatis, et de restitutione regni Rasciae

Ex his tot illustribus triumphis totque praeclaris victoriis id accessit, ut caesar ipse Turcorum Amrates, tremefactus, missis caduceatoribus erga regem, et dominum wayvodam pro treugis instanter laborarit.

Rex igitur Vladislaus solennem suorum magnatum consuetudinem in civitate Zegediensi celebrari statuit. Ad quam undique multo regni nobili conflente venerunt et a caesare missi wayvodae Turcorum duo ad componendas treugas praescriptas idonei. Conventum est ergo decem annorum de induciis; et ex parte regis bassa Natuliensis dimittitur. Caesar quoque Turcorum castrum Zenderew caeterasque cunctas Rasciani regni munitiones, quot et quas ante haec Georgio dezpoto demerat, eidem restituit. Et hae quidem induciae iuramentis firmatae extitere. Dominus enim Iohannes wayvoda pro rege et pro se proque omni Hungaricae plebis parte, dicti vero Turcorum waivodae pro caesare eorum, ac cuncta domini eiusdem plebe tam dictarum decennialium treugarum, quam aliarum rerum, tunc firmatarum, pro observatione realia deposuerunt iuramenta, quae utinam nunquam deposita fuissent. Nam postea treugis per regem et dominum wayvodam inducente praefato domino Iuliano cardinali ruptis, velut quondam Pompeio, qui omnium hominum victoriosissimus evaserat, postquam equos in porticu templi Hierosolymitani stabulavit, gloria victoriae demta est, sic et bellicae res ipsius regis Vladislavi et domini wayvodae in antea aliam commutatae sunt in sortem. Valuit tamen harum compositio induciarum dezpoto. Cum enim Rasciani regni de dominio eiectus fuisset penitus, his treugis intervenientibus in dominum, qui prius erat, restitutus est.

Caput XLII

De bello domini Vladislavi regis, in partibus Romaniae circa oppidum Warna prope ad littora maris commisso, et de interitu eiusdem

His igitur rebus hac via in hunc finem perductis dominus Iulianus cardinalis omni suo posse apud regem apudque dominum wayvodam instabat, ut rupto induciarum foedere Turcorum caesarem armis invaderent. Dicebat enim, quod promissa fides infidelibus servari deberet minime; Deoque iniuriosum aiebat, quod ipsi nobilem illam, eis divinitus datam ecclesiasticae religionis contra hostes, victoriam ingrato tractarent corde, ac Dei voluntatem, quae in hostem exequi deberet, hostis commutassent in voluntatem. Impulit ergo illos crebris persuasionibus illicitum ad facinus et viros, quos mars ferrumve totiens vincere nequivit, molli tantum lingua vicit. Multos enim Christianorum principes eisdem armorum ferre opem pollicebatur; de Bulgariaque, ac de Albania, et de Thracia, nec non et de illa famosissima imperiali urbe Constantinopolitana magna militum subsidia ipsis venire dicebat. Id ipsumque et principes, idem ac dictorum regnorum incolae promittebant. Paruerunt tandem, tanta sollicitati fiducia, ac mox multo stipendiario milite conclamato bellicisque castris coaptatis, et pluribus regni magnatibus comitati, circa castrum Orsowa Danubio transnavato hostilem in terram se ingesserunt. Moventur ergo castra dietim de loco in locum, et omnis hostilis ager, qui occurebat, fumanti incendio et rerum direptione vastabatur. Castra et munitiones alia

deditione subiugabantur, alia potenti incursu ferroque expugnabantur. Quapropter magis ac magis introrsum progredi visum fuit, donec regnis Bulgariae et Romaniae pertransitis marina venerunt ad littora romanicae agri oppida, Warnae et Galatae denominata, se sponte offerentia, in deditionem recipere et iuxta eadem castra metati spectabant promissa ipsis venire auxilia. Sed pro dolor! Saepius contigit, dum, propriam domi quis negligit militiam, partibus in peregrinis male armatur aliena. Verum paulo ante multis comportatis spoliis, multis caedibus illatis, ac magna parte dictorum regnorum in ignem et praedam redacta, damnisque plurimis illatis hostilem illaesi poterant declinare congressum; praeteritae tamen ipsos, hoste ab eodem reportatae, animabant victoriae. Idcirco, temeritate quadam occupati, quamvis promissis frustrati sint auxiliis, incepto propterea a proposito non viso hoste reverti inglorium esse iudicabant et ob hoc ultimum aestatis mensem et quasi omnem autumnum hostili in terra pertractarunt. Tandem mensis novembris die decima, quae scilicet vigiliae festi beati Martini adscripta est, caesar Turcorum Amrates innumerabilibus paganorum cum agminibus, instructis aciebus signisque collatis pugnaturus venit. E converso vero rex et dominus Iohannes wayvoda caeterique Hungariae domini, illic qui aderant, educta omni eorum vi de castris, aciebus, armorum praesidiis resplendentibus, suo ordine distributis et ordinatis, et unicuique aciei duce deputato statuerunt, ut unamquamque aciem sui currus eadem velocitate tempore congressus sequi deberent. Hosti enim erant impares. Metuebant ergo, ne ante pugnantes per hostem ultima acierum in parte invaderentur. His igitur hac serie compositis deus ab alto ibidem ipsis futurae signum ostendit calamitatis. Nam statim, postquam signa sive vexilla, auro micantia, elevata et initium ventorum, tunc tempestive susurrantium, flatibus extensa sunt, mox ventis eisdem, impetuosum in turbinem concitatis, et invalescentibus, vexilla eadem diversas scissa et dilaniata in partes, altum per aerem volabant. Tandem in multarum tubarum et tympanorum, parte ab utraque resonantium, sonitu Turcorumque magno clamore exuberante uterque congreditur hostis. Franguntur hinc inde lanceae, et in earum fractione multi sternuntur ab equis. Fervet bellum asperissimum. Caedes fit maxima partibus ex ambabus, multo tamen maior ex Turcis. Nullum quippe agmen illorum Hungaricae militaris virtutis impetum sustinere poterat, quin subitam convertebatur in fugam. Sed quia Turcorum longe lateque distenta agmina Hungaricae gentis exercitus in numero ultra, quam sextenario excedebant, parum igitur Hungaris fugitivas illorum acies prosequi proficiebat. Nam redeuntibus illis a persecutione nova agmina occurebant, ac in magno fremitu recenti illos bello vexabant. Consumpta est ergo moribundo in certamine diei pars maxima, et campus undique multis refertus cadaveribus utriusque hosti terrore erat. Quapropter cuncto Turcorum equitatu nutante et fugae intento solis castris caesareis, innumerabilibus peditum agminibus munitis, suo in loco magno cum timore stantibus, ubi rex Vladislaus hostilem equitatum fugere Amratemque caesarem et castra illius terrore concuti vidit,

mox sui capitis pro custodia deputatum movit agmen, domino wayvoda et caeteris parte ex altera feroci bello insistentibus caesaris castra invadere et penitus opprimere aggressus est. Cum igitur densa peditum venit inter agmina, multitudine illorum simul cuncto suo cum agmine obrutus, pariterque et oppressus, ac ibidem interemptus est, et victis iam debellatisque hostibus, neque sibi quidquam de victoria sperantibus, insperatam praebuit victoriam. Quare Hungari campo simul et castris eorum hosti relictis in fugam conversi fuere multis ex eis, qui in persecutione hostium, prius fugatorum, occupati erant, de caeterorum lapsu ignorantibus, qui tandem, persecutione ab eadem regressi, castris ipsorum in praetactis nocturnae se quieti dedere. Cum autem immediate diem tam moestam subsequens nox adventans tenebrarum umbra cunctum operuit orbem, qui nondum per fugam parte ex utraque eorum reliquerant castra, in eisdem proxime advenientis diei usque ad lucem nocturnas duxerunt excubias. Audiebant innumerabiles caesorum, nec mori nec vivere valentium, quibus cunctus circumadiacens campus mortua inter cadavera refertus erat, gemebundas voces et ululatus attonitique lucem diei vix expectabant. Tandem rubescentem post auroram, quae noctis tenebras et diei lucem mediat, dum sol ille clarissimus, cuncta montium supra cacumina evector, diem restituit clariorem, Turci, de fuga hostis dubii, compositis agminibus quibusdam caesareis de castris egressi, castra Hungarica, an sint milite referta, lentis passibus procedentes paulatimque eisdem appropinquantes, diligenti scrutinio tentarunt. Cum autem in illis exiguam quandam hominum vocem immurmurare nullumque ad arma moveri, aut causa belli in campum prosilire animadverterunt, omnis caesareae expeditionis peditatus irruit super illa et eadem, qualibet defensione orbata, e vestigio conterens, evertit cunctis viventibus, qui in eisdem reperti sunt, aut captis, aut interfectis...

ПРИМЕЧАНИЯ

“Венгерская хроника” Яноша Туроци охватывает всю венгерскую историю. Повторяя в первых двух частях в основном “Иллюстрированную хронику”, в последней части она дает оригинальное изложение истории с конца XIV в. и до времени Матвея Корвина. Здесь видное место отведено описанию борьбы народов юго-востока Европы против турецких нашествий. Язык Туроци близок к раннегуманистическому, но отличается витиеватостью.

VIII

Maior Nicapolis – современный Никополь на Дунае
 Lodowicus – король венгерский Людовик Великий
 duo Graecorum domini – Иоанн V Палеолог и Иоанн Кантакузин
 parentela – “род”
 suo pro libitu – “по своему выбору”

amare – “оказывать предпочтение”
 alter horum – Иоанн Кантакузин
 Amrates primus – Мурад I
 caesar – “султан”
 postquam regnare coegerunt – “после установления власти султанов”. Мурад был не третьим султаном, а вторым
 per mare = per fretum
 navigio = navali officio
 transversus – “безрассудный”
 conferre – “давать”
 per occasionem – “под благовидным предлогом”
 opinio = spes
 obsidione petere = obsidere
 ex hinc = hinc
 res – “владения”
 rege vita functo – “после смерти короля”
 devolvi – “переходить”
 Pasaytes – Баязид I
 relatio = responsio
 fertur – от глагола зависят обороты nom. c. inf. и acc. c. inf.
 quoniam – что
 in timorem excitavit – “вызвал страшное желание”
 principatus – “государство”
 dux Burgundiae – вернее, сын герцога Филиппа, впоследствии сам герцог, Иоанн Бесстрашный
 virorum bellatorum agmina – “рыцарские полки”
 advehere – “привести”
 armorum insignia – “гербы”
 claustrum – “монастырь”
 fratres praedicatorum = fratres ordinis praedicatorum
 Rascia – Сербия
 in magna rerum direptione – совершая большие грабежи
 strepitu – плеоназм
 Oriszo et Vidinio – Орехово и Видин, пограничные пункты Болгарии
 bellicosa manus – “военная сила”
 castra figere = c. ponere
 seniores – старые писатели
 posuit – “решил”
 de familia et origine – хендиадис
 Aeneas – гуманист Энеа Сильвио Пикколомини, папа Пий II
 Senarum episcopus – епископ сиеннский
 dum audivit = cum audivisset
 rogatum efficere = rogare
 belli primitias – “первый удар”
 opponi – “подходить”

signis collatis – “в открытом бою”
ab equis descendere = ex equis (equis) d.
sellati – “оседланные”
dissoluti in tumultus – “охваченные смятением”
bellica ingenia – “пушки”
captivitate affecti = capti
navis ministerio = in navi (nave)
adinvenire – “находить”
princeps – “государь” (Сигизмунд)

XV

Romanum regimen – “управление Римской империей”
natalem terram – то есть Чехию, домен династии
conglomerati – “собравшиеся”
utensilia – “снаряжение”
calix – “чаша” (отсюда чашники, или каликстинцы)
in se – зависит от saevientes
saevientes – зависит от подлежащего
discrimen personarum – “людские потери”
non remote ad – “вблизи”
urbura – королевские права на золотые и серебряные копи
Kothumbanya – Кутна Гора
ultimatim = tandem
animi ferocitatem reddidit – “уступил в смелости”
universalis dogmate concilii – “постановлением вселенского собора”
universalis religio – “единая религия” (католическая)
celebrare – “проводить”
Hus – в представлении автора, созыв собора и сожжение Гуса
последовали за войнами Сигизмунда
incendium – “сожжение”
exterminare – “уничтожать”
ergo – “однако”
fomes – “очаг”
cessare – погаснуть”

XXII

suboriri – “появляться”
ante – “после”
erumpere – “подниматься”
expeditio = exercitus
damnificare – “лишать”

XXX

novo regi – Владиславу III, королю польскому и венгерскому

curia – государственное совещание
pro parte – “со стороны”
transalpinus – валахский
de gremio natus = gremio ortus
flectere – “скрещивать”
dirigere – “направлять”
dici – подлежащее сравнительного предложения, которое следует перевести “наперед говоря”
nihilominus – “кроме того”
perpetuus – “наследственный”
dotare – “награждать”
superioris = patris
de virtute in virtutem = virtute
officialatus – “должность”
wayvodatus – “воеводство”
convocatio = curia
nobiles – “дворяне”
congregatio = curia
salvi conductus sub praerogativa – “под условием неприкосновенности”
cardinalis – “кардинал”
de Gara banus – бан Гараи
reginalis dilectio – “любовь к королеве”
regnicolae – “вассалы”
arx Wissegradiensis – замок Вишеград на Дунае

XL

his rebus occurrentibus – имеются в виду победы Хуняди над турками и смерть королевы Елизаветы, отстаивавшей права своего сына на венгерский престол
in augmentum transibat = corroborabatur
atriorum sub tectis – “под сводами палат”
sumptuosus – “хорошо снаряженный”
principes – “магнаты”
dezpotus – “господин”, “повелитель” (греч.)
dominium – “владения”
capitaneus – “начальник”
disiungere – “делить”
expeditio – “военные силы”
armorum gestamine – выражение говорит о лучшей оснащенности оружием
Romania – Фракия
impetu – плеоназм
redigere – “превращать”
quae... in aquis – то есть европейские владения

illius in contrarium = contra eum
destinare – “направлять”
Amrates – Мурад II
curia – “двор”
totam speciem = omnem s.
belli cum apparatu – намек на пушки
exigendae – плеоназм
bassa Natuliensis – паша анатолийский
devenire – “сходиться”
deditus quieti – “после покоя”
declinans ab eo = d. eum
mallens = malens
seriatim – “один за другим”
tumescere – “кичиться”
ductio – “командование”
fastidium – “отвращение”
praevenire – “настигать”
praeeligere – “предпочитать”
lunare sidus = luna
in multa tubarum voce = in voce tubarum multarum
revolutio – “ход”
banderia = vexilla
consumsisse = consumpsisse

XLI

de treugis firmatis = de induciis factis
consuetudo = curia (convocatio)
civitas Zegediensis – Шегедин
Zenderew – Семендрия (к востоку от Белграда)
quot – плеоназм
plebs = populus
realia deposuerunt iuramenta = praestiterunt iuramenta
demta = dempta
Iuliano – Джулиано Чезарини, папский легат, отличившийся жестокостью во время гуситских войн
in antea – “впредь”
aliam in sortem – “на неудачу”
valere – “пойти на пользу”

XLII

in partibus Romaniae – Варна находилась на территории старого римского диоцеза Фракии
posse – в роли существительного
iniuriosus – “дерзновенный”
ecclesiasticus – зд.: “христианский”

mars ferrumve – хендиадис

Thracia – остатки византийских владений под Константинополем

id ipsumque = idem

coaptare – “соединять”

Orsowa – на границе с Валахией

dietim – “каждый день”

fumanti – плеоназм

incursu ferroque – хендиадис

Galata – к югу от Варны

offerre – “передавать”

spectabant = expectabant

comportare – “захватывать”

hostilem congressum – “сражение с врагом”

pertractare – “проводить”

vigilia – “канун”

armorum praesidiis – то есть латами

currus = carrus

eadem velocitate – то есть обоз должен был не отставать от остального войска

deberent – во вспомогательном значении

ante – наречие

ultima acierum in parte = novissima in acie

initium = ineuntium (initio)

quin convertebatur = q. converteretur

sextenarius – “в шесть раз превосходящий”

occurebant = occurrebant

in magno fremitu – “испуская громкий вой”

vexare – “утомлять”

moribundus – “смертельный”

aggredi – “попытаться”

venit inter – “вошел в”

obrutus et oppressus et interemptus est – “был свален, разбит и уничтожен”

quare – вследствие гибели короля

lapsus – “гибель”

immediate – “непосредственно” (плеоназм)

eorum castra = sua c.

nes mori nes vivere valentium – “находившихся на грани между жизнью и смертью”

mortua inter cadavera – “как и трупами”

conterens evertit – в переводе дать две личные формы

IX. Ad principes Germanos, ut bellum in Turcas concorditer suscipiant, Exhortatoria

1. Quis hoc sperare ausus erat, principes Germani, ut simul ista caderent, summa necessitas et optima occasio gerendi adversum Turcas belli? Fortunam appellare licet, an nefas est in subitos casus dei benignitatem reicere? Certe enim respexit nos deus: nam quid aliud dicam? uno eodemque tempore contigit, ut et bello opus sit Germanis et bellum inferre Turcis necesse sit. Gratulor felicitati nostrae, nisi quis parum felices putet, quibus non tantum facile est rem gerere longe pulcherrimam, sed et necessarium est. Adeo ad ingentem urgemur, gloriam, adeo omnia, quae nos circumstant, ad egregiam laudem cogunt: pax nobis cum omnibus extra finitimis, ac illis secum; intus summa annonae difficultas, quod anno superiori male provenerunt fruges, male vina; igitur cum maxima sit commeatus inopia, et populosissima sit hoc tempore Germania, quod votis omnibus optandum erat, ut esset foris bellum, quo istam exponeremus multitudinem, divinitus accidit, divinitus, inquam, ut bellandi contra Turcas et causa esset et necessitas. Iterum igitur dico, quis sperare hoc ausus erat? Sed ista, quo optatius nobis eveniunt, eo obstinatius conandum, ne et nostrae defuisse necessitati, et occasionem neglexisse pulcherrimam videamur: multi egent, multi esuriunt; in omnibus passim urbibus, oppidis ac vicis otiosi vagantur milites... paratos habetis milites etiam, si creditis, plures, quam opus est; paratum habetis ducem hunc Maximilianum Caesarem, qui annos iam plures unum hoc meditatur, unum hoc molitur atque agit, ut furentes Turcarum impetus sistat, ut novo ac ingenti facinore Germanicum nomen honestet.

2. Agite, audete: semper optima quaeque in fuga est occasio. Quae quia nunc proxime vobis adest, et quia nisi iam iam utamini, frustra posthac requiretis, quaeso, invadite, occupate, arripite, tenete. Male differtur, quod ab occasione differtur. Minus periculosa omnis celeritas est. Contra nunquam non in mora periculum. Proinde si unquam prius, nunc maxime properandum vobis. Inconsultum est, perniciosum est in tali tantaque opportunitate cunctari. Ab unis vobis universa Christianorum salus dependet, vos omnes intuentur, vestrum omnes auxilium orant, in vobis spem locant. A quibus destituti si fuerint, tum de se actum putant. Demum in vestris situm est animis, cedant Turcae, an reliquiae Christiani nominis pereant. Videtis quanta cum gloria quanta vobis utilitas coniuncta sit: dum vestra defenditis, aliena servatis; dum propriam causam agitis, interim de aliis bene meremini. Certe enim suam vobis salutem communiter acceptam omnes referent. Vos strenuos, vos fortes, vos pios, vos orbis Christiani liberatores praedicabunt...

3. Sed quid hoc bello quaeri possit? Quanquam esset id magnum incitamentum, ut ad spem lucri vocarem, nolim tamen huc potissimum respicere vos. Tria certe, quae tuenda omnino sunt, nisi et geritis bellum et mox geritis, amittentur: de fortunis vobis vestris, de dignitate, de ipsa denique salute certandum est. Quorum primum illud si negligetis, – calamitatem; secundum – turpitudinem; tertium – exitium adferet. Ergo erit hoc bellum utile, quia sic rebus vestris consulētis. Idem erit honestum, quia pro dignitate tuenda vitam exponētis. Eritque necessarium, quod nisi geratis vos esse non poteritis. Sed quia haec omnia in unum hoc tendunt, ut necesse sit hoc tempore arma contra Turcas sumere, sic fere orationem instruo, ut primo ostendam, quam necessarium sit hoc bellum; deinde, quo consilio id facile geri existimem. Et ut de periculi magnitudine, quod in illam vos necessitatem adigit, prius dicam, potest ullum esse maius periculum, quam cum is, qui tria maxima tribus orbis partibus imperia possidet, quod nobis terra marique inferat, bellum molitur? Vera est enim, principes, fama, quae de Turcarum apparatu nunciatur. Vera, inquam, nec huiusmodi, ut cum inanibus ante summorum pontificum fabulis conferri debeat. Nam illi, quoties in mentem venisset pecuniam a Germanis exugere, hoc capiebant consilium, ut aliquem mitterent, qui magno terrore clamaret adventare Turcas ac prope in ipso iam urbis prospectu hostem esse...

4. Et quanto magis conveniebat haec in consultationem illis venire, quam ea (quae ceu quaedam plane miracula in vulgus edenda putaverunt), utrum suscipiendum sit hoc bellum, cum id nemo ignoret; utrum offensive an defensive, cum id nihil referat; quae sint quae hoc bellum impediunt, cum hoc ipsi illi diu iam fuerint; per quos gerendum, cum imperatorem habeat Germania et milites; quo modo gerendum, cum non adhucita dedidicerimus artem militarem, ut a cardinalibus Romanis eam perdiscere oporteat. Aut si quis in Germania nesciat, unus hic Maximilianus Caesar tot gestis bellis, in quibus consenuit strenuus imperator, tam varia agitatus fortuna, tot casus expertus, oblitus esse non possit, ut ne istis illum ostendam Casimirum, qui iam summa omnium de se expectatione et optima spe in illa floret gloria, ac alios ne commemorem fortissimos per Germaniam principes, quos illi ut bello inutiles contemnere non potuerunt, quod tam manifeste illudi sibi patiantur – potuerunt.

5. Sed ad extremum prosequi hanc tragoediam non est praesentis instituti. Ad hoc redeo, unde ad illos consultores avocatus sum. Vera est fama de Turcis, ipsae res, ut allatum ad nos, ita gestae. Tum de bello, quod contra nos instruitur, nihil ementitum, nihil fictum. Illa efferata barbaries, illa, principes, diis hominibusque inimica gens Selino Othomanno (quem nos quiescere putabamus) imperatore, quod multis retro annis summa ope, maximo conatu adnixa est, nec posse credebatur, profudit se in Africam, subegit Aegyptum, devicit Syriam ac Iudaeam, universum Sulthani regnum imperio suo adiecit, ipsum cum acie primum vicisset, deinde etiam in potestatem accepisset, supplicio affecit. Res magna, res horrenda, res publica consternatione audienda et quodam

adeo luctu deploranda, non quod hostis noster tot populos et ipsos Christiano nomini infensos subiugavit, aut quod immanis Selinus imperii sui terminos in Africam usque protulit, vel quod ille sic erga nos affectus opulentissimarum nationum dominio potitus est et balsama metit, sed quod (o lachrymae, o planctus) sepulchrum genís impia possidet eius, qui nos caelos possidere facit. Qua victoria tumens ac elatus hostis, simul praeda, quae omnium fidem excedit, locupletatus, posteaquam impositis praesidis terga communit, magna spe, magno animo in gentibus actis delectibus, numerosissimis conscriptis copiis bellum in nos, quale nunquam prius, parat. Et ubi parat? Non in Asiam iam, aut in sua illic barbaria (nam quod facto ibi opus erat, multo ante, quam ad nos fama perveniret, curavit), sed cum universa nobilitate ac imperii proceribus Constantinopolim, ad nos, transmisit, ubi arma, equi, viri, currus ac machinae instruuntur. Atque haec ad bellum terra gerendum. Nam validissima ac supra quam necesse est munita classis, quae paulo post Italiam invadat, Ionium mare perambulat, ac ad ipsam usque Siciliam et Appuliam audet expatiari. Altera apud Thraces conficitur, quae Graeciae littora tueatur et his, quae mari possidet hostis, praesidio maneat.

6. Hominum in armis esse feruntur ad ducenta millia, non contemnendi per Christum milites, non penitus derelicti a virtute viri. Quos si nulla sua natura, nulla inter bellicosos homines assuetudo ad fortiter aliquid agendum instigaret, vel illa tam speciosa, illa tam omnium seculorum memoria digna victoria excitaret, illa ingens bello Sulthanico parta gloria ad aliquid ulterius egregie conandum inflammaret. Et iam incursiones fiunt in Illiricum, hostis in prospectum usque Hungarorum accessit. Ita iam non parat bellum, sed manifeste gerit. Tantum abest, ut Turcas quos paulo ante ignorabamus, ubinam essent, ac totam belli molem in Germaniam accipiamus. Creditis enim in hac fortuna quieturum, in hoc felicitatis suae cursu cessaturum, qui nullis unquam tranquillibus rebus quiescere didicit, intra nullam unquam fortunam se continuit, cui omnis odiosa remissio est, cuius ea est natura, ut in omnes occasiones intentus tumultum quieti praeferat, pace bellum potius ducat? Et ne penitus ignoretis Turcas, ab antiquo genti consuetudo est latrocinii ac rapina vitam tolerare. Quorum occasio si deesset, in feras grassabatur, venationi operam dans. Nam potiosem semper hominum capturam duxit. Domi in omnem libidinum ac turpitudinum foeditatem profusa, ad extremum ferox, efferata, crudelis, libidinosa, infida ac truculenta, neque fidem servans, neque foedera sancta habens, suae superstitionis ad extremum usque spiritum tenax, verae alioqui religioni hostis, sacra et profana, fas et nefas perinde ducens. Atque hos mores quantum nulla alia gens suos et diu et immutatos retinuit.

7. Septingentesimus ac septuagesimus a Christo nato annus agebatur, cum primum e Scythia pertransitis Caspiis portis frustra obnixis Avaribus in Asia minori malum hoc consedit. Ubi parum profectum putantes, si melioris caeli regionem nacti regnum sibi communirent, finitima primum latrocinii infestarunt, deinde, ut se occasio dedit, aut libido suasit, bellum

gesserunt. Quibus artibus non ita multos intra annos opulentissima Asiae regna suae dicionis fecerunt... Interim cum Saracenis conflictati eorum etiam religionem imbiberunt; ac nobilis illius Christianorum in Saracenos expeditionis procella icti aliquamdiu Hierosolymitanorum regum metu intra sua se continuerunt, donec Othomanno principe, quasi quam tot annos dissimulassent, solito maior erupit ferocia. Nihil non strenue in hunc usque diem ex ea familia principibus Turcarum arma exercentibus actum... Quibus successibus elati magna Orientalis imperii potiundi spe Constantinopolim obsederunt, atque inde rursus Scytharum Tamerlano principe armis pulsus, capto ac, postquam multo ludibrio divexatus esset, etiam occiso eorum principe Paizete, iterum sub Mahumete tributa Mysii imperarunt... et cum Pannonias quoque tentassent, pugna profligati decennales cum maioribus nostris inducias admiserunt Quas cum scelerato Eugenii pontificis hortatu nostri violassent, ingens sibi malum, reor Christo perfidiam suorum puniente, conciliarunt luctuoso apud Varnam praelio caesis, ut ferunt, Christiani sanguinis centum milibus interque eos Vladislao Polonorum rege.

8. Atque haec obiter pauca e multis, quae Turcae gesserunt ad tempora usque Mahumetis, eius, qui a magnitudine rerum a se gestarum Magni cognomentum meruit, deprompsi. Nam Magnus omnium superiorum gloriam bellica virtute longe superavit. Hic ille est, qui brevi tempore maxima confecit bella, qui cum Asiae imperium confirmasset, Constantinopolim summa nostra cum infamia, summo dedecore, alterum Christiani orbis oculum, nobis ademit. Peram in deditionem accepit, totam prostravit Graeciam, universum orientis imperium concussit eiusque et titulum et sedem occupavit. Hic ille est, qui ad deditionem coacta Mysia inferiori, superiorem quoque capto ac interempto eius principe optinuit, Hungaros multis ac magnis affecit cladibus, totum Illyricum bello contrivit. Et ne quis Germaniam ab hoc intactam putet, ex provinciis nostris depopulatus est Carniolam, e Croatia praedam abegit, Carinthiae ac Styriae vastitatem intulit. Nec segnius Italiam aggressus, in Appuliam classe transmisit, unde magno captivorum numero simul iumentis ac pecoribus abactis in Foro Iulii Venetis occurrit. Post Rhodum circumsidens obstinatissime per totos tres menses oppugnavit...

9. Qui cum iuvenis res iam tantas gesserit, ut terrore nominis sui totum orientem perculsum habeat, Italiam quasi obsidione cinxisset, ita metu premat, Hungaris terrorem incusserit, omnibus vastitatem et excidium minari audeat, quid acturum putatis, ubi simul cum annis animi quoque robur, consilium ac rerum gerendarum prudentia creverit? Aut quid de eo expectare licet, qui, cum adhuc incognitum eius apud has nationes nomen esset, eorum compos factus est, quae vix ulli maiores sui sperare ausi sunt? Atque haec talis, tam ferox, tam immanis, tam impetuosa belua, concitata furore, inflammata rabie, expeditionem in nos ducit, ac ita ducit, ut apparatus ad bellum omnibus prope adsit. Quot diebus enim, si terra velit, e Mysia ad nostras in Illyrico provincias accedet? Aut si mari, e Graecia Brundisium?

10. Proinde, o principes, cum in propinquo habeamus hostem validissimis instructum copiis et cui omnia bello necessaria ad superfluitatem usque suppetunt, qui milites ducit non Asiatica enervatos mollitie, sed iugi, mihi credite, induratos militia, non per immodicum voluptatis usum languentes corporibus, sed assidue bellando confirmatos animis, non domesticæ luxuriæ desiderio respicientes ad patriam, sed gloriæ cupiditate nostram accelerantes victoriam, qui splendidissimorum conscius sibi facinorum, deinde ditissimarum nationum auctus spoliis, esurientissimus gloriæ iuvenis animos sustulit et successu prioris fortunæ inflatus omnia amplissima sibi proponit, hunc talem, inquam, hostem cum in propinquo habeamus, ita, ut nullo iam mari nec ita longo terrarum intervallo discretum a nobis bellum sit, non ad resistendum vos accingetis? Non implorantes auxilium vestrum Christianos omnes audietis? Non in summo rerum discrimine vos excitabitis? Denique non defendendæ saltem Germaniæ consilium capitis?

11. Quam vos ista dedecet quies, ne dicam desidia. Et dico desidia: quid enim vel domi agimus interim strenue? Atque igitur sic puto, magis ista dedecet vos desidia quam Herculem muliebri vestimento, id est quam bellatorem virum colus et lana. Quocirca quia prope periculum est et ingentis adipiscendæ gloriæ in promptu occasio, exsurgite, exsurgite, nunquam rectius moniti estis, ut Germanos vos esse meminisse velitis. Iam nulla de nobis bona apud exteros opinio est, vestra culpa. Desidetis enim ac inglorii per otium torpetis, nec nostris utimini viribus. Nam quid aliquis admiratur nullam de nobis praeclaram peregre famam divagari? Ferrum quoque et aes, nisi exerceas, splendorem perdunt ac rubiginem induunt. At gerite bellum et nos exercete, statim vetus revigebit gloria, statim Germana recalescet virtus, non minus quam sulco attritus vomer splendescit.

12. Et hoc unum est consilium, quo possitis sinistram de vobis opinionem abolere ac veteris ignaviæ dedecus novæ virtutis gloria compensare. Fertis enim illam adhuc Germaniæ labem inuri, illam imprimis ignominiam, ut non ausa resistere Turcis credatur? Vultis illud maiorum vestrorum virtute partum imperium deserere? Immo vero mavultis, o principes, servire Turcis, quam mundo imperare? Vultis ultro iugum, cum depellere facile possitis, vobis accersere? Quam sunt omnia turpitudinis, omnia dedecorum plena. Et quam, nisi resipiscamus, nihil est in Germania Germanum.

ПРИМЕЧАНИЯ

Воззвание Ульриха фон Гуттена начать войну против турок, обращенное к немецким князьям (1517), отражает идеологию мелкого рыцарства исторически обреченного, но питающего иллюзии относительно возможности объединиться для внешних предприя-

тий. Язык воззвания – типичный образец позднегуманистической латыни.

1

simul cadere – “совпадать”

occasio – “предлог”

appellare = appellare

in subitos casus dei benignitatem reicere – “объяснять милость божью неожиданностью”

respexit – “призрел”

gratulari – “радоваться”

urgere ad gloriam – “заставлять думать о славе”

superiori = superiore

quod – quod causale

2

fuga – “поспешность”

ab occasione – “при наличии повода”

minus = non

agere – “кончать”

situm est (in animis) – “зависит (от)”

3

ad spem vocare – “вызвать надежду”

vos esse non poteritis – “погибните”

et ut dicam – вводное предложение

summus pontifex – “папа”

4

haec – гнет папства

in consultationem venire – “обсуждаться”

aut si... nesciat – вводное предложение

Maximilianus – Максимилиан I

ut ne = ne (союз начинает вводное предложение)

expectatione et spe – abl. modi

illi = summi pontifices

5

unde avocatus sum – “где меня отвлекли”

Selinus – Селим I Храбрый из династии Османов

quod – прямое дополнение

nec posse credebatur = quod nec posse esse c.

sulthanus – последний султан из сирийских мамелюков

balsama metit - "пожинает плоды"
sepulchrum - гроб Господен

6

per Christum = a christianis
ne... Turcas - вводное предложение

7

minori = minore
Christianorum expeditionis - имеется в виду 1-й крестовый поход
Paizete - Баязид I
decennales inducias - перемирие 1443 г., заключенное после "долгого" похода Хуняди
Eugenius - Евгений IV
Christo puniente - по смыслу связано с geor
Vladislaus - Владислав III

8

ad tempora usque Mahumetis - то есть Мехмеда II
Pera - окраина Константинополя
ne quis... putet - вводное предложение
post = postea
Forum Iulii - Фиуме
Veneti - "венетианцы"

9

iuvenis - султану при взятии Константинополя было немного более
20 лет

10

hostem = Selinum
nostram victoriam = victoriam nostri (gen. obiect.)

11

ne dicam - вводное предложение

12

fertis = patimini

Литература

В списке литературы приводим лишь наиболее важные руководства по изучаемому вопросу, из которых нами взято большое число грамматических примеров, а также ряд словарей.

1. Strecker K. Einführung in das Mittellatein. Berlin, 1939.
2. Beeson Ch. A Primer of medieval Latin. Folkestone, 1973.
3. Cremaschi G. Guida allo studio del Latino medievale. Padova, 1959.
4. Langosch K. Lateinisches Mittelalter. Darmstadt, 1963.
5. Norberg D. Manuale di latino medievale. Firenze, 1974.
6. Маленин А.С. Латинский церковный язык. Сергиев Посад, 1907.
7. Садов А.И. Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени (до VIII века). Петроград, 1917. Ч. 1.
8. Du Cange Ch. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1882-1887.
9. Heinichen F.A. Lateinisch-Taschenwörterbuch. Leipzig, 1980.
10. Baxter J.H., Johnson Ch. Medieval latin Word-List from British and Irish Sources. London, 1965.
11. Graesse J.G.Th. Orbis latinus. Berlin, 1922.

Сокращения при ссылках на источники

1. *Annales Stadenses* = *Annales Stadenses* // MGH. Scriptorum v. XVI. Hannoverae, 1859.
2. *Chronica Hungarorum* = Johannes de Thurocz. *Chronica Hungarorum* // Schwandtner J.G. *Scriptores rerum Hungaricarum*. Vindobonae, 1766. T. I.
3. *Lamperti annales* = *Lamperti monachi Hersfeldensis annales* // *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. Berlin. Bd XIII.
4. *Procès...* = Quicherat J. *Procès de condamnation et réhabilitation de Jeanne d'Arc*. Paris, 1841. T. I.
5. *Annales Hamburgenses* = *Annales Hamburgenses* // MGH. Scriptorum v. XVI. Hannoverae, 1859.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение: ПУТИ РАЗВИТИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНИЕ ВЕКА	5

А. ФОНЕТИКА

I. Буквы	10
II. Новые фонетические явления	11
1. Диграфы	11
а) Исчезновение диграфов	11
б) Неправильное употребление диграфов	11
2. Дифтонги	11
3. Перегласовка	12
4. Звук h	12
5. Удвоенные согласные	12
6. Взаимозамена согласных звуков и изменение сочетаний согласных	13
7. Ударение	13

Б. МОРФОЛОГИЯ

I. Глагол	14
1. Спряжение	14
2. Образование времени	14
3. Основа	15
4. Залог	15
5. Значение <i>participium perfecti</i>	15
6. Значение <i>participium praesentis</i>	15
7. Герундий	16
8. Герундив	16
9. <i>Infinitivus futuri passivi</i>	16
10. Описательное спряжение	16
11. Вспомогательное значение глаголов	16
12. Отглагольные прилагательные	17
13. Безличные глаголы	17
14. Значение неопределенной формы	17
II. Существительное	17
1. Род	17
2. Падежные формы	18
3. Число	18
4. Склонение	18

III. Прилагательное	18
1. Форма аблатива ед. ч. в сравнительной степени	18
2. Значение степеней сравнения	18
3. Форма прилагательного положительной степени в аблативе ед. ч.	19
4. Семантика некоторых прилагательных	19
5. Местоименные прилагательные	19
IV. Местоимение	20
1. Морфология местоимений	20
2. Личные местоимения	20
3. Указательные местоимения	20
4. Возвратное местоимение	21
5. Притяжательные местоимения	21
6. Появление артиклей	21
V. Числительное	21
VI. Наречие	22
VII. Предлог	22
VIII. Союз	23
1. Сочинительные союзы	23
2. Подчинительные союзы	23

В. СИНТАКСИС

I. Простое предложение	25
1. Расстановка членов предложения	25
2. Функции падежей и примеры на управление падежами	25
3. Предложные выражения	26
4. Указание на города при вопросах "где?", "куда?", "откуда?" ..	27
5. Употребление времен	28
6. Неопределенная форма	28
7. Оборот <i>accusativus cum infinitivo</i>	28
8. <i>Participium</i>	29
9. <i>Ablativus absolutus</i>	29
10. <i>Accusativus absolutus, nominativus absolutus</i>	29
11. Употребление герундива	30
II. Сложное предложение	30
1. Общее замечание об употреблении наклонений в придаточных предложениях	30
2. Типы придаточных предложений	30

Г. ЛЕКСИКА

I. Новообразования	33
1. Старые латинские корни	33
2. Германские и кельтские корни	34
3. Термины греческого происхождения	34
4. Славянские термины	35
5. Другие пути обогащения словаря	35
II. Семантика	35

Д. МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

I. Испанская латынь	39
II. Островная латынь	39
III. Франко-галльская латынь	40
IV. Итальянская латынь	40

Е. ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

I. Метрическое стихосложение	41
II. Ритмическое стихосложение	42
III. Проза	42

Ж. ЭКСКУРС: СЛОЖНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ОБОРОТЫ

I. Постановка вопроса. Критика формулировки С.И. Соболевского	43
II. Суть конструкции сложного оборота	44
III. Прием перевода	44
IV. Сложные инфинитивные обороты в других языках	45
V. Попытки упрощения конструкции, наблюдаемые в разных языках	46
VI. Широта распространения сложных инфинитивных оборотов	47
VII. Сложные абсолютные обороты	47

3. ХРЕСТОМАТИЯ

I. De origine actibusque Getarum	51
II. Einhardi vita Karoli Magni	56
III. Lamperti monachi Hersfeldensis annales	67
IV. Epistola I, quae est historia calamitatum Abaelardi, ad amicum scripta	78
V. Источники по движению пастушков	84
VI. Восстание Уота Тайлера в освещении хроник	93
VII. Протоколы обвинительного процесса Жанны д'Арк	106
VIII. Iohannes de Thurocz. Chronica Hungarorum ...	115
IX. Ad principes Germanos, ut bellum in Turcas concorditer suscipiant, Exhortatoria	130
Литература	137
Сокращения при ссылках на источники	138

Учебное издание

ДРВОГЛАВ Донат Александрович

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТЫНИ

Зав. редакцией *Г.М. Степаненко*

Редактор *Л.В. Кутукова*

Художественный редактор *М.Ф. Евстафиева*

Обложка художника *В.С. Казакова*

Технический редактор *Т.А. Корнеева*

Оператор ПЭВМ *А.В. Атанов*

Корректоры *И.А. Мушников, Н.В. Иванова*

ИБ № 6166

ЛРН№ 04 04 14 от 27.03.92

Сдано в набор 17.02.93

Подписано в печать 30.06.93

Формат 60×90 1/16. Бумага офс. кн.-журн.

Гарнитура литературная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 9,00. Уч.-изд. л. 7,94

Тираж 1000 экз. Заказ № 1157. Изд. № 2614

Оригинал-макет подготовлен
с использованием издательской системы **TeX**
в ЛВМ механико-математического факультета МГУ.

Ордена "Знак Почета" издательство
Московского университета.

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена "Знак Почета" изд-ва МГУ

119899, Москва, Воробьевы горы.

**НОВЫЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

М а я к И.Л.

РИМЛЯНЕ РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ. – 10 л.

Книга посвящена истории римского общества после изгнания царей и содержит яркий материал о видных деятелях и простых людях раннереспубликанского Рима. Автор рассказывает о судьбе отпрысков этрусской династии, появлении правящего слоя, положении патрициев и плебеев. Воссозданы картины римского быта, обрисованы нравы и религиозные верования, показана общественная деятельность и частная жизнь многих знаменитых римлян.

Для историков, студентов, учителей средних школ, гимназий, лицеев и читателей, интересующихся античной историей.

Темплан 1993 г., № 65